

Язык охраняется законом

В своем сочинении «Путешествие из Москвы в Петербург» А. С. Пушкин назвал язык и зрение «общей принадлежностью всего человеческого рода». Одной фразой великий поэт определил основное предназначение языка — быть зеркалом всего человечества, каждого народа, великого и малого, каждой личности, в котором отражается его мировидение. Язык есть та неотчуждаемая принадлежность любого народа, то культурно-природное наследие, в котором находит выражение его идентичность, самосознание и самобытность. Вне всякого сомнения, именно язык следует считать доминантным признаком этноса. Все другие — общность территории, государственность, социальное устройство — по отношению к языку признаки сопутствующие. Исчезнет язык — уйдет в небытие и народ, горевший на нем. Не случайно в русской традиции еще в XIX веке слова *язык* и *народ* были синонимами. Вспомним бессмертные строки из «Памятника» А. С. Пушкина:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой,
Тунгус, и друг степей калмык.

Языки всех народов России, вне зависимости от их численности, являются уникальным и бесценным достоянием не только нашей страны, но и всего человеческого сообщества. Охрана и поддержание полноценной жизни всех языков на исходе XX века стали не только нравственной проблемой, но и юридической, правовой.

За последние годы приняты законы о языках во многих суверенных республиках, а теперь уже и самостоятельных государствах, входивших до недавнего времени в СССР. В 1990 году был опубликован Закон о языках Союза ССР. Приступили к разработке законодательства о языках бывшие автономные, а ныне суверенные республики в составе РСФСР.

Осенью 1990 года был образован авторский коллектив ученых-филологов, который подготовил Закон РСФСР «О языках народов РСФСР». 25 октября 1991 года этот Закон был единогласно (!) одобрен Верховным Советом РСФСР. В законодательной практике России Закон о языках принимается впервые.

При построении основ языкового законодательства был внимательно изучен и проанализирован опыт, накопленный при составлении республиканских законов о языках, Закона СССР «О языках народов СССР»,

а также обобщена практика языкового законодательства в зарубежных странах. Разработке корпуса Закона предшествовала напряженная работа над концепцией, т. е. над основополагающими принципами языкового законодательства. Концепция Закона о языках народов РСФСР была одобрена на Всесоюзной конференции «Родной язык и национальная культура» (Звенигород, Московской обл. 28 января - 1 февраля 1991 г.), организованной научно-общественным советом «Родной язык» Советского фонда культуры и Институтом русского языка АН СССР.

В основу Закона РСФСР «О языках народов РСФСР» положена идея о приоритете общечеловеческих духовных ценностей, важнейшим компонентом которых является язык. Высшая цель Закона — обеспечение условий для сохранения и равноправного развития всех языков народов России. Впервые все языки Российской Федерации становятся субъектами права. Закон гарантирует каждому из них государственную защиту и поддержку вне зависимости от его статуса и количества говорящих на нем.

Концепция Закона вобрала в себя все наиболее ценное и гуманное из того, что добыто мировой юриспруденцией, регулирующей национально-языковые отношения. Вместе с тем в мировую законодательскую практику впервые нами введено понятие **языкового суверенитета** как совокупности языковых прав народа и личности. Безоговорочно признаются и законодательно формулируются языковые права личности, независимо от расы, национальности, вероисповедания и места проживания.

Одним из центральных вопросов, требующих законодательного разрешения, несомненно является правовой статус языков на территории Российской Федерации. Принципиальное значение имеет придание русскому языку, выполняющему функции языка-посредника между всеми народами России, статуса государственного языка на всей территории РСФСР. Впервые вопрос об определении статуса национальных языков республик, входящих в состав РСФСР, отнесен к компетенции законодательных органов этих республик, которые самостоятельно принимают решение о статусе языков на их территории и по другим языковым вопросам. В настоящем Законе проведено четкое разграничение компетенции высших законодательных органов РСФСР и субъектов Федерации в правовом регулировании использования языка в различных сферах общения.

Следует обратить внимание на ту часть Закона, где достаточно строго разграничиваются сферы функционирования языка, подлежащие правовому регулированию, и сферы, не подпадающие под регламентацию. Говоря коротко, правовому регулированию подлежат официальные сферы общения, а межличностные, неофициальные сферы коммуникации Закон не регулирует. За его рамками остается также языковая деятельность религиозных объединений различных конфессий.

Значительное место в Законе занимают правовые гарантии сохранения и развития языков малочисленных народов, а также народов, ком-

пактно проживающих в России, вне пределов своих государственных образований.

Закон РСФСР «О языках народов РСФСР» призван способствовать максимальному раскрытию национально культурного потенциала всех народов, населяющих Россию. Полагаем, что настоящий Закон будет служить идеалам Добра и Справедливости, воспитывать чувства уважительности к народам иного языка, иной культуры.

Вступая в силу со времени опубликования, Закон, помимо чисто правовых последствий, влечет за собой и практические действия. Для превращения в жизнь принципов, заложенных в Законе, его авторский коллектив начал работать над конценцией Государственной программы сохранения и развития языков России. В Постановлении Верховного Совета РСФСР также предусматривается создание Института языков народов РСФСР, в задачи которого войдет научное обеспечение разработки и реализации программы.

Публикуемый Закон РСФСР «О языках народов РСФСР» был подготовлен авторским коллективом в следующем составе: к.ф.н. В. Н. Белоусов, член ВС РСФСР, к.ф.н. К. О. А. Бичелдей, д.ф.н. М. В. Дьячков, С. Ю. Житенев, д.ф.н. В. П. Нерознак, М. В. Орешкина, к.ф.н. А. Г. Черемин. В работе над Законом на различных этапах принимали участие также д.ф.н. М. Н. Всеволодова, член ВС РСФСР И. А. Вертоградская, д.ф.н. М. И. Исаев, член-корр. АН СССР Ю. П. Караулов, академик АН СССР В. Г. Костомаров, д.ф.н. В. Ю. Михальченко, член Президиума ВС РСФСР Р. С. Мухаммадиев, член ВС РСФСР А. М. Николаев, П. К. Савельев, член ВС РСФСР Ю. И. Семуков, член ВС РСФСР Р. М. Смирнов, член ВС РСФСР В. Н. Хайрюзов.

В. П. Нерознак,

*доктор филологических наук, профессор,
научный руководитель коллектива авторов
Закона РСФСР «О языках народов РСФСР»*

ДЕКЛАРАЦИЯ О ЯЗЫКАХ НАРОДОВ РОССИИ

ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РСФСР,

выражая волю и интересы народов РСФСР,

следуя принципам Всеобщей декларации прав человека, Декларации о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики,

принимая на себя ответственность за сохранение и развитие самобытных культур и языков народов РСФСР,

утверждая приоритет общечеловеческих ценностей, равно как и духовных ценностей каждого народа,

признавая языковой суверенитет каждого народа и личности независимо от происхождения человека, его социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, отношения к религии и места проживания,

ПРОВОЗГЛАШАЕТ:

право каждого человека на свободный выбор языка обучения, воспитания и интеллектуального творчества;

право каждого человека на свободный выбор языка общения;

равные возможности для сохранения, изучения и развития всех языков народов РСФСР;

равную социальную, экономическую и юридическую защиту государством всех языков народов РСФСР;

особую заботу и внимание государства к языкам малочисленных народов, а также народов, не имеющих своих национально-государственных и национально-территориальных образований;

желательность и необходимость овладения языками межнационального общения и другими языками народов РСФСР, проживающих на одной территории.

Верховный Совет РСФСР призывает граждан России способствовать воспитанию уважительного и бережного отношения к языкам всех народов нашей Родины, всемерно развивать культуру языкового общения, оберегать чистоту родной речи. Высокое предназначение языка в исторических судьбах каждого народа определяет его как неповторимое явление общечеловеческой культуры.

ЗАКОН

Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

О языках народов РСФСР

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Языки народов РСФСР — национальное достояние Российского государства. Они являются историко-культурным наследием и находятся под защитой государства.

Языки народов РСФСР — важнейший элемент культуры, основная форма проявления национального и личного самосознания.

Языковая ситуация в РСФСР характеризуется многообразием форм функционирования языков разных народов в различных сферах общения. На территории Российской Федерации с ее многонациональным населением традиционно сложившейся нормой языкового сосуществования является двуязычие и многоязычие.

Настоящий Закон направлен на создание условий для сохранения и равноправного и самобытного развития языков народов РСФСР и призван стать основой для формирования системы правового регулирования деятельности юридических и физических лиц, разработки подзаконных и нормативных актов в целях реализации положений данного Закона.

Государство на всей территории РСФСР способствует развитию национальных языков, двуязычию и многоязычию.

В РСФСР недопустимы пропаганда вражды и пренебрежения к любому языку, создание противоречащих конституционно установленным принципам национальной политики препятствий, ограничений и привилегий в использовании языков, иные нарушения законодательства о языках народов РСФСР и республик в составе РСФСР.

Глава I

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 1. Законодательство РСФСР о языках народов РСФСР

1. Законодательство РСФСР о языках народов РСФСР состоит из настоящего Закона и издаваемых в соответствии с ним иных законодательных актов РСФСР и республик в составе РСФСР.

2. Настоящий Закон охватывает сферы языкового общения, подлежащие правовому регулированию, и не устанавливает юридические нормы использования языков народов РСФСР в межличностных неофициальных взаимоотношениях, а также в деятельности общественных и религиозных объединений и организаций.

Статья 2. Государственные гарантии языкового суверенитета народов и личности

1. Языковой суверенитет - совокупность прав народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения.

2. На территории РСФСР государством гарантируется языковой суверенитет каждого народа независимо от его численности и правового положения и языковой суверенитет личности независимо от происхождения человека, его социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, отношения к религии и места проживания.

3. Языковой суверенитет народов и личности охраняется законом. Никто не вправе навязывать человеку использование того или иного языка помимо его воли, кроме случаев, предусмотренных законодательством РСФСР. Нормы, устанавливаемые настоящим Законом, распространяются на граждан РСФСР, а также на лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории РСФСР.

Статья 3. Правовое положение языков

1. Государство признает равные права всех языков народов РСФСР на их сохранение и развитие. Все языки народов РСФСР пользуются поддержкой государства.

2. Русский язык, являющийся основным средством межнационального общения народов РСФСР в соответствии со сложившимися историко-культурными традициями, имеет статус государственного языка РСФСР на всей территории РСФСР.

3. Республики в составе РСФСР в соответствии с настоящим Законом самостоятельно принимают решения о правовом положении языков

народов, проживающих на их территориях. Республики в составе РСФСР могут устанавливать статус государственного языка республики в составе РСФСР.

4. В местности компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за их пределами, наряду с русским языком и государственными языками республик в составе РСФСР, в официальных сферах общения может использоваться язык населения данной местности. Порядок использования языков в таких местностях определяется законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР.

Статья 4. Гарантии защиты языков народов РСФСР

1. Языки народов РСФСР пользуются защитой государства. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти РСФСР гарантируют и обеспечивают социальную, экономическую и юридическую защиту всех языков народов РСФСР.

2. Социальная защита языков предусматривает проведение научно обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение всех языков народов РСФСР на территории РСФСР.

3. Экономическая защита языков предполагает целевое бюджетное и иное финансовое обеспечение государственных и научных программ сохранения и развития языков народов РСФСР, проведение в этих целях льготной налоговой политики.

4. Юридическая защита языков предполагает обеспечение ответственности юридических и физических лиц за нарушение законодательства РСФСР о языках народов РСФСР.

Статья 5. Гарантии прав граждан РСФСР вне зависимости от их знания языка

1. Государство гарантирует гражданам РСФСР осуществление основных политических, экономических, социальных и культурных прав вне зависимости от их знания какого-либо языка.

2. Знание или незнание языка не может служить основанием для ограничения языковых прав граждан РСФСР. Нарушение языковых прав народов и личности влечет за собой ответственность согласно закону.

Статья 6. Компетенция РСФСР в сфере охраны, изучения и использования языков народов РСФСР

Ведению РСФСР в лице высших органов государственной власти Республики в сфере охраны и использования языков народов РСФСР подлежит:

установление общих принципов законодательства РСФСР о языках народов РСФСР;

обеспечение функционирования русского языка как государственного языка РСФСР;

содействие развитию государственных языков республик в составе РСФСР;

создание условий для сохранения и развития языков малочисленных народов и этнических групп, не имеющих своих национально-государственных и национально-территориальных образований или проживающих за их пределами;

содействие изучению языков народов РСФСР за пределами РСФСР.

Статья 7. Государственные программы сохранения и развития языков народов РСФСР

1. Государственные программы РСФСР и республик в составе РСФСР по сохранению и развитию языков народов РСФСР разрабатываются соответствующими органами законодательной и исполнительной власти, утверждаются Верховным Советом РСФСР и Верховными Советами республик в составе РСФСР. Их реализацию в установленные сроки обеспечивают органы исполнительной власти.

Финансирование государственных программ сохранения и развития языков народов РСФСР предусматривается при составлении бюджетов всех уровней.

2. Государственные программы сохранения и развития языков предусматривают такие направления, как содействие изданию литературы на всех языках народов РСФСР, финансирование их научных исследований, создание условий для использования различных языков в средствах массовой информации, организация работы по подготовке кадров специалистов, работающих в области сохранения и развития языков народов РСФСР, развитие системы народного образования с целью совершенствования языковой культуры народов РСФСР, и другие.

Глава II

ПРАВА ГРАЖДАН ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РСФСР

Статья 8. Право на выбор языка общения

В сферах общения, подлежащих правовому регулированию в соответствии с настоящим Законом, право выбора и использования языка общения гражданами РСФСР определяется законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР.

Статья 9. Право на выбор языка воспитания и обучения

1. Граждане РСФСР имеют право свободного выбора языка воспитания и обучения.

2. Государство обеспечивает на территории РСФСР создание системы воспитательно-образовательных учреждений, иных форм воспитания и обучения на языках народов РСФСР.

3. Право выбора воспитательно-образовательного учреждения с тем или иным языком воспитания и обучения детей принадлежит родителям или лицам, их заменяющим в соответствии с законодательством РСФСР.

4. Язык обучения в средних, средних специальных и высших учебных заведениях определяется законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР.

5. Гражданам РСФСР, проживающим за пределами своих национально-государственных и национально-территориальных образований, а также не имеющим таковых, представителям малочисленных народов и этнических групп государство оказывает содействие в организации различных форм воспитания и обучения на родном языке независимо от их количества и в соответствии с их потребностями.

Статья 10. Изучение и преподавание языков народов РСФСР

1. Государство обеспечивает гражданам РСФСР условия для изучения и преподавания родного языка и других языков народов РСФСР.

2. Русский язык как государственный язык РСФСР изучается в средних, средних специальных и высших учебных заведениях.

3. Преподавание государственных и иных языков в республиках в составе РСФСР осуществляется в соответствии с их законодательством.

4. Каждый народ РСФСР, не имеющий своей письменности, обладает правом создавать письменность на родном языке. Государство обеспечивает для этого необходимые условия.

5. Государство создает условия для научных исследований всех языков народов РСФСР.

Глава III

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РСФСР В ВЫСШИХ ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ В РСФСР

Статья 11. Язык работы высших законодательных органов РСФСР

1. В высших законодательных органах РСФСР работа ведется на государственном языке РСФСР.

2. На съездах народных депутатов РСФСР, сессиях Верховного Совета РСФСР, на заседаниях Президиума, Совета Республики, Совета Наций

пальностей Верховного Совета РСФСР народным депутатам РСФСР предоставляется право выступать по их усмотрению на любом государственном языке республик в составе РСФСР. Их выступления обеспечиваются переводом на государственный язык РСФСР в порядке, установленном решениями высших законодательных органов РСФСР.

3. Слушания в комиссиях Совета Республики и Совета Национальностей и в комитетах Верховного Совета РСФСР проводятся на государственном языке РСФСР и в случае необходимости на любом другом языке народов РСФСР с обеспечением соответствующего перевода.

4. Проекты законов и других нормативных актов вносятся на рассмотрение съездов народных депутатов РСФСР, Верховного Совета РСФСР, Президиума, Совета Республики, Совета Национальностей, комиссий, палат, комитетов Верховного Совета РСФСР на государственном языке РСФСР.

Статья 12. Язык опубликования законов и других правовых актов РСФСР

Тексты законов РСФСР и других правовых актов, принятых съездами народных депутатов РСФСР, Верховным Советом РСФСР, Президиумом, Советом Республики, Советом Национальностей Верховного Совета РСФСР, Президентом РСФСР, публикуются на государственном языке РСФСР и государственных языках республик в составе РСФСР, имеют официальный характер и равную юридическую силу.

Статья 13. Язык опубликования законов и других правовых актов республик в составе РСФСР

Тексты законов и других правовых актов, принятых законодательными органами республик в составе РСФСР, публикуются на их государственных языках и на государственном языке РСФСР в соответствии с законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР, имеют официальный характер и равную юридическую силу.

Статья 14. Язык проведения выборов в законодательные органы РСФСР, Президента РСФСР и референдумов

1. При подготовке и проведении выборов в законодательные органы и Президента РСФСР используются государственный язык РСФСР, государственные языки республик в составе РСФСР и иные языки, определяемые законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР.

2. Языки, используемые при подготовке и проведении всероссийских референдумов, определяются Верховным Советом РСФСР.

Языки, используемые для подготовки и проведения референдумов в республиках в составе РСФСР, устанавливаются в соответствии с законодательством данных республик.

3. Избирательные бюллетени для выборов и референдумов оформляются на государственном языке РСФСР и на языках их проведения. Документация, направляемая в центральные органы РСФСР по проведению выборов и референдумов, оформляется на государственном языке РСФСР.

Глава IV

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РСФСР В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ, ОРГАНИЗАЦИЙ, ПРЕДПРИЯТИЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ

Статья 15. Использование языков в работе государственных органов, организаций, предприятий и учреждений

1. В деятельности государственных органов, организаций, предприятий и учреждений РСФСР используются государственный язык РСФСР, государственные языки республик в составе РСФСР и иные языки народов РСФСР.

2. Гражданам РСФСР, не владеющим государственным языком РСФСР и государственным языком республики в составе РСФСР, предоставляется право выступать на заседании, совещании, собрании в государственных органах, организациях, на предприятиях и в учреждениях на том языке, которым они владеют. В случае необходимости обеспечивается соответствующий перевод.

3. Гражданам РСФСР, не владеющим тем языком, на котором ведется заседание, совещание, собрание в государственных органах, организациях, на предприятиях и в учреждениях, в случае необходимости обеспечивается перевод на приемлемый для этих граждан язык или на государственный язык РСФСР.

4. Граждане РСФСР вправе обращаться в государственные органы, организации, на предприятия и в учреждения РСФСР с предложениями, заявлениями, жалобами на государственном языке РСФСР, родном языке или на любом другом языке народов РСФСР, которым они владеют.

5. Ответы на предложения, заявления и жалобы граждан РСФСР, на правлениях в государственные органы, организации, на предприятия и в учреждения РСФСР, даются на языке обращения. В случае невозможности дать ответ на языке обращения используется государственный язык РСФСР.

6. Положениями о языковых квалификационных требованиях РСФСР к республик в составе РСФСР могут предусматриваться определенные

ограничения и нормы по использованию языков в сфере профессионального общения.

Статья 16. Использование языков в официальном делопроизводстве

1. На территории РСФСР официальное делопроизводство в государственных органах, организациях, на предприятиях и в учреждениях ведется на русском языке как государственном языке РСФСР. Официальное делопроизводство в республиках в составе РСФСР ведется также на государственных языках данных республик. Порядок использования языков в официальном делопроизводстве определяется законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР.

2. Тексты документов (бланков, печатей, штампов, штемпелей) и вывесок с наименованиями государственных органов, организаций, предприятий и учреждений оформляются на государственном языке РСФСР, государственных языках республик в составе РСФСР и иных языках народов РСФСР, определяемых законодательством республик в составе РСФСР.

3. В местностях компактного проживания иноязычного населения официальное делопроизводство в государственных органах, организациях, на предприятиях и в учреждениях может вестись не только на государственном языке РСФСР, государственных языках республик в составе РСФСР, но и на языке большинства населения такой местности. Порядок использования языков в официальном делопроизводстве в таких местностях определяется законодательством РСФСР.

4. Официальные документы, удостоверяющие личность гражданина или сведения о нем (паспорта, свидетельства о рождении, браке и смерти, грудные книжки, аттестаты и дипломы об окончании учебных заведений, военные билеты и другие документы), оформляются с учетом национальных традиций именованья на русском языке и на государственных языках республик в составе РСФСР, на территориях которых выдаются эти документы.

Статья 17. Использование языков в официальной переписке

Официальная переписка и иные формы официальных взаимоотношений между государственными органами, организациями, предприятиями, учреждениями республик в составе РСФСР с адресатами в РСФСР ведутся на государственном языке РСФСР.

Статья 18. Использование языков в судопроизводстве и делопроизводстве в правоохранительных органах

1. Судопроизводство и делопроизводство в Конституционном Суде РСФСР, Верховном Суде РСФСР, Высшем арбитражном суде РСФСР и в

других правоохранительных органах РСФСР ведется на государственном языке РСФСР.

2. Судопроизводство и делопроизводство в правоохранительных органах республик в составе РСФСР ведется на государственных языках этих республик и (или) на языке большинства иноязычного населения, компактно проживающего в какой-либо местности, а также на государственном языке РСФСР в соответствии с законодательством РСФСР.

3. Лицам, участвующим в деле, не владеющим языком или языками, на которых ведется судопроизводство и делопроизводство в правоохранительных органах, гарантируется возможность пользоваться услугами переводчика в процессуальных действиях, в том числе для дачи объяснений, показаний и полного ознакомления с материалами дела, а также гарантируется право выступать в суде на родном языке.

4. Нарушение установленного законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР порядка использования языков в судопроизводстве и делопроизводстве в правоохранительных органах является основанием для отмены судебного решения и всех других процессуальных решений, принимаемых по делам, находящимся в производстве.

Статья 19. Использование языков в нотариальном делопроизводстве

1. Правила определения языка судопроизводства распространяются на язык нотариального делопроизводства в государственных нотариальных конторах и в других государственных органах, выполняющих функции нотариального делопроизводства.

2. Документы оформляются на государственном языке РСФСР, если гражданин, обратившийся за совершением нотариального действия, не владеет тем языком, на котором ведется делопроизводство.

Статья 20. Язык средств массовой информации

1. Издание всероссийских газет и журналов, передачи всероссийского телевидения и радиовещания осуществляется на русском языке как на государственном языке РСФСР. Всероссийские газеты и журналы могут также по усмотрению учредителей издаваться на иных языках.

2. В средствах массовой информации республик в составе РСФСР используются русский язык, государственные языки республик в составе РСФСР, а также иные языки народов, проживающих на их территориях.

3. При переводе и дублировании кино- и видеопроизведения используются государственный язык РСФСР, государственные языки республик в составе РСФСР и другие языки с учетом интересов населения.

4. Порядок использования языков в средствах массовой информации определяется законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР.

Статья 21. Языки, используемые в сферах промышленности, связи, транспорта и энергетики

1. В сферах промышленности, связи, транспорта и энергетики на всей территории РСФСР применяется русский язык как государственный язык РСФСР, а также другие языки в соответствии с международными и межреспубликанскими договорами РСФСР.

2. В сферах промышленности, связи, транспорта и энергетики на местном уровне наряду с государственным языком РСФСР, государственными языками республик в составе РСФСР могут употребляться другие языки с учетом интересов местного населения.

Статья 22. Языки, используемые в сфере обслуживания и в коммерческой деятельности

1. Порядок использования языков в сфере обслуживания и в коммерческой деятельности определяется законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР. Отказ в обслуживании граждан под предлогом незнания языка недопустим и влечет за собой ответственность согласно законодательству РСФСР и республик в составе РСФСР.

2. Делопроизводство в сфере обслуживания и коммерческой деятельности ведется на государственном языке РСФСР и иных языках, предусмотренных договорами между деловыми партнерами.

Глава V

ЯЗЫК ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ И НАДПИСЕЙ, ТОПОГРАФИЧЕСКИХ ОБЗНАЧЕНИЙ И ДОРОЖНЫХ УКАЗАТЕЛЕЙ

Статья 23. Порядок определения языка географических наименований и надписей, топографических обозначений и дорожных указателей

РСФСР и республики в составе РСФСР, края и области, автономная область, автономные округа РСФСР в соответствии с их компетенцией определяют перечень территорий и объектов, где географические наименования и надписей, топографические обозначения, дорожные указатели должны оформляться на государственном языке РСФСР, на государственных языках республик в составе РСФСР, а также на иных языках с учетом интересов местного населения.

Статья 24. Обязанность органов исполнительной власти по оформлению и установлению надписей, топографических обозначений в дорожных указателях

Органы исполнительной власти обеспечивают установку надписей, топографических обозначений и дорожных указателей и несут ответственность за их оформление и поддержание в надлежащем порядке в соответствии с законодательством РСФСР, международными стандартами.

Статья 25. Наименование и переименование территорий, населенных пунктов и иных объектов

1. Наименование и переименование территорий, населенных пунктов и иных объектов производится на языках народов РСФСР в соответствии с законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР.

2. Порядок использования языков при наименовании и переименовании указанных объектов определяется органами государственной власти, в ведении которых они находятся, в соответствии с их компетенцией.

Глава VI

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКОВ В ОТНОШЕНИЯХ РСФСР С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ, МЕЖДУНАРОДНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ, РЕСПУБЛИКАМИ В СОСТАВЕ РСФСР

Статья 26. Использование языков в отношениях РСФСР с зарубежными странами и международными организациями

1. Деятельность зарубежных представительств РСФСР, внешнеполитических, внешнеэкономических и иных учреждений РСФСР осуществляется на государственном языке РСФСР и на языке соответствующей страны.

2. Договоры, соглашения и иные международные акты, заключаемые от имени РСФСР, оформляются на государственном языке РСФСР и на языке другой договаривающейся стороны либо на иных языках по взаимной договоренности сторон.

3. В переговорах от имени РСФСР с представителями других стран, международных организаций используются государственный язык РСФСР и иные языки по взаимной договоренности сторон и в соответствии с международными соглашениями.

Статья 27. Использование языков в отношениях РСФСР с республиками в составе РСФСР

В отношениях РСФСР с республиками в составе РСФСР используются на равноправной основе государственный язык РСФСР, государственные языки республик в составе РСФСР, иные языки в соответствии с законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР.

Глава VII

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РСФСР О ЯЗЫКАХ НАРОДОВ РСФСР

Статья 28. Ответственность за нарушение законодательства РСФСР о языках народов РСФСР

Действия юридических и физических лиц, нарушающих законодательство РСФСР о языках народов РСФСР, влекут за собой ответственность и обжалуются в установленном порядке в соответствии с законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР.

Президент РСФСР
Москва, Дом Советов РСФСР
25 октября 1991 года

Б. Ельцин

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Верховного Совета РСФСР

О порядке введения в действие Закона РСФСР «О языках народов РСФСР»

Верховный Совет РСФСР постановляет:

1. Ввести в действие Закон РСФСР «О языках народов РСФСР» с момента его опубликования.
2. Установить, что части вторая, третья и пятая статьи 15, часть первая статьи 22, статья 23 вступают в силу с 1 июня 1992 года; часть четвертая статьи 16 - с 1 июня 1993 года; часть пятая статьи 9, часть шестая статьи 15 - с 1 июня 1995 года.
3. Утвердить Декларацию о языках народов России (прилагается).
4. Комиссии Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР по культурному и природному наследию народов РСФСР и Комитету Верховного Совета РСФСР по законодательству до 1 февраля 1992 года представить на рассмотрение Верховного Совета РСФСР предложения и при

в редакции законодательных актов РСФСР в соответствии с настоящим Законом.

5. Комиссии Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР по культурному и природному наследию народов РСФСР разработать и внести на рассмотрение Верховного Совета РСФСР до 1 марта 1992 года проект концепции Государственной программы РСФСР по сохранению и развитию языков народов РСФСР.

6. Совету Министров РСФСР:

до 1 февраля 1992 года привести решения Правительства РСФСР в соответствие с Законом РСФСР «О языках народов РСФСР»;

до 1 февраля 1992 года обеспечить пересмотр и отмену министерствами, государственными комитетами и ведомствами РСФСР их нормативных актов, противоречащих указанному Закону;

до 1 декабря 1992 года разработать Государственную программу РСФСР по сохранению и развитию языков народов РСФСР на основании концепции, принятой Верховным Советом РСФСР, предусмотрев создание в системе Государственного комитета РСФСР по делам национальностей структурного подразделения, ответственного за разработку и реализацию указанной программы;

в трехмесячный срок после принятия настоящего Закона создать Институт языков народов РСФСР для научного обеспечения разработки и реализации Государственной программы РСФСР по сохранению и развитию языков народов РСФСР;

в трехмесячный срок после принятия данного Закона разработать и представить на рассмотрение Президиума Верховного Совета РСФСР Положение о языковых квалификационных требованиях РСФСР к работникам различных профессий и должностей;

до 1 января 1992 года создать Российскую государственную службу языковых переводов, республиканские (республик в составе РСФСР), краевые, областные, автономной области, автономных округов службы языковых переводов, предусмотрев в них структуры, обеспечивающие переводы на языки народов РСФСР;

с 1992 года предусмотреть в республиканском бюджете РСФСР выделение средств на разработку и реализацию Государственной программы РСФСР по сохранению и развитию языков народов РСФСР, создание Института языков народов РСФСР и Российской государственной службы языковых переводов.

Москва, Дом Советов РСФСР
25 октября 1991 года

Р. И. Хасбулатов

Стилистическая метаморфоза

Виктора Конецкого

С. Р. Федякин

Совершив однажды в повести «Соленый лед» (1969) то необходимое превращение, которое дало ему неповторимость и сделало настоящим писателем, Виктор Конецкий, казалось бы, должен был «устойтаться» в своем творчестве. И последующие затем путевые повести («Среди мифов и рифов», «Морские свны» и др.) действительно были «продолжением» «Соленого льда». Но уже во «Вчерашних заботах» в стиле писателя стало вырывать нечто новое, а в повести «Третий лишний» это новое проявило себя в полную силу.

«В феврале и узнал, что суда, на которые получу назначения, зимуют в Ленинграде у набережной лейтенанта Шмидта, и пошел взглянуть на них.

После оттепели подмораживало, медленно падали с густо-серого неба белые снежинки, на перекрестках виднелись длинные следы тормозивших машин — был гололед.

И вышел к Неве, дождался, когда милиционер отойдет подальше, спустился на лед и пошел напрямик через реку к низким сваятам зимующих судов. На реке было тихо, городские шумы отстали, и только шуршала между низких торосов поземка».

Так спокойно и размеренно писал В. Конецкий в 1969 году в книге «Соленый лед». Начало повести «Третий лишний» (1983) по сравнению с этим резко контрастно:

«Срочно заканчиваю медкомиссию, а давление черт знает какое.

Глотнул патентованных таблеток, удомал терапевта, иду к дубному Церекурить надо перед таким делом. Курю на лестничной площадке с мо лоденькими морячками и узнаю из их разговоров о смерти Виктора Д в Антверпене, на судне. Скоростяжко умер. До того трое суток не по кидал мостик — туман в Ла Манше, туман в Шельде, а там ждать в дрейфе лоцманов у шлюзов на течении, и так далее. И вот пришел в Антверпен, лег спать и не проснулся — сердечная недостаточность».

Когда сравниваешь эти отрывки, может показаться, что написаны они совершенно разными авторами. Как изменился стиль писателя за 15 лет! А ведь и там, и здесь повествование ведется от лица самого Конецкого, он не прячется за образом выдуманного рассказчика. Лексика обеих повестей примерно одинакова (ее диапазон достаточно широк и допускает

включение морского жаргона и грубовато-просторечных слов и выражений), по грамматикам...

Во втором отрывке сразу бросается в глаза обилие бессюжетных конструкций (*Глотнула патентованных таблеток, уловил теребиста, пошу к луношому*), что придает речи особую нервозность и стремительность. Нет здесь местоимения «я», хотя повествование ведется от первого лица (использование вместо двусоставных предложений: «я курю» параллельных им односоставных определительно-личных: «Курю на дестиничной площадке»).

Поражает в «Третьем лишнем» обилие всякого рода умелчаний (например, админиссов: «На столах ни одной бумажки, позированное дерево, чехлы на мебели. В книжном шкафу за зеркальными стенками БСД, справочники...»). Вместо размеренной, плавной речи в первом отрывке сплошь «дерганые» фразы, стиль письма становится «телеграфным». Происходит стилистическая метаморфоза. При этом художественные средства, используемые Конецким, скрывают глубинный смысл происходящего, и его нельзя постичь, обратившись лишь к особенностям языка, минуя образ автора.

С первых же страниц повести открывается нетрадиционное писательское мышление. И крайняя сжатость фразы — есть лишь выражение этого мышления:

«Поезд пришел в Ригу в 08.58.

Очень далеко тащиться к такси. Не хватает *посильщиков*.

Мела слабая метель.

На судне оборудована каюта двухместная первого класса на меня одного».

Впечатление стремительности происходящего достигается монтажом картин, описанных с предельной лаконичностью. Это как бы мысли на лету и краткие зарисовки с натуры, обычно так пишут в записную книжку: «13. Серо. Зыбь».

Безличное предложение в окружении помпезных и весь «пейзаж» — это даже не описание, а просто фиксация явления природы, увиденного автором. Человеку, никогда не бывавшему в подобных рейсах, по трем словам предложениям трудно составить ясную картину изображаемого. От «голой информации» в сознании «несовершенного» читателя остается лишь какое-то смутное пятно. Но ведь через ту же «голую информацию» Конецкий *ощутимо* передает иное — синхронность происходящего. Он постоянно держит читателя в настоящем времени. Даже когда собственно грамматическое время — прошедшее («Поезд пришел в Ригу...» и т. д.), все описываемое производит впечатление только что свершившегося события, то есть прошедшее время как бы приобретает черты «настоящего совершенного». То, что происходит в повести — происходит *сейчас*, в данный момент. И бесчисленные вставные рассказы, которыми нестрит повесть, — это не рассказы в собственном смысле слова (тем более, что большинство из них — подстраницы), а синхронные ассоциации писателя. Некоторые из них поражают своей внезапностью.

«Солнце, янь, осколки айсбергов».

Вед сила и суть акварели в том, что сквозь краску просвечивает белая бумага. Белый свет должен излучаться из-под краски, как он излучается изнутри айсбергов».

Об акварели писатель начинает говорить очень уж «вдруг», в текст наступает своеобразный семантический перебой, некое «смысловое зияние»: *айсберги — акварель*, которое разрешается только в последнем предложении отрывка. Но именно скачок с *айсбергов* на *акварель* каким-то особенным умочанием рисует образ самого автора: это он только что переняв взгляд на айсберги, и в голове его мелькнула столь неожиданная ассоциация. Такой «произвол» в повествовании высвечивает образ писателя даже тогда, когда он и не упоминает о своем «я». И это позволяет автору писать не только о самом рейсе, но и о том, что приходит на ум и, в конечном итоге, обо всем на свете: о Наполеоне, о черепахе, которой 250 лет, о когда-то прочитанных книгах, о собственных книгах, наконец. Все — в том же предельно лаконичном стиле, когда некоторые фрагменты просто обрываются многозначным или фразой типа «ну и т. д.». И вместе с постоянным присутствием в книге образа автора в нее органично входят и иного рода ассоциации — литературные. Повесть «Третий лишнее» писатель пронизана «литературой». На страницах книги мелькают имена писателей (Конрад, Смуэл, Мелвилл), имена персонажей из других повестей Концацкого.

Литературные заботы постоянно сопровождают писателя в «Третьем лишнем», иногда это новые замыслы («ядро бы писать обыкновенную семейную хронику»), иногда — размышление о своих «приемах»: «... Конечно, всегда думаешь о возможной угадываемости прототипов, опасаясь». И в «Путевых портретах с морским пейзажем» я дал герою (капитану Ямкину, который появился и на страницах этой повести — С.Ф.) морщинистость, некрасивость, замкнутость, малоразговорчивость и слабую седину».

Крайняя ступень авторского наблюдения — момент, когда глаз скользит по только что написанному: «И вдруг я впервые за рейс достал машинку и печатаю вот это. Раньше только чиркал в блокноте». И снова через десять страниц нечто подобное: «Так качает, что зашкаливает каретка моей „Эврики“ и приходится прекратить печатать эти бесценные строчки».

И теперь уже ясно видно, что повесть, которую мы держим в руках, как бы пишется на наших же глазах. Ее отрывистый, нервный стиль, столь родственная записным книжкам, летучие авторские ассоциации, ощущение сиюминутности не только происходящего, но и написанного — все имеет свою стратегическую задачу: отразить в повести, помимо всего прочего, и сам процесс создания книги.

Почему же именно такие стилистические средства проявляют в тексте образ «автора пишущего»?

В черновиках, дабы не было можно обнаружить тот «составивший творческий продукт, который подспудно изображает нам Конюшкин. Вот фрагмент из черновых дописок в «Подростку» (Ф. М. Достоевского: «Бабочки, бочерка, экаколетя, черт, вольми, поцвк, студент и проч.»). Фраза довольно трудная для понимания, хотя для самого Достоевского она была, разумеется, более чем понятна. В писательских черновиках вместе с мыслями автора фиксируется и особый тип речи. Л. С. Выготским давно уже были исследованы три таких типа: речь устная, письменная и внутренняя.

Главной особенностью устной речи является то, что в диалоге многое, попутное, собеседникам по смыслу, по ситуации и т. д. опускается. В письменной же речи мы имеем наиболее полные высказывания, ибо то, что можно опустить в непосредственном общении, здесь должно быть воспроизведено. Или, как заметил Б. В. Томашевский, «если бы мы писали так, как говорим, то очень часто наша письменная речь стала бы неопытной», поскольку читатель не знает, как прочитать «необычные конструкции» устной речи (Томашевский Б. В. Стихотворца и стихосложение. Л., 1959 С. 263).

Наконец, внутренняя речь — это речь, обращенная к себе, через внутреннюю речь рождается наша мысль, и главной характеристикой этой речи будет ее краткость, сжатость. По Выготскому, в силу простого самоощущения «нам никогда нет надобности произносить слова до конца», и потому здесь «синтаксис и фонетика сводятся до минимума», «ступают на» (Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т. 2. С. 346).

Но можно вывести и еще один тип: внутренняя речь, выраженная письменно. Она более «развернута», нежели собственно внутренняя. Тот же «ступенчатый» синтаксис и предельная краткость, невозможная в письменной речи.

В фрагменте из Достоевского была приведена как раз «в чистом виде» речь, обращенная лишь к себе (и потому столь туманная для читателя), и при этом речь, зафиксированная на бумаге. Ведь в фразу «Книзь Христов» из подготовительных материалов к «Идиоту» мы понимаем только *то* потому, что нам уже известен князь Мышкин. Но если бы этот образ не воплотился в романе Достоевского, то «Книзь Христов» так и остался бы для нас загадкой.

Причем, если исходить из грамматического строя этой фразы (безлимитно от того, примем ли мы «Христа» за сказуемое, а глаго предложное — за двусоставное, или же за часть подлежащего, а предложение воспримем как калькированное), то мы не уловим того смысла, которое оно выражает. И если поставить вопрос, что же понимал под этим Достоевский, то ответом будет роман «Идиот», взятый целиком, со всей сложной иерархией смыслов, в нем заключенных. Конечно, когда писалась фраза «Книзь Христов», такой иерархии еще не существовало. Но потенциально она уже заключалась в этом выражении, сам образ «Книзя Христа» создавал семантическое поле, из которого родился роман.

Конечно, вряд ли возможно написать художественное произведение из одних только загадочных «формул» (вроде того же «Батюшки (очерк)...»). Особенности внутренней речи человека столь же уникальны, как отпечатки его пальцев, и, следовательно, такая речь не будет понята. Но зато возможен особый «двойной» текст, в котором сливается «речь для себя» и «речь для других». И подобного рода недоговоренность, умолчание (как в черновиках Достоевского, только в более «развернутой» фразе) встретится и в «Третьем лишнем» Конецкого.

«Капитан на „Брянсклесе“ Конышев! Это он возил К. М. Симонова с семейством на „Комилесе“ по Арктике». Эту фразу Конецкий бросает мимоходом, само сообщение не играет в сюжете «Третьего лишнего» никакой роли, и если не знать, что упомянутый сюжет (поездка К. М. Симонова) уже попал в другую книгу писателя, то нельзя вполне понять и этого ассоциативного скачка. То же происходит и в самом начале повествования, когда писатель узнает о смерти Виктора Д. в Антверпене, у него «невольно мелькнуло» название другой своей повести: «Последний раз в Антверпене».

Полный смысл этих фрагментов выходит за рамки повести «Третий лишний», ее контекста. Но он существует в сознании автора, и какой-то дополнительный смысл («автору что-то известно, но он об этом не говорит»). Кроме того прямого, который в этих фразах заключен, доходит и до читателя.

Возникает двойственность самого повествования, в книге сосуществуют и проникают друг в друга два литературных пласта: повествование об антарктическом рейсе - и самоисследование, запечатлевшее и творческий процесс писателя.

Ранее в одной из глав «Соленого льда», тоже был «автор пишущий» (неудачная работа над ненужной эпопеей, которая заставила тогда Конецкого бежать из литературы - в плавание). Но если в «Третьем лишнем» этот образ словно проступает изнутри текста, то в «Соленом льде» его пришлось «рисовать»:

«...Надо писать о том, что видишь и как видишь. А что и как вижу я?»

Вот этот вопрос я и задал себе в тридцать пять лет. И попал некоторым образом в положение сороконожки, у которой спросили, с какой ноги она начинает прогулку.

Перечитав эпопею, я обнаружил, что все написанное писал не я, а черт знает кто. Быть может, тот, кого я из себя изображаю. Быть может, доктор-окулист, который еще в детстве прописал мне по ошибке очки от близорукости».

Почему же в конце 60-х такое изображение писательского труда осталось чисто внешним, без внедрения творческого акта непосредственно в создаваемый текст, а в начале 80-х это внедрение произошло и повлекло изменения в стиле?

Главный драматический узел «Третьего лишнего» - столкновение Конецкого с капитаном Ямкиным, который ранее уже побывал в «героях»

(повесть «Путевые портреты с морским пейзажем») и теперь не желает «попасть в персонажи» еще раз. К тому же, «тяжко бывает жить на судне, — исповедуетя Конецкий, — где ходят по рукам твои книги. Попробуйте такую пытку: пообщайтесь четыре месяца с морячками, которые четыре месяца выискивают в ваших опусах самых неуловимых блох».

Двойственное положение Конецкого, его принадлежность к двум сферам деятельности (морю и литературе) породили особую ситуацию: на долгое время автор остается один на один с привередливыми читателями (и героями) на крошечном «пяточке» судна, то есть в замкнутом и крайне ограниченном пространстве. Он вынужден теперь в своем творчестве замечать и выверять каждый свой шаг. И для самозащиты, чтобы отвести претензии живых героев (типа: «я не такой, каким ты меня изобразил»), ему и нужен «автор пишущий»: пусть увидят писателя в процессе творчества и, быть может, поймут, как реальность преобразуется в литературном произведении.

Иначе говоря, сама жизнь заставляет думать о своем творчестве, толкает Конецкого на путь самопознания и, в конце концов, создает особое драматическое самоощущение автора, которое заполняет каждое мгновение его жизни, проникает в стиль, порождая эти торопливые, спешащие фразы, своеобразную форму писательской исповеди.

Разумеется, формула «бытие — образ автора — стиль» действует не столь уж непреложно. Чтобы «сработало» первое звено (изменилось «бытие» — изменился образ автора) необходимо не только мужество, но и внутренняя готовность писателя к такому превращению. У Конецкого склонность к метаморфозам — одно из «корневых» качеств. Испытав однажды чувство «писательской неполноценности», он бежал из литературы — в плавание, и возвратился в литературу и нынче. И «новый» Конецкий живет уже в непрекращаемой изменчивости. Только первичный цикл: бегство в плавание и возврат в литературу с обновленным видением мира — сократился, поскольку и в плавании Конецкий пишет.

После трех путевых повестей, где пишется «обо всем на свете», «Путевые портреты» удивляют ясным сюжетным стержнем. В традиционное для Конецкого лирико-сатирическое повествование «Вчерашних забот» «крапливаются» конспективные дневниковые записи, которые в «Третьем лишнем» становятся ведущим способом повествования. Наконец, «семейная хроника», о которой он лишь мечтает в «Третьем лишнем», начинает прорастать в книге «Никто пути пройденного у нас не отберет» (1987). По свидетельству писателя, это его последняя «морская» повесть, значит дальше — новое превращение.

Филологические беседы*«Умение делать вещи
нужные и веселые...»*

О стиле научного мышления Ю. Н. Тынянова

М. В. Умнова

Едва ли не самой эпатазирующей современников чертой новой филологической науки, возникшей в 10-х годах XX века и получившей впоследствии название «формальной школы», была ее подчеркнутая антиакадемичность. Старшие коллеги с нескрываемым осуждением писали о том, что «часто приемы наших формалистов ближе к митинговым, чем к кабинетным», что появление нового научного направления «сопровождалось зычным бум-бумом», и что «вопросы чисто научного метода они сделали темами для крикливой публицистики» (Горнфельд А. Г. Формалисты и их противники // Литературные записки. 1922. № 3. С. 5).

В известной мере бунт молодой филологической науки против «правил хорошего тона», принятых в академическом литературоведении, был сродни позиции авангардизма начала века, чьим пафосом стало нарушение норм и запретов, ниспровержение старых кумиров, сбрасывание ветхих одежд во имя игрового обновления мира, то есть той стихии карнавальности, которая свойственна авангардизму в целом. Новая научная школа весьма дерзко отвергла многозначительную серьезность трактовок «идей» литературного произведения, сконцентрировав свое внимание на

«приеме» как средстве, акцентирующем условный характер искусства. Тяжеловесную добротность академического стиля она заменила легкостью недосказанности, почти небрежностью письма, свойственной ранее разве что фельетону. Авангардная карнавальность, шутовство, игра определили и характер взаимодействия с аудиторией: место лекции занял диспут, место теургической серьезности — скандал. Даже бытовое поведение формалистов нередко носило провоцирующий характер, что особенно ярко проявилось у такой неординарной личности, как В. Б. Шкловский, но не было чуждо и Ю. Н. Тынянову, тонко обыгрывавшему свое сходство с А. С. Пушкиным.

По существу подоплекой игрового, порой эксцентричного способа самопроявления в науке была попытка опровергнуть взгляд на культуру как на нечто статичное, завершенное, — то, чему следует учиться, а затем продолжать. По ироничному определению Тынянова, культура «согласно такой точке зрения сводилась к „пенсне на носу“, охране памятников старого Петербурга, энциклопедии Брокгауза и Эфрона и воспоминаниям Кони о суде присяжных» (Тынянов Ю. Льву Лунцу // Ленинград. 1925. № 22. С. 13). Отвергая этот перечень мертвых аксессуаров, новая научная школа видит культуру как процесс, как дело живое, творимое и творческое. «Литературная культура весела и легка, — писал в той же статье Тынянов, — она — не „традиция“, не приличие, а понимание и умение делать вещи нужные и веселые». Принципы «веселой науки» противостояли стремлению догматизировать и омертвить традицию, превратить живую динамичную культуру в музей, «книжный шкаф», где собраны чинные классики в дорогих переплетах. Характерно, что в качестве средства оживления культуры Тынянов избирает жест, явно отсылающий к карнавально-игровой традиции нарушения запретов и ниспровержения застывших канонов: если культура — это «книжный шкаф», то вдохнуть в нее жизнь можно лишь «ломаю книжные шкапы и срывая переплеты» (Там же).

Что же скрывалось за этим экспрессивным жестом? В какую форму он воплощался в практических научных штудиях?

Вряд ли можно считать случайным, что первое опубликованное Тыняновым исследование было посвящено пародии. В работе, где «Село Степанчиково» рассматривается как пародия на «Выбранные места из переписки с друзьями», взаимодействие Достоевского с гоголевской традицией описывается не в виде чинной преемственности старшего и младшего «классиков», а как отталкивание и борьба. Патетика «Выбранных мест» переадресуется у Достоевского Фоме Опискину и приобретает сниженно-комическую окраску.

Такое весьма вольное обращение с традицией и лишенное пиетета отношение к предшественникам, по мысли Тынянова, отнюдь не скандальное исключение. Напротив, это явление, извечно характерное для взаимодействия старшей и младшей линий. Иначе говоря, пародия рассматривается Тыняновым не как частный и достаточно редко используе-

мый прием, но в качестве универсального принципа литературной эволюции. Развитие литературы предстает в виде трагедии, не торжественного «продолжения традиций», а игры, намеренно нарушающей каноны и противостоящей застывающей серьезности.

«Увидеть движение в сгустке», продемонстрировать в произведении или эпохе, которые предстают перед потомками как неподвижная, лишенная противоречий и игры данность, их динамический и неготовый характер, — вот цель историка литературы.

Тот же принцип противопоставления существующей традиции видит Тынянов и в развитии поэтического языка: «Поэтическая лексика создается не только путем продолжения известной лексической традиции, но и путем противопоставления ей себя... „Литературный язык“ развивается, и развитие это не может быть понято как планомерное развитие традиции, а скорее как колоссальные сдвиги традиций» (Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. Л., 1924. С. 58).

Модель «серьезной» культуры, уподобленной Тыняновым «книжному шкафу», культуры, не знающей потрясений и переоценок, а лишь накапливающей «достижения», — эта модель опиралась на представления об устойчивости и постоянстве литературной иерархии, о неизбежности пантеона классиков и неизменности художественных оценок. Неизменной казалась жанровая система, где «высоким» жанром мог быть лишь роман или поэма, а «мелочи» вроде отрывка или письма располагались где-то на самой периферии литературы. Незыблемыми казались представления о том, что хорошо и что дурно в литературе.

Своеобразным способом дискредитации этой статичной модели культуры, «ломки» «книжного шкафа» стала для Тынянова ориентация не на устойчивые определения, «под которые подбираются... факты», а установка на анализ материала. «Метафизической эстетике» противопоставлялась позиция, подвергающая сомнению устойчивость и надежность общепризнанных определений.

Этот скептицизм, направленный на «чрезвычайно плотные и уверенные статические определения» (Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 256) был, несомненно, сродни авангардистскому стремлению продемонстрировать относительный характер сложившихся ценностей и аксиом. Представления о статичной иерархии, статичных «непреходящих ценностях» были заменены Тыняновым понятием ценности для данной системы. Таким образом, утверждение об исторически изменчивом характере всех ценностных установок ведет к рождению у Тынянова идеи системности.

По Тынянову, принцип системности определяет все уровни того явления, которое обозначается словом «литература». Системой является литература каждой эпохи. Системно организована и совокупность представленных в ней жанров. Наконец, любое конкретное произведение — тоже система. Что же стоит за этим словом? Какой смысл вкладывает в него Тынянов?

«Взаимодействие», «взаимное соотношение элементов» – вот те ключевые понятия, которые раскрывают суть тыняновского понимания системности. Все элементы художественного текста от самых ярких, «выдвинутых», до мельчайших, наименее заметных, находятся во взаимосвязи и сопряженности, определяя и соответствующим образом «освещая» друг друга. Центральное место в системе, место, обуславливающее все остальные иерархические отношения, принадлежит «конструктивному принципу» или «доминанте» – элементу, чье господствующее положение определяет «лицо» системы. «Выдвинутый» элемент подчиняет, деформирует все другие, выявляя в них лишь те признаки, которые «нужны» в данном контексте.

Эта концепция, оказавшаяся необычайно плодотворной, явившаяся «зерном», из которого выросло «дерево» литературоведения XX века, впервые в наиболее развернутом виде была представлена Тыняновым в книге «Проблема стихотворного языка». Определив в качестве конструктивного фактора стиха его ритм, Тынянов анализирует все те своеобразные деформации, которые претерпевают в стихотворной речи другие элементы, и прежде всего слово.

Слово в поэзии – «результант двух рядов», оно принадлежит речи обыденной и подчиняется ее законам: выражает некий смысл, входит в состав синтаксического целого – предложения. Но одновременно оно подчинено закону ритма, ломающего, деформирующего логические и синтаксические связи и преобразующего смысл. Иллюстрируя эту мысль, Тынянов показывает, как в строках

«Гляди: еще цела за нами
Та сакля, где тому назад
Полвека...»

слово *назад*, оторвавшись от своей семантико-синтаксической пары *полвека*, отчасти теряет временное значение и приобретает пространственное, а объединенная «метрически и фонически» группа *очей очарованье*, подчиняясь сформулированному в «Проблеме стихотворного языка» принципу «единства и тесноты стихового ряда», воспринимается как звуковая метафора, где *очарованье* прочитывается как производное от слова *очи*.

Подобный взгляд на поэзию был во многом предопределен и спровоцирован теми процессами, которые определяли лицо поэзии, Тынянову современной. Взамен подбора слов по логическим связям и соответствиям в новейшей поэзии слова стали соединяться по другим законам, попытки так или иначе сформулировать которые предпринимались неоднократно. Так, современники, остро ощущавшие это новое свойство поэзии, отмечали, что сравнение в ней «определяется отнюдь не сходством предметов и действий, а фоническим сходством слов, предметы и действия обозначающих („ужас стужи уж“ у Б. Пастернака, „это не розы, не рты, не ропот“ у него же...) ... Развитие поэтического сюжета... определяется случайностью фонетической либо интонационной ассоциации, заставляя

поэта перемещать поле действий и углублять аналогию между весьма отдаленными понятиями» (Адалис /Эфрон А. Е. /Второй план // Проблемы поэтики. М., 1925. С. 90). Принцип случайности, ассоциативности в сцеплении слов и образов, впервые выдвинутый в декларациях символистов, утратив у поэтов последующих поколений мировоззренческую подоплеку, не только сохранился, но и усилился.

Однако в том, в чем видели свойства поэзии современной, Тынянов увидел одно из общих свойств поэтического языка: нарушение предметно-логических связей между словами и заполнение «семантических пробелов», словами, по смыслу не связанными с контекстом, но вступающими с ним благодаря возникшим колеблющимся признакам в сложные смысловые отношения. И «частичное отсутствие „содержательности“ словесных представлений в стихах», и включение в стиховой ряд чуждых ему по смыслу единиц, согласно концепции Тынянова, — следствие системной организации стиха, где доминантой или «выдвинутым фактором» является ритм, а семантика относится к второстепенным и, следовательно, деформируемым факторам.

Другая важная сторона тыняновской концепции — представление о стихе не только как о «конструкции, все элементы которой находятся во взаимном соотношении», но как о динамической конструкции. Система пребывает не в раз и навсегда найденном равновесии между доминантой и второстепенными элементами, а в постоянном напряжении и борьбе: «Ощущение формы... есть всегда ощущение протекания (а, стало быть, изменения) соотношения подчиняющего, конструктивного фактора с факторами подчиненными» (Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. С. 5, 10). Только ощущение этого напряжения позволяет воспринять произведение. «Привыкание» читателя к неким однообразно повторяющимся в тексте моментам (однообразному ритму, точным рифмам типа *камень — пламень* и т. д.) приводит к тому, что он вообще перестает что-либо воспринимать. Поэтому если один элемент системы задает некий образец, модель, по подобию с которым воспринимающий ждет следующего элемента, второй должен это ожидание каким-то образом обмануть, но обмануть так, чтобы не распалось ощущение системы. Можно сказать, что, по Тынянову, эффект обманутого ожидания — основной принцип искусства. Иначе говоря, динамизация литературной системы — это постоянное нарушение складывающихся в произведении регулярных совпадений, но такое нарушение, которое не мешает воспринять конструкцию как систему.

Понятие динамики входило в число наиболее принципиальных понятий теоретических работ Тынянова. Это соответствовало высокому ценностному статусу движения, развития, которые рассматривались Ю. Н. Тыняновым и его кругом как синоним жизни и противовес рутине и смерти.

Эссеистика Сергея Волконского

Известный эмигрантский литературный критик Георгий Владимирович Адамович писал, что на чужбине слово «катакомбы» нередко прозвучало в значении *увесть, сберечь, сохранить нравственные, духовные ценности*. Русское осознавалось больше самой России, и к этому русскому вне России принадлежал прежде всего язык. Отсюда непреходящий интерес эмиграции к судьбам родного слова в советской России, неустанные попытки уберечь русский литературный язык — в ряду других культурных ценностей — от видимых потерь и передача его как реликвии следующим поколениям (раскол между эмиграцией и Россией рассматривался как временное явление). Гарантом этих усилий стало языковое сознание первой волны русской эмиграции, к которой принадлежал и князь С. М. Волконский.

Сергей Михайлович Волконский (1860–1937) — внук декабриста С. Г. Волконского, директор Императорских театров, автор многих книг и статей по технике актерского мастерства: «Человек на сцене» (СПб., 1912), «Художественные отклики» (СПб., 1912), «Выразительное слово. Опыт исследования и руководства в области механики, психологии, философии и эстетики речи в жизни и на сцене» (СПб., 1913), «Отклики театра» (Пг., 1914), «В защиту актерской техники» (Аполлон. 1911. № 2) и др. Русской молодежи, стремящейся на драматическую сцену, адресованы эти работы. В них звучащая речь представлена в особенностях ее интонирования — ритмомелодике, паузах, логических выделениях, в сценическом диалоге и его пластическом воплощении. С. М. Волконский учил будущих актеров безукоризненной речи, предлагая разнообразные системы упражнений.

Среди множества этих рекомендаций — рассуждения, как нельзя говорить, которые С. М. Волконский позднее перенес в свои книги, статьи, заметки, изданные в 20–30-е годы за рубежом.

В эмиграции С. М. Волконский полемизировал с известным историком и литературным критиком П. М. Бицилли, отстаивавшим право языка на свободное развитие от тирании «плохо проработанной и капризной грамматики» (Звено. 1927. № 6), писательницей Н. А. Тэффи. Позиция С. М. Волконского оставалась неизменной, за редким исключением (так, он примирился с употреблением слова *прислуга* в единственном числе, которое, «по условиям жизни», утвердилось в языке).

Суждения о литературных нормах и традициях — «заповедях с Синая» — С. М. Волконский включил в книги, далекие от собственно лингвистиче-

ских проблем («Быт и бытие». Берлин, 1924, роман-хроника «Последний день». Берлин, 1925, «Мои воспоминания». Т. I–III. Мюнхен, 1923)

Предлагаемая читателям статья С. М. Волконского «О русском языке» продолжает серию публикаций филологического наследия русского Зарубежья и тематически связана с ними (см. «Русскую речь»: Н. А. Тэффи. О русском языке. 1988. № 5; Мих. Осоргин. Слова и выражения. 1988. № 5–6; Крылатые слова; Филология русской души; Великий и могучий. 1990. № 1; К. Бальмонт. Русский язык (Воля как основа творчества). 1990. № 2; Вяч Иванов. Наш язык. 1991. № 1).

Эта статья была впервые напечатана в парижском журнале «Современные записки» (1923. Т. XV), а затем с немногими дополнениями вошла в книгу А. и С. Волконских «В защиту русского языка», издавшую в 1928 году в Берлине. Пафос ее – русский язык (самое духовное из наследий родины) в опасности. С. М. Волконский подверг резкой критике орфографическую реформу, сделавшую, по его мнению, письмо однообразным: исчезли различия ряда грамматических категорий [*еѣ* и *ея*, *все* и *всѣ*), слились в значении слова (*мир* и *мір*), что обеднило мышление. Ишив язык дифференциальных оттенков выражения. Одна из неизменных тем С. М. Волконского (как и Мих. Осоргина, Н. А. Тэффи, Вяч. Иванова) – засорение языка малопонятными иностранными словами, распространение галлицизмов, что «влияет и на запас умственных понятий затмевающим образом», использование штампов, вытесняющих широкий круг синонимов.

Многие замечания С. М. Волконского не потеряли своей значимости и сейчас. Они проникнуты глубокой любовью к родной речи, чувством красоты языка, которое «трудно развить и очень легко потерять». В предисловии к книге «В защиту русского языка» А. и С. Волконские писали: «Посвящаем наши мысли русской молодежи Зарубежья: да хранит она нерушимым многообъемлющее имя „русский“ и блюдет в чистоте русский язык; да увидит зарю возрождения, которой нам, старикам, уже не дожидаться».

Л. М. Грановская,
доктор филологических наук ©
Баку

О русском языке

Русский язык в опасности. Самое духовное из наследий нашей родины, то, которое всякий из нас носит в себе и с собой, в опасности. Давно уже неряшливость, пошлость и всевозможные ошибочные обороты стали проникать в нашу речь. Такого голоса, который бы осуждал, клеймил и направлял, у нас не было. Российская Академия в этом отношении оставалась безразлична и безмолвна. Она выдавала премии, но она не проносила своего суда. Эстетически-воспитательная цензура в области языка отсутствовала. В школах на чистоту языка не обращали внимания, и сами учителя принадлежали к числу тех, кто более всего повинен в наводнении родного языка иностранными словами и в испoшлении его изреченными словечками и оборотами. Свое безразличие Академия достойно увенчала признанием нового правописания.

Известное упрощение правописания было осуществлено в разных европейских языках за последнее время, но ни в одном языке оно не вызвало искажения грамматики и затемнения логического смысла, как у нас. Когда мы в немецком слове *Thüre* по требованию упрощенного правописания пропускаем букву *h*, то это есть действительно «упрощение» и больше ничего; но когда мы пишем — «там были все умные люди», а должны читать — «там были *всѣ* умные люди», то это уже искажение и не только не упрощение, но осложнение; это, может быть, есть упрощение правописания, вернее скажем, процесса писания, но в умственном смысле это есть осложнение, поскольку оно вызывает недоумение и возможность двойного толкования. Вот это проникновение правописания в

наш мыслительный процесс совершенно не принимается во внимание теми, кто защищают «упрощенное» письмо. Надо же раз навсегда признать, что правильное правописание является *результатом* мышления, неправильное правописание становится *причиной* мышления и — мышления неправильного. Когда мы пишем — «он ее любит», наш мозг настроен на винительный падеж, видит в местоимении «ее» прямое дополнение, и когда после этого мы прибавляем — «но он ее чуждается», то мы этим в нашем мозгу утверждаем категорию винительного падежа и неминуемо приучаем наше мышление к подобному же согласованию глагола «чуждаться», превращаем его понемногу в действительный. Вот это есть *обратное* действие правописания на мышление. Однообразное письмо таких слов, как «ея» и «ея» приводит к тому, что сглаживается в нас сознание тех различных двух грамматических категорий, к которым эти слова принадлежат. Происходит своего рода оскудение запаса логических понятий. Ум беднеет, когда пересекаются пути его разветвления.

Итак, когда пишем «стол» [а не «столь»], это просто некрасиво; когда пишем «Медный Всадникъ» [а не «Мьдный Всадникъ»], это *свидетельствует* о нашей безграмотности; но когда пишем «Слезы людскіе», это не только свидетельствует о безграмотности, это *способствует* нашей безграмотности. Это есть ошибка, которая, приобретая характер привычки и превращаясь в мыслительный прием, получает уже воспитательную силу (конечно, в отрицательном смысле). Мы можем, следовательно, разделить проявления нового правописания (кривописания) на три категории. 1. Случаи, так сказать, безвредные, чисто эстетического характера: буква ъ. 2. Случаи вредные, как искажающие дух слова; можно их определить, как зло *активное*, направленное на объект, вне человека лежащий, а именно — на язык: буквы ѳ и і. 3. Наконец, случаи вредные, как искажающие не только дух языка, но и самое мышление; эти можно определить, как *возвратное* зло, жало которого обращено на человека же: смешение родов (е во множественном числе прилагательных женского рода), смешение падежей («ея вместо «ея»), смешение в одной ошибке многих элементов («все» вместо «всь»).

Вопрос правописания, собственно, не составляет предмет нашего рассмотрения, но я остановился на нем, дабы ясно определить точку зрения, с какой хотелось бы взглянуть на вопрос о русской речи и на те искажения, которым она в обиходе нашем подвергается. Ясно из предыдущего, что вопрос не в красоте языка (которая и сама уже была бы достаточным поводом к заботливости со стороны воспитателей), а в ясности и точности мыслительного аппарата. И когда мы в первой нашей строке сказали — «русский язык в опасности», мы могли бы с неменьшим правом, во всяком случае с неменьшим основанием к беспокойству, сказать — русское мышление в опасности. Язык — орудие, коим мышление выражается, но оно же и определяет правильность и полноту мышления. Когда орудие неточно, то неточна и работа. Когда карандаш чертежника не очищен, его рисунок груб; когда кирпич кривой, и здание выходит косо.

Следовательно, мысль, неясно выраженная, сама неясна. И не оттого она неясна, что не теми словами выражена, а оттого не теми словами выражена, что мозг неясен: настоящих слов не знает, смешал слова, покрыл понятие не тем словом, слил два понятия в одном. Вот, мне кажется, настоящая почва, на которую следует поставить вопрос о воспитании правильности и чистоты языка. Мы прикасаемся здесь к одному из важнейших и интереснейших вопросов воспитания, — к обратному воздействию *последствия* на *причину*. Мозг есть причина речи, а речь — следствие; и неправильная речь, следствие, искажает мышление, — свою причину. Мы можем определить это явление и как обратное влияние *формы* на *содержание*. Распространим дальше и скажем: влияние внешнего человека на внутреннего. Все это сторона воспитания, которая у нас, русских, всегда была в пренебрежении. У нас всегда твердили, что содержание важнее формы и поэтому всякое воспитание формы именовалось ненужной роскошью, барством, и даже почиталось вредным. Между тем, несомненно, что если с одной стороны наше душевное настроение вызывает известное телоположение, то с другой стороны телоположение вызывает душевное настроение. Когда человек печален, его голова никнет, он весь увядает; но представьте, что человек три дня подряд будет ходить осунувшись, — его настроение примет характер его внешности, он станет и сам угрюм. Вот почему мать, говорящая ребенку — «сиди прямо», творит не только дело эстетическое (потому что некрасиво криво сидеть), не только дело гигиеническое (потому что не здорово криво сидеть), не только дело общественное (потому что человек, криво сидящий, действует своим унылым видом на других и сам не может быть в настоящем, непринужденном общении с себе подобными), но мать, говорящая ребенку — «сиди прямо», творит дело *воспитательное*, потому что постановка влияет на дух, и таким образом влияет на *характер*. Повторяю, эта сторона воспитания у нас всегда была в пренебрежении; она даже противна русскому характеру, и в этой неспособности оценить воспитательное значение *формы*, как определяющей собой ясность, а потому и большую ценность *содержания*, нужно искать причину той легкости, с какой наши авторитеты научные пошли на изменение правописания и с какой все мы способствуем искажению и опошлению нашего языка.

* *
* *

С точки зрения вышеизложенных принципов и требований, неточности речи также располагаются по разным категориям: мы рассмотрим их в порядке их вредоносности.

Прежде всего — неправильности ударения. Часто говорят:

Возбуди́ть	вместо	Возбуди́ть
Пере́ведён	— » —	Пере́ведён
Пере́ведёны	— » —	Пере́ведены
Приговóр	— » —	Приговóр
Уменьши́ть	— » —	Уменьши́ть
Стату́я	— » —	Стату́я
Астро́ном	— » —	Астро́ном
Ходата́йство	— » —	Ходата́йство

Примеров неправильных ударений можно было бы привести много. Вся Москва теперь говорит: «Он мне позвони́т» (вместо «позвоня́т»). И когда на эту ошибку обратись вниманье человека, он отвечает: «Ах, да, это по-одесски». Есть ли это причина, или извинение, или оправдание, — кто знает? Но во всяком случае все так говорят. Неправильность ударения не искажает смысла, но она изменяет дух языка. Она придает некую классовость, известный провинциализм, который не совместим с настоящей безотносительной правильностью речи. В перемещении ударения сказывается и принадлежность к профессии. В употреблении слова «приговор», например, я замечал, что, чем выше судебная инстанция, тем правильнее большинство употребляет его — с ударением на последнем слоге; чем ниже инстанция, тем чаще люди дают ошибочное ударение, и о постановлении сельского схода почти всегда говорят: «приговóр». Само по себе неправильное ударение не вредно в смысле влияния на мышление. Но с точки зрения воспитания и оно вредно. Неумение разбираться в тех различиях, которые таким путем сказываются, неспособность ощущать разнообразие человеческой природы в разнообразии речевых особенностей и, наконец, безразличие к эстетической оскорбительности речевых неточностей свидетельствуют о притупленности чувства, которая уже есть некультурность, и, естественно, увеличивается, когда человек сам в те же ошибки впадает. Чувство языка (если можно так выразиться), чувство красоты языка есть очень тонкое чувство, его трудно развить и очень легко потерять. Достаточно самого малого сдвига в сторону неряшливости и неправильности, чтобы уже эта неряшливость превратилась в привычку, и, как дурная привычка, в качестве таковой она будет процветать. Ведь это в природе вещей, что хорошие привычки требуют упражнения, а дурные сами развиваются... Вот почему и в вопросе о правильности речи важно с ранних лет воспитывать любовь к речевой красоте и внушать отвращение к неправильности.

Неправильность ударения свидетельствует также и о непонимании корней языка. Один человек стал уверять меня, что «возбуди́ть» совершенно правильно, раз говорят «прия́удить». Так рассуждающий человек только показывает, что он не отдает себе отчета в корнях. «Приня́удить» происходит от «ня́удить», а «возбуди́ть» — от «буди́ть». Вряд ли в этом вопросе есть правила; но и не правилами я задаюсь в настоящих строках. Есть слова, которые имеют переносное ударение и при этом испытывают

изменение смысла: «безобразный», «безобразный»; есть слова, которые меняют ударение с приставкой нового предлога: «восхитить», «предвосхитить». Не о правилах говорю, а о воспитании тонкости слуха и внимания.

Ударение принадлежит к той категории речевых явлений, которые мы обозначаем одним именем – произношение. Останавливаться на неправильностях произношения не будем, но скажем, что в нем сказывается все то, что мы подметили в ударении: провинциализм, класс, уровень. Произношение – культурный барометр, и ясность и точность его – первая культурная ступень, поскольку культура сказывается в звуковом процессе речи.

Хотя я и не имел намерения в этих строках останавливаться на случаях неправильного произношения, на одну скверную привычку хочу обратить внимание. Дело касается известной категории иностранных слов, вошедших в русский обиход. Слова, кончающиеся на «ционный», как «революционный», «агитационный», «эксплуатационный» и подобные произносятся с особенным ударением на букве *о* (после *ц*), причем почти остается произнесенной гласная, предшествующая букве *ц*: она даже иногда совсем пропадает. Так, выходит: «револьционный», «агитционный» и пр. Между тем эта гласная есть основная, главная гласная коренного существительного. «Революционный» происходит от «революция», «агитационный» – от «агитация». При нашем же произношении прилагательного с пропажей коренной гласной пропадает самая сущность слова; неряшливость идет еще дальше, и то *й*, которое следует непосредственно за буквой *ц*, превращается в *ы*. Тогда мы слышим: «револьционный», «агитционный». Не могу сказать иначе, – это звучит отвратительно. Одно из проявлений культуры – чтобы чувствовалось в человеке, что он знает происхождение слова; должна в слове звучать его *генеалогия*. Такое произношение, как то, на которое указываю, стирает всякий намек на происхождение, ибо не может в латинском слове быть звук *ы*, и не может вообще ни одно слово правильно существовать без коренной гласной. И когда это говорят люди, учившиеся латинскому или знакомые с иностранными языками, то неряшливость их поистине свидетельствует об отсутствии культурного чутья и культурных привычек. Они не ощущают латинского наследия, живущего в этих словах. Культура имеет двойное разветвление: в ветвях и в корнях; кто не ощущает корней, не способен на настоящее цветение в ветвях...

* *
*
*
*

Перейдем к искажениям.

У нас на каждом шагу можно слышать: «Я одел пальто». Можно ли сказать «одевать» в этом случае? *Одевать* можно только кого-нибудь во что-нибудь. Например – «он одевает жену в бархат и шелк», но пальто *одевать* никак нельзя, пальто можно только *надевать*. Это ясно станет

(для тех, кому это еще не ясно) из обращения в страдательный залог. Если бы правильно было сказать «я одел пальто», то так же правильно должно бы было быть «пальто одевается». Между тем, всякому (надеюсь) ясно, что этого не может быть: я одеваю, *барыня* одевается, но про пальто только можно сказать, что оно *надевается*. Что делает мать с ребенком, каждый вечер и каждое утро? Она его *раздевает* и *одевает*. Может она то же самое делать со своей шубой? Нет, она ее *снимает* и *надевает*. Ясно ли? Может быть, станет яснее из другого примера.

Совершенно ту же ошибку допускают люди (не только в разговоре, но и в печати) по отношению к другому слову. Говорят у нас: «Он обул сапоги». Нет, обуваться может только человек, а сапог может только надеваться. Точно так же и разуваться может только человек, а сапог может только сниматься. Следовательно:

<i>Не говорить</i>	<i>Говорить</i>
Одеваю пальто	Надеваю пальто
Раздеваю пальто	Снимаю пальто
Пальто одевается	Пальто надевается
Пальто раздевается	Пальто снимается
Обуваю сапоги	Надеваю сапоги
Разуваю сапоги	Снимаю сапоги
Сапоги обуваются	Сапоги надеваются
Сапоги разуваются	Сапоги снимаются

Ясно ли теперь? Ясно ли, что одевается не пальто, обувается не сапог, а одевается и обувается человек? И только человек может *раздевать* ся и *разуваться*, а пальто и сапоги *снимаются*.

Неправильно употребление глагола «сожалеть» с винительным падежом: «Я его сожалею». Нет, — сожалею о *ком*, а жалею *кого*.

Совсем принимает право гражданства такой оборот, как, например «сколько бы он *не* старался, ему это не удастся». «Не» вместо «ни». Это не только говорят и пишут, но и печатают, и печатают люди, о которых мы вправе думать, что они владеют русской речью. Раз навсегда: «как бы *ни*, сколько бы *ни*, когда бы *ни*» и т. д. Человек говорит: «Как бы он *не* был силен». Пусть же он переспросит себя: «Значит, он *не* был силен?» Нет, напротив, он был *очень силен*. Но тогда, как же можно говорить, *не* был силен? В данном случае не отрицание, а как бы сказать, *отметание*. *Не* отрицает, говорит о том, чего *нет*; *ни* отмечает то, что *есть*. Эта весьма распространенная ошибка многими совсем не ощущается, и это свидетельствует о слабости их мыслительной работоспособности, раз они не имеют силы вдуматься в нее.

Еще весьма распространено употребление слова «какой-то» вместо «какой-нибудь». Так говорят: «Из этого положения надо найти какой-то выход». В чем ошибка, и в чем разница этих двух выражений. «Какой-то» указывает на нечто существующее, но что я не знаю или забыл. «Какой-нибудь» указывает на нечто, чего я не знаю и не знал. «Какой-то» *предполагает, что выбор уже сделан, он уже известен, но только не тому, кто*

говорит. «Какой-нибудь» говорит о предмете, который еще не выбран; в этом выражении проявляется безразличие; в слове «какой-то» есть определенность. Например: «Придет сегодня какой-то человек», это значит, один, определенный человек, но только я сейчас забыл, как его зовут и даже, кто он такой. А если я скажу: «Придет какой-нибудь человек», это указывает на полное безразличие и полную неизвестность, — какой человек. Не могу сказать иначе, — это есть болезненный изъян мышления, если кто в этой разнице не умеет разобраться. Следовательно, «Из этого положения надо найти какой-то выход» нельзя сказать, а надо сказать — «Из этого положения надо найти какой-нибудь выход». Но можно сказать: «Из этого положения был какой-то выход, мне его указывали, но я его забыл».

В последние годы существования министерских канцелярий вошла в употребление частица «дабы». Хорошее слово, но, как каждое слово, — на своем месте. Слово «дабы» не зависит от глагола, а само подчиняет себе последующие слова. Так, например, нельзя сказать: «Я хочу, дабы он пришел». В данном случае нужно «чтобы». Но можно сказать: «Он захотел, чтобы он пришел, дабы передать ему то-то и то-то». Отсюда выводим: слово «дабы» не может заменять слово «чтобы», а заменяет только выражение «с тем, чтобы». Раз нельзя сказать — «Я хочу, с тем чтобы он пришел», то нельзя сказать и «дабы». Итак, в окончательном выводе: *дабы* заменяет собою *с тем, чтобы*, также — *для того чтобы*. Всякий раз, где *дабы* ставится на место *чтобы*, это грубая ошибка против красоты и разума.

Ошибки с грамматическим искажением, конечно, многочисленнее, нежели те, что я здесь перечислил. Но я и не задаюсь исчерпывающим перечислением. Моя цель пробудить внимание и указать на то, до какой степени мы окружены неточностями и ошибками, а затем — как эти неточности языка влияют на мышление, вызывая слабость, вялость, туманность и неопределенность его. Перейдем от грамматических искажений к словечкам и выражениям.

* * *

В числе того, что можно бы назвать оплошными словами и выражениями, надо различать две категории. Одни слова пошлы и при этом неправильно применены; другие пошлы без неправильности, но только в силу того, что набили оскомину, и стали тем, что можно назвать «дежурными» словами.

Есть сейчас слово в обиходе, которое положительно язва языка. Это слово — «обязательно». «Обязательно» происходит от «обязанность». Оно прежде, в те времена, когда еще хорошо, красиво и осмысленно говорили по-русски, так и употреблялось, — только в тех случаях, когда с ним сочеталось понятие обязанности. «Вам обязательно явка в такую-то кан-

целярию», переводилось в безличную форму, и говорилось: «Вам обязательно явиться в такую-то канцелярию». Так же точно: «Прокурор обязательно присутствует в заседании суда». У нас теперь слово это употребляется вместо «непременно» и в таких случаях, когда совсем нет *никакой* обязанности. Так говорят: «Пройдитесь по Кузнецкому Мосту, — обязательно вам повстречается такой-то». Даже приходится слышать такие сочетания, как «мне обязательно хочется». Можно ли придумать что-нибудь более логически уродливое? Еще говорят: «Вам обязательно нужно»; ведь это то же, что — «вам позволительно можно». Но злобедность этого слова не в том, что оно неправильно употребляется, не в том, что оно не сходит с уст, не в том, что, наводняя собою речь, оно пошлит ее до постылости, а главная его вредоносность в том, что, вытесняя другие слова из речевого обихода, оно тем самым изгоняет из мозга соответствующие изгоняемым словам понятия и тем вызывает обеднение мышления. Сами посудите. Рассказывает внучка про свою бабушку: «Каждое утро неизменно — чаю напьется, к окну садится, очки наденет, газету читает». Ведь лучше это, чем — «Каждое утро *обязательно* — чаю напьется, к окну садится, очки *оденет*, газету читает». Чувствуете, что делает это слово? Или так, например: «Четыре раза вор ускользал, — в пятый уж неминуемо попадется». Разве не лучше, чем — «в пятый раз *обязательно* попадется»? Ясна ли пагубная роль этого слова? Понятия неизменности и неминуемости существуют в сознании, но они вытесняются из него одним общим словом *обязательно*, которое не покрывает собой ни одного из этих понятий, и как пластырь какой-то, заклепляет разнообразие мыслительных путей. Вот какие прекрасные русские слова вытесняются этим гнусным паразитом:

неизменно,
непременно,
неминуемо,
обычно,
неизбежно,
неуклонно,
непреклонно,
неотлучно,
несомненно,
неукоснительно,
во что бы то ни стало.
не иначе. как.

Затем, изгоняется такой красивый и в речи ценный оборот, как двойное отрицание: «Да вы ему только скажите, он не может не сделать». Лучше ведь, чем — «Да вы ему только скажите, *обязательно* сделает». Не буду больше останавливаться на этом слове, но скажу, что из всех наводнивших нашу речь прибауток, трафаретов и «дежурных» слов слово *обязательно*, по пагубному своему влиянию на мыслительный аппарат, самое злобедное.

Еще несколько «дежурств» с искажением смысла.

Слово «определенно» пробралось в такие сочетания, где никакой определенности нет. Например: «Он определенно не знает». Слышал даже такое выражение: «Он определенно умер». Здесь проявляется мыслительная лень; человек, вместо «Я определенно знаю, что он умер», перескакивает, сокращает и говорит: «Он определенно умер». Выражения, подобные «определенно не знает», встречаются часто на устах мало мыслящих людей; они, например, говорят: «Он упорно не хочет». Здесь соединение причины и последствия. Упорство есть следствие нехотения; говорящий стягивает их в нечто одно, причем из последствия делает качественное определение причины.

Очень уродливое слово, весьма прочно усевшееся в современном обиходе, — «подвезло»: «Ему в этом деле подвезло». Если это правильно, то правильно было бы и настоящее время: «Ему в этом деле подвозит». Между тем, всякий скажет: «Ему в этом деле везет». Следовательно, — в прошедшем: «Ему в этом деле повезло». *Повезло*, а не *подвезло*. Это остаток того, что можно назвать — юнкерство: «подвезло», «марка», «нуль внимания». Один юноша так сказал: «Когда мой батька сыграет в ящик». Это значило — *когда он умрет...*

Укажу еще на одно неправильное словопроизводство, сейчас получившее большое распространение. От слова «большевик» произвели прилагательное — «большевистский». Суффикс *истский* есть прилагательное окончание от существительных, кончающихся на *ист*: «роялист» — «роялистский», «кальвинист» — «кальвинистский». Суффикс иностранного происхождения, который иногда принимает и форму *ический*: «коммунист» — «коммунистический», «монархист» — «монархический». Такие окончания были бы уместны, если бы мы имели дело с существительным «большевик»: тогда прилагательное было бы «большевистский» или «большевистический». Но слово, кончающееся на *к*, может в прилагательной форме дать только суффикс *цкий*: «мужик» — «мужицкий», «покойник» — «покойницкая», «дурак» — «дурацкий», «большевик» — «большевицкий»; допустима и форма «большевический». Конечно, все эти *формы* не имеют влияния на *содержание* этого понятия...

* *
*

Поговорим теперь о «дежурных» словах, о привычках речи без искажения грамматического и лишь с малым искажением смысловым; есть, впрочем, и такие в их числе, которые и смыслового искажения не представляют, а заслуживают презрения только по назойливости своей.

Кому не известна формула большевицкой вежливости — «*извиняюсь?*»? Сколько прекрасных русских слов есть для того же самого. «Винюват». Но разве можно признать себя виноватым? «Простите». Да наплевать мне, прощаете ли вы меня или нет. А я сам «извиняюсь», и будет с вас. Ужаснейшее слово и ужаснейшее с ним поведение: прежде вам наступали

на ногу и говорили: «Простите», а теперь вам говорят «Извиняюсь» и — наступают вам на ногу. Распространенность этого слова можно сравнить только с некоторыми насекомыми, да, пожалуй, еще с формулой — «Ничего подобного».

Заняв место таких выражений, как «никогда», «нисколько», «ни в коем случае», «ничуть не бывало», выражение «ничего подобного» в конце концов утвердилось, как простое «нет», когда оно произносится с некоторой силой, с возмущением. Трудно объяснить пошлость этого выражения тому, кто ее не чувствует. И что же сказать о тех, кто к нему прибегает, как к всякой изысканности!... Это один из тех культурных обманов, которыми обольщается и убажается народ...

Слово «товарищ»! Какое прекрасное, священное слово! Товарищ по школе, товарищ по полку, товарищ по несчастью... Вспомните только, как Пушкин употребляет это слово, вспомните «Лицейские годовщины». Что же сделали из него? Незнакомый к незнакомому подходит: «Товарищ, позвольте закурить». Чекист обыскивает вас: «Ну, товарищ выворачивайте ваши карманы». Оно превратилось в совершенно бессодержательное обращение, — вылущенное, выпотрошенное слово.

Появилась и благодушная, трамвайная формула обращения между женщинами: «Мадамочка». О, дивное русское слово «Сударыня»!... Нет, не понимают люди, что от них не убудет, если они другому прибавят.

Часто приходится слышать — «между прочим» (и в этих случаях даже — «между прочим») вместо «между тем»: «Он мне обещал, а между прочим не исполнил». Это остаток семинарства. «Между прочим» можно сказать только, когда оно может быть заменено словом «в том числе». В тех же случаях, когда оно хочет заменить слово «тем не менее», оно не к месту, надо говорить — «между тем».

Такое же «семинарство», как в употреблении «между прочим» вместо «между тем», сказывается в употреблении слова «слишком» вместо «очень». «Такой-то человек мне нравится, — слишком образованный». Явно неверно. «Слишком» может относиться только к такому качеству, которого следует убавить; в этом слове всегда есть некоторое осуждение. Как же может человек нравиться тем, чего ему надо сбавить? Обратное было бы верно: «Он мне не нравится, — он слишком образован». Кто в провинции жила, тот слышал подобные речения, главным образом в духовной среде...

Как часто, говоря о женщине, употребляют выражение «интересная». Я даже слышал раз в вагоне: «Ах, не скажите, он поинтереснил». Интерес есть нечто активное, излучающееся от человека в связи с его волевыми проявлениями. Но слово «интерес» в смысле внешней привлекательности есть нечто произвольное и в последней степени безвкусное. Знаю, что Лев Толстой прямо выходил из комнаты, когда при нем кто-нибудь так выражался. Сам он так говорил: «Женщина, возвратившись из Индии, может быть интересна своими рассказами, но она не может быть интересна в желтом платье».

Много пошлости вливается в речь через безразборчивое употребление слова «роскошный». Оно совершенно утратило свой истинный смысл ценности, стоимости, вообще всего, связанного с затратой человеческих средств. Вполне понятны выражения, как «роскошная квартира», «роскошная обстановка», но отвратительны выражения, как «роскошная малина», «роскошная комета», «роскошная селедка». Что сказать про наречевое применение этого слова, как, например, — «Он роскошно знает свой предмет», «Он роскошно читает лекции», «Этот тенор роскошно поет»... Совершенно выхолощенное, обескровленное слово, ничего не значащая прибаутка. Это то же, что «увы и ах», это сор в речи, это не речь.

Такой же «сор» — слово «шикарный». Я слышал и про шикарную землянику, и шикарную селедку, и шикарны дуб, шикарную комету даже. Здесь, кроме иностранного слова, кроме искажения смысла, кроме применения слова к такой области, в которой оно не приложимо, есть еще какая-то легкость в неразборчивости; есть известная дешевка в пользовании тем, что пущено в оборот... Ужасная обтрепанность в этом словесном одеянии, рыночность, «убогая роскошь наряда»...

Наконец, возьмем еще маленькое словечко — «пока». Вы всегда думали, что «пока» значит — «в то время как», «между тем как», что оно подчиняет одно действие другому в порядке одновременности? Совсем нет. «Пока» значит теперь, в черте советской оседлости: «до свидания», «будьте здоровы», «не сомневайтесь в моем обещании» и много подобного. Это как маленькие пилюли советской обходительности...

Есть еще и другая нилюля сгущенного благожелательства: «Всего!». На этом обыкновенно прекращаются телефонные разговоры, после этого отбой.

* *
*

Скажут, что и в других языках не все обстоит благополучно, что и там разговор втираются пошлости, и там люди говорят не «академично». Совершенно верно. Во французском очень много оборотов не «академических», много входит в обиход слов бульварных, даже есть словарь парижского «арго». Но никогда это не проникает в литературу, или, если проникает, то как *сознательное* проникновение, — в кавычках, как окраска того человека, который описывается, или той среды, к которой он принадлежит. У нас же, что безотраднo, это то безразличное *неощущение* ошибки и пошлости, с которым люди выражаются и устно и в печати. У нас не чувствуются культурные категории; такой богатый и разнообразный язык, как русский, покрыт покровом однообразия; нет критического отношения к ценности слова. Не понимают люди, что в слове выражается известный уровень, что это есть своего рода «воспитанность». Один человек описывал гостиную: «Мебель была покрыта *креПоном*, на столах стояли вазы и *вазоны*». Этого достаточно, чтобы видеть культурный уровень человека.

То же самое сказывается и в выборе слов: он свидетельствует об уровне. И надо сказать, что, не задаваясь оценкою большей или меньшей высоты нашего уровня (поскольку он сказывается в выборе печатного слова), *однообразие* этого уровня удручающе. Иногда больно читать, как и больно слушать.

Да, русский язык претерпевает искажения, с которыми не может мириться сердце, искренно любящее великое орудие мысли, коим писал Пушкин. В наш житейский обиход втираются слова и выражения с новым, неприусшим им, насильственным значением, в таких сочетаниях, которые не только коробят слух, но оскорбляют здравый смысл. Выражения пошлые легко распространяются; людская переимчивость чеканит одну образную лживую монету, которая вытесняет драгоценное разнообразие нашего языка. Штампы, трафареты подхватываются налету, и готовые ярлыки своим безличием обесцвечивают яркость речи; готовые обороты заменяют самостоятельность, заимствование убивает творчество. Неправильное пользование словом искажает мыслительный аппарат, вызывает умственную неясность, умственную лень; легкая удовлетворимость приблизительным словом ведет к неминуемой расплывчатости мышления. Таковы опасности, на которые хотелось в этих строках обратить внимание интересующихся. Не то важно, то есть не то — самое важное, что неточное мышление искажает речь, а то важно и опасно и страшно, что неточная речь искажает мышление.

На том «соре», до которого мы дошли, мы могли бы и остановить нашу маленькую попытку чистки русского языка, но нам надо поговорить об опаснейшей язве нашей речи, — об иностранных словах. А прежде того хочется ответить на одно весьма ходячее возражение, которое выдвигается всякий раз, когда заходит разговор о чистке языка.

«Язык есть нечто живое, это есть развивающийся организм; нельзя его в рамки вкладывать, нельзя его связывать правилами, это есть насилие. Язык свободен». И *во имя свободы* эти люди даруют право гражданства худшим искажениям и ошибкам. Здесь явно неправильное истолкование понятия свободы. Свобода вовсе не значит — предоставление себе: свобода не значит — потакание. Как в мире нравственном, как в мире общественных явлений, так в мире искусства только та свобода имеет ценность, которая зиждется на подчинении. Свобода до подчинения есть хаос: из хаоса человек входит в подчинение и в подчинении обретает новую, уже ценную свободу. Ведь сколько бы люди ни превозносили прелесть и преимущества «свободного воспитания», а признать они должны, что красть нельзя, стричь волосы надо, лгать не подобает и в носу ковыряться непристойно. Раз они это признают, как же они отнесутся к тому, кто *во имя свободы* будет восставать против воспитательных мер, направленных к искоренению этих дурных привычек? По отношению к чистке языка они именно так поступают. Поднимая голос за *свободу* в языке, они упускают — *воспитание*, и, поднимая голос за *творчество*, они совершенно упускают из виду действующую в людях *переимчивость* и падкость

на все готовое. Они делают, таким образом, как раз обратное тому, что хотят: они поощряют несвободу, они заступаются за ярлык, в то время как ратуют за свободу и за творчество. Здесь действует какой-то дух умильной слащавости, который совершенно непонятен в вопросах научных и вопросах нравственного воспитания. Один критик мне однажды, по поводу моего выступления против иностранных слов, возразил, что я насилию человеческую природу, и что, если человек говорит «мерси», то потому, что это ему естественнее, а если его заставлять говорить «спасибо», то выражение его благодарности будет неискренно! Ведь так можно дойти и до того, что, если человек за столом в гостях по восточному обычаю не рыгает, то благодарность его хозяйке будет неискренна.

Грустно, но приходится отметить, что, по-видимому, любовь к своему языку не сидит в русском человеке. Когда я в Москве перед своими многочисленными слушателями, учениками театральных школ, говорил о губительном пристрастии к иностранным словам, ни одного не нашлось, который бы сказал: «да, правда, это гадко, это обидно, русскому уху противно, русскому сердцу больно. Давайте, дадимте друг другу слово изгонять иноземные слова, будемте говорить чистым, настоящим русским языком». Нет. Ни одного не нашлось, который бы так сказал, а все только с задором, с тем душком, с каким ставятся словесные ловушки, спрашивали: «Да чем же это плохо? Да почему же нельзя? А как же сказать иначе? А кто же сказал, что это нельзя?»... и т. д. Очевидно, отсутствует в русском человеке любовь к своему языку, если он не страдает от искажений его.

Перейдем же к иностранным словам.

* *
*

«Товарищи! Прежде всего я должен вас *информировать*, что, несмотря на то, что мы с ними состоим в тесном *контакте*, *ориентироваться* во всех *инкриминируемых дефектах* очень трудно, несмотря на *анкету*, и что *нибудь определенное зафиксировать* в этой плоскости не представляется никакой возможности. Можно лишь *констатировать* факты, не задаваясь *коррективом*, да и то при *доминирующем* настроении *коллектива* вряд ли можно ожидать *продуктивности* от нашей *дискуссии*...» И т. д. и т. д. Вот как теперь говорят за рубежом советским.

Иностранное слово не потому плохо (не потому только), что засоряет язык, но и потому (главным образом потому), что, заменяя ясное, определенное слово новым, мало понятным и потому неясным, влияет и на запас умственных понятий затмевающим образом. Поясню на примере. Во время одной лекции в Москве перед рабочей аудиторией я спросил:

— Вот, сейчас кто-то из вас сказал слово «продуктивный». А что значит «продуктивный»?

Последовал поспешный ответ:

- Продуктивный? Полезный.
- Вот как? Молоко полезно?
- Полезно.
- Продуктивно?
- Нет.
- Так что же значит «продуктивный»?

И заменил я им это иностранное слово русским словом - «плодотворный», «производительный».

- Понимаете?
- Понимаем.

Что же происходит? Понятия полезности и плодотворности, столь ясно разграниченные в русском языке, в умах этих людей уже слились в одно понятие под общим неясным иностранным словом. То же самое было со словом «компенсация». Спрашиваю - что значит?

- Компенсация? Награда.

Привожу пример деревни, пострадавшей от взрыва складов; жители по постановлению власти получили «компенсацию». Что же, спрашиваю, - они пострадали и за это, по вашему выходит, награду получили? Объяснил им разницу между наградой и возмещением. Вот, значит, новый пример того, что под покровом общего малопонятного слова стирается разница понятий, утрачивается мозговая дифференциация. (*Извильная*: иностранное слово). В этом наиболее пагубная сторона того наплыва иностранных слов, которым заливается наша речь. Есть, кроме этой логической стороны, и психологическая. Люди почему-то думают, что они умнеют, когда произносят слова, которых не понимают. Создается у человека какое-то подобие культуры, которая на самом деле ниже той, которая ему присуща. Это я ясно ощущал, когда во время революции в деревне слушал тамошних говорунов. Они говорили «умные слова», но были положительно глупее своих отцов, которые, глядя на сынков, не то умилялись, не то конфузились. Влияние иностранного слова несомненно расслабляющее, когда говорящий не сознает под ним корней. Как всякое полужнание, оно хуже незнания, все равно как полуйстина есть уже заблуждение. Все что было сказано в первых строках этой статьи относительно *обратного* действия слова на разум, в наибольшей степени приложимо к иностранным словам. Думаю, что общее положение достаточно ясно после сказанного и нескольких приведенных примеров. Хочу дать небольшой список «дефективных» выражений и к ним соответствующих «коррективов».

Зачем:

Ориентироваться.
Фиктивный,
Инициатор,
Доминировать,
превалировать.

Когда есть:

разобраться, осмотреться.
вымышленный, мнимый.
зачинщик (во всяком случае в отрицательных случаях).
преобладать, господствовать.

Инспирировать,	внушать, подсказать.
Информировать,	оповестить, поставить в известность, осведомить.
Варьировать,	разнообразить.
Нюансировать,	оттенять.
Фиксировать,	закрепить, установить, записать.
Функционировать,	действовать.
Инкриминировать,	ставить в вину.
Анкета,	опросный лист.
Корректив,	поправка, возмещение
Дефект,	изъян, недочет.
Симуляция,	притворство.
Базировать,	строить, утверждать.
Детальный,	подробный.
Индивидуальный,	безразличный

Нельзя продолжать список до бесконечности. Остановимся и здесь. Но скажем, что представители тех классов и профессий, которые бы должны подавать пример уважения к языку, дают пример обратного. Я слышал профессора университета, который говорил, что на сторожа можно возложить обязанность отапливать помещение, что «в крайнем случае можно его за это и *гонорировать*»... Такие обиходные слова, как «пардон» и «мерси», кроме вульгарности своей, свидетельствуют и о том еще, что люди как будто не имеют природных инстинктов вежливости, если должны выражения их заимствовать от других. Один врач записал в книгу санитарного поезда: «Всем сестрицам большое *русское мерси*».

Есть слова, которые перенимаются из иностранного языка с существенным искажением смысла. Так, слово «будировать». По-французски оно значит «дуться» (на кого-нибудь). У нас же (вероятно по созвучию со словом «будить»?) оно употребляется в смысле «расталкивать», «подстрекать»; им заменяют другое иностранное слово — «агитировать»: «В 1905 году по деревням разъезжали люди, которые *будировали* население»... Говорить ли о технических терминах, всех этих словах, приехавших к нам на автомобилях, прилетевших на аэропланах? Все эти «ангары», «виражи»... Говорить ли о словах, свидетельствующих о «хорошем тоне»? «Персоны, куверты, персонажи, сервировки, вестибюля, марши лестницы, антре, портьеры, драпри, жалюзи» и т. д. и т. д. А наречия? «Абсолютно, колоссально, кошмарно» и т. д. и т. д.

Да, далеко мы ушли от наших корней и все дальше уходим. И хочется вспомнить слова Тургенева о русском языке, — что только великому народу дан великий язык. Но что же мы из него сделали? Что сделали из «великого, могучего, правдивого, свободного»? Не велик уже, когда так много воспринял пошлого; не могуч, раз прибегает к иноземной помощи; не правдив, если не из своих корней черпает, и не свободен, раз повинуетя внешним указаниям, не развивается из себя...

Русский язык в опасности.

О СОСТОЯНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В 1991 году в Москве состоялась конференция «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики» (см. Русская речь. 1992. № 1). В процессе подготовки этой конференции членом-корреспондентом РАН, директором Института русского языка РАН Ю. Н. Карауловым была организована почтовая дискуссия «О состоянии русского языка». Публикуя материалы этой дискуссии (в этом и последующих номерах), мы рассчитываем на то, что наши читатели в высказываниях видных ученых-русистов получат ответы на многие интересующие их вопросы.

Ю. Н. Караулов,

член-корреспондент РАН

I.

В наше перестроечно-смутное время, когда состояние экономики страны, состояние окружающей человека среды, состояние его души да и физиологическое его состояние оцениваются как деградирующие, как пришедшие к упадку, как требующие решительного вмешательства с целью приведения их соответственно – к регулируемому рынку, к экологически чистому виду, нравственному возрождению и физическому оздоровлению: в это безжалостное к человеку, но все-таки прекрасное (потому что мы с вами в нем живем) время часто слышатся сетования по поводу плохого состояния («упадка», «оскудения», «обеднения» и даже «вырождения») русского языка.

Итак, вопрос первый: считаете ли Вы, что нынешнее «состояние русского языка» внушает такую же тревогу, как и перечисленные вначале другие «состояния», и так же требует решительного вмешательства?

II.

Какое содержание вкладываете Вы в сочетание «состояние русского языка»?

Свойственно ли Вам употреблять такое сочетание?

Не кажется ли Вам, что уже само это сочетание, подразумевая организмическую метафору (ср. «состояние больного»), с неизбежностью вызывает эпитеты отрицательной оценки: плохое, тяжелое, внушающее беспокойство, слабое, некудышное и т. п.?

III.

Как известно, есть три наиболее распространенных, тотальных, я бы сказал, метафоры языка – естественно-биологическая, социально-игровая и социально-инструментальная.

1) Если развернуть первую из них, то язык предстанет в виде «древа», невидимые «корни» которого уходят в дописьменную пору истории народа и на уровне этимологии смыкаются с «корнями» родственных языков. «Ствол» символизирует поддающуюся реконструкции по письменным памятникам эволюцию языка, где макроизменения в его структуре отложились в виде древесных колец, формы и характера коры или узора на ней и т. п. Ветви же и крона отражают современные формы и способы бытования языка (устная диалектная речь, разговорный литературный язык, язык художественной литературы, научно-технический язык, политический язык...), и сомасштабные человеку микроизменения в нем могут выражаться в колебании ветвей, шелесте и движении листьев, их окраске и т. п. Древесная метафора языка при некоторой ее неуклюжести и старомодности хороша тем, что навеивает мысли о цикличности существования языка, о цикличности его состояний, когда пора цветения и роста чередуется с порой зрелости, а потом увядания и замирания жизни...

Какую же пору переживает наш язык сейчас и переживал в недалеком прошлом, каким представляется Вам его завтра?

2) Соссюровская «шахматная» метафора языка акцентирует внимание на правилах игры, свойствах «фигур», искусстве участников и ограниченности (8×8) «поля». Если опереться на нее, то вопросы о «состоянии» русского языка должны выглядеть так: что случилось с языком сегодня:

– мы потеряли много фигур и пешек, и игра не может быть полноценной?

– мы забыли правила и разучились «делать нужные ходы»?

– поле «игры» вдруг сузилось и теперь невозможно использовать все фигуры, либо наоборот, как предлагал когда-то М. Ботвинник, поле расширили до размеров 15×15, что вызвало растерянность партнеров?

– или...? и т. д.

3) Наконец, социально-инструментальный взгляд на язык совсем как будто превращает его в орудие, – орудие, изобретенное человеком, целиком ему подвластное, поддающееся разного рода манипулированию с ним, – особенно, если такой взгляд опирается на модную теперь «компьютерную метафору языка». Условия ее появления внутри науки о языке были подготовлены книгами Н. Хомского, а суть метафоры сводится к следующему: язык представляется состоящим из двух рядов разнородных явлений – элементов или единиц (слов, фонем, слогов, морфем, дифференциальных признаков, предложений, элементарных смыслов...) и систем продукции, то есть правил получения единиц одного уровня из единиц другого, правил их комбинирования и сопоставления и т. п. Вспомним также идею Л. В. Щербы о принципиальной противопоставленности и

языке словаря (единиц) и грамматики (правил). Аналогичным образом элементы (символы) и правила (алгоритмы и программы) составляют два ряда феноменов в компьютерной технологии, в процессах оперирования данными на ЭВМ, в результате которых тоже проявляются некоторые «тексты».

Теперь, если с нашими вопросами о состоянии русского языка обратиться к его компьютерной метафоре, то недовольство этим состоянием, его негативные оценки могут быть вызваны:

- простым сокращением числа элементов (единиц)?
- ухудшением качества и ограничением количества наиболее часто используемых из них?
- упрощением и недоброкачеством систем продукции, то есть правил («испортилась» грамматика? не используются ее потенции, целые грамматические зоны, наборы правил не находят применения, а преобладающими оказываются правила, подходящие не для всех сфер или не для всех элементов?»):
- т. п.?

IV.

Но оставим в стороне метафоры. Мы - языковеды - и без них способны договориться о том, что мы вкладываем в понятие «язык» и в понятие «состояние». Когда мы говорим «русский язык», то имеем в виду:

- либо всю совокупность текстов на нем, все написанные книги, статьи и т. п., все произносимые речи, отдельные звуки, слова, реплики, в том числе только что купленную газету и базу данных по русской разговорной речи в Машинном фонде русского языка...;

- либо сделанные специалистами научные описания строя русского языка, его словарного состава, особенностей его функционирования в разных стилистических условиях и т. п., иными словами, очень сжатое, экономное представление его потенций в словарях, грамматиках и учебниках;

- либо, наконец, не то и не другое, а нечто неуловимое, существующее однако в голове каждого носителя в виде способности, умения строить и понимать предложения и тексты на русском языке, причем такие, которые никогда ранее не были этим носителем произведены или услышаны.

Итак, в науке есть только три способа репрезентации языка: язык - как совокупность текстов, язык - как структура (в конечном счете тоже сводимая к совокупности, но уже единиц и правил) и язык - как способность. Чем мы не удовлетворены, говоря о состоянии русского языка - текстами на нем, структурой и ее описаниями или компетенцией носителей, их умением на основе знания языкового строя производить тексты?

V.

Тем не менее, несмотря на наше недовольство, русский язык живет повседневно вместе с народом и успешно функционирует сегодня, как и много столетий подряд, обслуживая мысль и чувство отдельного человека, то есть внутри личности, и интересы всего общества. Правда, этот «внутренний» язык, внутренняя речь «для себя» не всегда согласуется, не всегда совпадает с речью внешней, речью «для других», и такой затяжной в нашей жизни конфликт «думания про одно», а «говорения про другое» не пошел на пользу ни личности, ни языку. Ведь для одних гласность сегодня — это только языковая проблема, это всего лишь возможность привести в соответствие внешнюю речь своей внутренней речи при сохранении неизменными идейных, этических, эстетических позиций и целей, своего видения мира и своего места в нем. Тогда как для других гласность означает полное разрушение, ломку сложившейся и устоявшейся картины мира, смену жизненных установок, ценностей и мотивов, то есть заставляет выходить далеко за рамки собственно языка, хотя восприниматься это все может тоже как «состояние русского языка».

Так, может быть, наша обеспокоенность, наша неудовлетворенность «состоянием русского языка» вызвана вовсе не тем, как мы говорим (то есть состоянием в обществе культуры речи в узком смысле термина), а тем, что мы говорим, то есть состоянием Культуры (с большой буквы)?

Ю. Д. Апресян,

доктор филологических наук

Когда говорят о деградации языка, имеют в виду, конечно, не сам язык, а падение речевой культуры. Уровень речевой культуры общества определяется относительным весом различных типов владения языком.

I. Высокое искусство слова. Оно представлено в первоклассной художественной литературе. Здесь — неиссякаемый источник реального обогащения языка (ср. знаменитое высказывание Пушкина о стихах «Гори от ума»).

II. Хорошее ремесленное владение языком. Оно представлено в хорошей журналистике или профессионально выполненных, но зализанных переводах иностранной художественной литературы. Здесь — источник пополнения языка добротными штампами.

III. Интеллигентное владение языком — тот самый литературный язык, который Шахматов называл языком узкого круга образованных лиц. Здесь — необходимое для блага всякого языка консервативное начало.

IV. Полуобразованное владение языком, соединенное с плохим владением мыслью и логикой. Оно определяется, с одной стороны, родовой привязанностью к идеологическим штампам и просторечию, а с другой

комплексом речевой неполноценности. Комплекс приводит к беспомощной имитации культурной речи. Этот тип владения языком, высмеянный еще Салтыковым-Щедриным, представляет собой самое разрушительное начало, поскольку состоит из химер – синтаксических, лексических, семантических и даже морфологических.

V. Городское просторечие, молодежные жаргоны, язык прилгавных слов общества. В нем есть и деструктивное начало (особенно в американизированном молодежном сленге), и здоровые элементы, которые, пользуясь именно этими элементами, можно было бы назвать «крутой» образностью.

Бедственное состояние нашей нынешней речевой культуры («распад языка», сопровождающий распад экономики, экологии, нравственности) определяется несколькими факторами:

а) в результате семидесяти лет идеологического насилия над культурой было почти полностью элиминировано влияние на язык высокого искусства слова. Оставшиеся крохотные оазисы преемственной словесной культуры сейчас не в силах помешать всеобщему языковому одичанию;

б) кургузая гласность, так и не ставшая свободой слова, дала преимуществу «образованщине» – неряшливому газетному репортажу, дремучим парламентариям, государственным «органчикам» всех рангов. Вынужденные в условиях гласности говорить спонтанно и абсолютно не способные говорить спонтанно из-за недостатка мыслей и слов, они плодят языковые химеры, которые через радио, телевидение и газеты врываются в каждый дом;

в) подавление естественного взаимодействия нашей культуры с мировой привело к тому, что оно приобрело уродливую форму копирования или калькирования, которое в сфере языка породило безобразный феномен американизированного молодежного сленга, тоже продукта «образованщины».

Таким образом, падение языковой культуры определяется перераспределением роли различных факторов, определяющих ее состояние в каждый текущий момент эволюции литературного языка. Хотя второй и третий факторы сохранили свою стабилизирующую роль, речевая культура в целом перестала получать конструктивные импульсы от высокого искусства слова и пала жертвой разрушительного натиска «образованщины».

А. В. Бондарко,

доктор филологических наук

1. Вопрос о состоянии предполагает во всяком случае беспокойство. Но «вмешательство» искусственное, намеренное, планируемое в данном случае, на мой взгляд, невозможно. Важно общее сохранение и развитие

культуры, внимание к нашей драгоценной классической литературе, широкое распространение произведений лучших писателей наших дней.

На мой взгляд, мысли, высказанные А. И. Солженицыным в предисловии к его словарю, в какой-то мере просятся и к грамматике. Так, и в живой речи, и в языке художественной литературы все реже употребляются видо-временные формы русского глагола в таких типах их функционирования, как, например, прошедшее время глаголов совершенного вида при обозначении повторяющихся и обычных действий. Ср.: «Левин заметил, что у него на глазах были не слезы, а влажность, как это всегда бывало у него, когда он выпил, или когда он расчувствовался» (Л. Толстой, Анна Каренина); «Крал ли кто, заяц ли обгрыз зеленую дыню, волк ли полакомился спелой дыней – все заметит Митрич» (Троепольский, Записки агронома) и т. п. (см. примеры в моей книге «Вид и время русского глагола», М.: 1971. С. 215–216).

Санкт-Петербург

В. Г. Гак,

доктор филологических наук

I. Советские журналисты, учителя и др. не одиноки в своих сетованиях насчет «упадка» русского языка. В настоящее время во всем мире слышатся жалобы на «критическое состояние» того или иного языка. По-видимому, «кризис» языка может быть двоякого рода:

– кризис, объясняемый внешелингвистическими причинами; это касается языков национальных меньшинств, которые вытесняются господствующим в данном обществе языком. Такое вытеснение может привести к упадку и даже полному исчезновению миноритарного языка (в некоторых зарубежных работах это явление называют «лингвцидом», по аналогии с этноцидом и геноцидом). Это – настоящий кризис, подлинная угроза существованию языка. «Кризис», объясняемый внутрilingвистическими причинами: обеднение языка, неумение пользоваться им, раставывание нормы, плохое знание орфографии и т. п. Такой кризис может касаться не только миноритарных языков, но и мажоритарных языков, которым по сути дела ничего не угрожает. О плохом состоянии языков теперь пишут повсюду. Об этом, в частности, свидетельствует книга *La crise des langues*. Р., 1985, в которой говорится о кризисе французского языка (во Франции), английского (в США), немецкого (в Германии), норвежского, датского, испанского (в Испании и Уругвае), венгерского (в Венгрии) и т. п.

Чтобы оценить состояние русского языка, может быть, является целесообразным различать два аспекта, плохо дифференцирующиеся в русской лингвистической терминологии: структура языка (*langue*) и умение пользоваться им, языковая способность (*langage*). Что касается структуры

языка, то тут русскому языку ничто не угрожает. Некоторое сокращение ареала его использования в зарубежных странах, связанное с известными политическими событиями, не должно нас волновать. Международный престиж языка определяется во многом политическими границами влияния соответствующего государства, но не только ими. Не меньшую роль играют здесь три фактора: научно-технический потенциал страны, ее активные торговые связи и зарубежные путешествия ее жителей. Важность этих факторов проявляется в экспансии японского языка, интерес к которому повсюду растет чрезвычайно, и в постепенном восстановлении международного значения немецкого языка, пошатнувшегося после войны. Изменения в нашей стране, если они пойдут в нужном направлении и будут завершены, несомненно повлияют на рост престижа русского языка, престижа, не связанного исключительно с политическими факторами.

Отмечается некоторое расшатывание нормы. Но это свойственно всем современным языкам, тем более «большим», на которых говорит все более этнически пестрое население, к тому же в силу известной демократизации жизни отношение к нарушениям нормы также изменилось. Французские лингвисты говорят даже о «плюринорме», а ведь французский язык всегда был одним из наиболее «нормализованных» языков в Европе.

Плохое состояние русского языка, если оно есть, касается не системы и нормы этого языка, а узуса, неумения пользоваться им многими его носителями.

Таким образом, если и есть кризис русского языка, то это касается не самого языка и его положения в обществе и в мире, но понижения умения пользоваться им как у широких масс населения, так и у «специалистов языка» (журналистов, общественных деятелей) и т. п.

У простых людей неумение пользоваться родным языком приводит к языковому отчуждению, когда субъект не владеет языком, не может адекватно выражать мысли. Одной из причин такого языкового отчуждения является засилье в течение многих лет штампов политической речи в нашем обиходе. Штампы отучают человека самостоятельно мыслить и развивать свою языковую способность.

II. Полагаю, что состояние языка (в том числе, русского) приемлемое словосочетание. Оно имеет, как это я пытался показать в п. I, два аспекта, «внешний» и «внутренний». У меня не складывается впечатление, что «состояние» обязательно имеет негативный оттенок. Можно же говорить: «в хорошем, в нормальном состоянии». Что касается организмической метафоры, то она традиционно прилагается к языку: лингвисты нередко смотрят на язык как на организм, который растет, развивается и т. п., может болеть и даже умирать (ср. термин «мертвые языки», «живые языки»).

«Медицинская метафора» нередко используется авторами, описывающими языковые проблемы. Например: «Физиология языка» (Галицке) «Клиника языка» (Териев), «Терапевтическая речь» (Лабов) и др.

III. Все три предлагаемые метафоры языка имеют право на существование, но с некоторыми оговорками. Так, «древесная» метафора не обязательно предполагает цикличность (в отношении языка, а не дерева). Язык вовсе не обязательно умирает. Увидание и гибель языка вовсе не связаны с его внутренней сущностью, но зависят только от его внешне-лингвистических факторов: гибели общества, в котором использовался данный язык.

Поэтому русский язык переживает нормальную стадию. Всякий язык находится в нормальной стадии, поскольку он адекватно обслуживает общество как средство общения. Нельзя абсолютизировать понятие прогресса языка. В языке не только появляются новые факты, но и отмирают целые пласты лексики в связи с изменениями в истории общества, а также не только обогащается, но и обедняется грамматический строй, в общем, изменяется.

«Игровая» метафора также нуждается в уточнении. Сравнение с шахматами для языка некорректное. Шахматы имеют дело с ограниченным набором фигур и правил ходов. Если изменяются фигуры и ходы, то получается иная игра. В языке все не так жестко. Могут изменяться грамматические правила, заменяться слова, но язык сохраняется до определенных пределов. Но, несомненно, многие носители языка имеют суженное представление о возможностях игры. Совершается много ошибок в игре. Французский лингвист А. Рей сказал по этому поводу: «Вообразим себе, что раньше в данную игру играли 1% населения, теперь - 40%. Можно ли сказать, что игра переживает кризис, если теперь средний игрок играет хуже, чем те, что входили в первоначальное небольшое количество?» Мне кажется, что это рассуждение применимо к использованию речи в публичных ее функциях, к письменной речи.

«Инструментальная» метафора также приемлема. Следует лишь учитывать, что в отличие от технического орудия язык - развивающаяся система, функционирование которой зависит от мышления, психологии. В аспекте всех трех метафор, особенно двух последних, можно говорить об ограничении количества используемых единиц, правил.

Интересна постановка вопроса о заражении языковой программы «вирусом». Действительно, и у нас, и за рубежом охотно пишут о заражении языка иностранными словами, жаргоном (например, молодежным или эковским) и т. п. Но это отражает реальную жизнь данного общества, и «вирусы» отбрасываются или обезвреживаются (то есть ассимилируются), система эволюционирует и адекватно обслуживает общество.

IV. Мне представляется, что все предлагаемые элементы вкладываются в понятие «состояние» языка, особенно первый и третий. Второй - это скорее отображение состояния в головах лингвистов.

V. Абсолютно согласен с тем, что состояние языка зависит от состояния общества. Но имеется и обратное влияние языковой практики на общество. Здесь лингвисты могут сделать многое. Нужно прежде всего лингвистически образовывать общество, и не только в плане примитив-

ной нормализации: говори так, а не так, хотя это тоже очень нужно, но в плане повышения общей языковой, филологической грамотности людей, привития и воспитания у них интереса к родной речи; может быть, это неуклюжая метафора, но хочется сказать, что язык – ворота к мышлению. развивая язык, человек развивает свою способность мыслить. В преодолении трудностей «состояния языка» большую роль играет литературная политика в данном обществе, научная политика и др.

Полностью присоединяюсь к тому, что сказано в разделе V. То, что считается «порчей» языка, нередко представляет собой подгонку его к новым условиям, а такая подгонка идет всегда, пока существует язык. Но все же важна культура речи и культура общения. Через культуру речи, культуру общения, культуру мышления лингвисты могут оказать благотворное воздействие на эволюцию общества в целом. Но они должны быть активнее, выйти в народ.

А. С. Герд,

доктор филологических наук

Что такое состояние языка? Это система языка в коллективном языковом сознании и тексты (устные и письменные), порождаемые в речевой деятельности. При этом следует различать первичные тексты – спонтанной речи, публицистические, художественные, деловые, научные, технические и т. п. и вторичные – словари, энциклопедии, рубрикаторы, классификаторы, стандарты, тексты внутрипроизводственной документации на заводах и фабриках (проект чертеж, нормативная документация, спецификации и др.). Сами тексты – явление речевой деятельности и в систему языка не входят, ибо порождены не ею, но тексты – всегда часть состояния языка. Реально на уровне наблюдения нам даны разные виды текстов, порождаемых в разных ситуациях; это и есть типы языковых состояний.

Особо следует выделить машинное состояние языка в виде машинных текстов (полнотекстовые базы данных, машинные словари АДИБС и АФИИС, грамматики и программы их обработки).

Именно изучение природы внутримашинного состояния языка наряду с первоописанием неизвестных языков, диалектов и поисков новых моделей представления данных о языке и будут определять в ближайшие 25–30 лет получение наиболее интересных результатов в области теоретического языкознания.

Санкт-Петербург

Продолжение следует

Язык перестройки или перестройка языка?

Деепричастие в условиях гласности

А. С. Петухов

Подъезжая к своей станции и глядя на природу в окно, у меня слетела ильина.

А. П. Чехов *Жалобная книга.*

В наше время возможность обращаться к огромной аудитории получили многие тысячи людей, не имеющих достаточных навыков или опыта работы со словом. Речь иных ораторов, язык публикаций и даже целых изданий нередко так же далеки от литературных норм, выпестованных писателями и строгими редакторами старой школы, как далек язык инструкции к дверному замку от языка романов, скажем, И. С. Тургенева. Всевозможные отклонения в речи, тиражируемые изо дня в день, безусловно, влекут за собой и изменения в языке, и очень скоро придет время пожирать плоды нынешнего посева. Как бы не оказались они слишком горькими.

Поверхностные изменения - в первую очередь в лексике - видны всем как поток заимствований (преимущественно из английского): *брифинг, презентация, клип* и т. д. В речевой среде специалистов по информационной технике число заимствований едва ли не превышает число русских слов. Повседневный произвол в постановке ударений изо дня в день чинит многочисленные наши витии: *эксперт, договор, нефтепробод* звучат тысячекратно. Но кроме этих внешних перемен уже сейчас заметны и другие, затрагивающие более глубокие уровни языка. Например, едва ли не каждый день профессионалы-журналисты, редакторы, дикторы плодят такие фразы и сочетания: «он имеет два высших образования», «на двух новых переговорах», «серийный выпуск уникального станка», «самый уникальный в мире прибор». Мы уже спокойно воспринимаем «информационное сообщение», не задумываясь о том, что других «сообщений» просто не бывает. Возможно, недалеко время, когда в русском языке станет одной степенью сравнения больше, чем сейчас, потому что на каждом шагу можно услышать «самый высший» или даже «самый высочайший».

Повытно, что при упорном многократном повторении перед многочисленной аудиторией подобные и иные новации быстро и иногда успешно внедряются в сознание и в речь, неизбежно проникают в язык. Думаю, большинство людей, причастных к работе со словом, разделит мое раздражение и озабоченность по поводу «языкового произвола», вершимого на наших

глазах. Война с ним пока обречена на поражение – слишком неравны силы. Да и до «чистоты» ли русского языка, когда в кровавые смуты перерастают политические баталии. Но все-таки, несмотря ни на что, нельзя не задуматься об охране «языковой среды». Жизнь заставила контролировать состояние природы. Не настало ли время регулярных или даже непрерывных наблюдений над «речевой средой»? Я думаю, языковедам пора уже не только наблюдать, но и прогнозировать ее «загрязнения», а главное – стараться при участии практиков (учителей, журналистов, редакторов, писателей) не допустить возможных катастрофических последствий такого «загрязнения».

Интересно, что уже сейчас можно обнаружить «неологизмы» даже в грамматической системе, которая неизмеримо более устойчива, нежели область орфоэпии или лексики. Однако и здесь динамика изменений может оказаться такова, что уже следующее за нами поколение заговорит на «новорусском языке».

В настоящей статье я хочу рассмотреть одно явление из области синтаксиса, где расшатывание старого канона уже не просто отчетливо видно, но вот-вот может стать литературной нормой. Речь пойдет о деепричастных оборотах.

Как известно, деепричастия используются в качестве синтаксических «расширителей» глаголов (в том числе и в форме инфинитива), а также отглагольных имен (*nomina actionis*). Сегменты, включающие в себя деепричастия (деепричастные обороты), представляют собой аналоги придаточных предложений, но несколько более компактные по сравнению с последними. Практически любой деепричастный оборот можно заменить придаточным предложением, но обратная замена возможна далеко не всегда. Вероятно, именно такие – неосознаваемые – попытки сделать обратную замену и становятся основным источником нарушения правильности. Попытаемся разобраться в них. Материалом разбора послужат выписки, собранные мной в течение нескольких лет при обычном повседневном чтении.

Немного следует сказать о понятии «неправильность». Само это понятие определить чрезвычайно трудно, хотя некоторые наметки в этом направлении сделаны и делаются. Мне представляется, что во многих случаях следует различать поверхностную неправильность, затрагивающую обычно лексическую сочетаемость, и нарушения более глубокого характера. Так, можно говорить о синтаксической неправильности в отличие от лексической. Например, Б. А. Успенский в свое время показал простейший способ снятия лексической неправильности с помощью кавычек (Успенский Б. А. Грамматическая правильность и понимание. – Проблемы моделирования языка. 3.1. Уч. зап. Тартуского ун-та, вып. 226. Тарту, 1969, С. 113–119). Ср.: *В доме появился козел* и *В доме появился «козел»*. Кавычки – это минимальный контекст или знак того, что слово использовано в переносном смысле. В «переносном» смысле употреблять какие-либо синтаксические нарушения можно лишь в особых условиях

(например, при пародировании), поэтому для святости синтаксической не-правильности кавычки неприменимы.

Таким образом, в элементарных случаях мы обязаны автоматически обеспечивать синтаксическую правильность (например, согласование существительных с прилагательными по роду, числу и падежу). В других случаях говорит уже о стилистических нарушениях, даже если смысл высказывания оказывается затемненным. Для пояснения приведу два примера. В предложении «...акробатикой можно заинтересовать только личным примером» (Учительская газета, 1989, 7 марта) смысл ясен, а в сочетании «коллективный поиск депутатов» (ЦТ, «Время», 1989, 16 сент.) непонятен смысл (кто кого искал?), но оба примера считаются стилистически некорректными.

Показать и доказать суть неправильностей, которые я условно назвал синтаксическими, значительно труднее, особенно единичные случаи. Именно поэтому, руководствуясь хотя бы собственной интуицией или языковым чутьем, мы обязаны подобрать серии примеров с «однородными» нарушениями, попытаться сформулировать сущность этих типов нарушений и уже тогда, может быть, перейти к единичным случаям.

Способное деепричастия, как я уже говорил, в том, что без него можно свободно обойтись в речи. Любое предложение с деепричастным оборотом преобразуется в другое высказывание без всякого видимого ущерба для смысла. Разумеется, во многих случаях в первую очередь в художественных текстах можно обнаружить более или менее тонкие различия между первыми и вторыми, но разъяснить их очень трудно. Поэтому приходится либо обращаться к постулату, по которому мы отвергаем абсолютную синонимию во всех областях языка, или ограничиться указанием, что в поэтическом тексте его создатель вынужден думать и о метрико-ритмической форме. Так, предложение «Зима! Крестьянин, торжествуя, На дровнях обновляет путь» без всякого ущерба для «смысла» может быть легко преобразовано: «Когда крестьянин на дровнях обновляет путь, он испытывает торжество». Разрушив пушкинскую строку, мы тем не менее получили правильное предложение и доказали: без деепричастий можно обойтись.

Зачем же тогда деепричастия? Очевидно, они позволяют несколько сократить, уплотнить высказывания, что, несомненно, повышает динамику речи и, вероятно, ее скорость. Именно поэтому в наше время общего повышения темпа жизни деепричастия стали очень употребительными вопреки утверждениям в пособиях по стилистике 15-20-летней давности. Тогда использование деепричастий считалось стилевым признаком книжной речи (см. например в кн.: М. Н. Кожина. *Стилистика русского языка*. М., 1977, С. 138-139). В последние годы, едва ли не совпавшие с «перестройкой», речь — и устная, и письменная — оказалась буквально напичкана деепричастиями.

Вот очень характерный, хотя пока еще и не ставший привычным пример. Текст статьи Г. Вайнштейна «Поезд без расписания» (Огонек,

1990. № 46. С. 2-3) насчитывает 148 предложений и 34 деепричастия. Иными словами, 23% предложений содержат деепричастия.

Повторю: данный текст не следует считать типичным: как раз обилием деепричастий он и привлекает внимание. Но, хотя статистически подтвердить или опровергнуть резко увеличившуюся частотность деепричастий пока нет возможности, можно уверенно утверждать, что еще десять лет назад отыскать подобный текст было бы просто немислимо. (Следует отметить, что в названной статье все без исключения деепричастия использованы безупречно, но все чаще и чаще попадаются случаи различных нарушений в их употреблении. Иногда – анекдотичные: (1) Но и враги не бездействовали. 3-го ноября 1921 года, перед годовщиной Октября, ночью, возвращаясь домой после долгого трудового дня по берегу канала, который носит его имя, бандиты убили Карла Крустейна (газета «Вперед» (г. Тарту), 1987. 21 янв.); (2) А простые обыватели ругаются: сахара нет, а тут еще, глядя на этих эстонцев, табак и алкоголь дорожают (Вечерний Таллинн. 1990. 11 авг.). Чаще встречаются гораздо менее явные или почти незаметные нарушения.

Не следует думать, что такие нарушения – удел «провинциалов». В моей подборке есть образчики «грехов» очень солидных изданий, где все материалы проходят через руки высококвалифицированных редакторов, а авторы – люди, профессионально владеющие языком. В подборке имеются и широко известные имена: Ф. Бурлацкий, Р. А. Медведев, Э. Рязанов, В. Коротич, Ю. Мориц, А. Солженицын. Не защищены от этого вируса и специальные филологические издания. Так, у меня есть пример из академического словаря русского языка (МАС), да и ваш журнал представлен в подборке (по мере разбора будут даны все упомянутые примеры с указанием источника).

Аномальное употребление деепричастий слишком просто было бы отнести к ошибкам, недосмотрам и огрехам. Я думаю, данное явление существует уже объективно, живет собственной жизнью и набирает силу, против которой уже не могут выстоять люди, по роду своей деятельности обязанные поддерживать современное состояние языковой нормы. Количественные изменения дают новое качество, и эффективно бороться с ним невозможно, руководствуясь лишь писаными и неписаными требованиями (или правилами) языковой литературной нормы. Но это не значит, что все следует отдать на волю стихии. Сдерживание нежелательных тенденций зависит в конце концов от всех, кто причастен к выпуску печатной и иной информационной продукции, а предотвращение произвольного и – главное – быстрого расшатывания языковой нормы успешно лишь тогда, когда мы хорошо понимаем, что такое норма и что собой представляют отклонения от нее: разрозненные это и изолированные друг от друга случаи, либо типовые.

Нормативное употребление деепричастия

Напролет болтал о Ромке Якобсоне
И смешно потел, стихи уча.

В Маяковский

Правило, давно ставшее каноническим, выглядит очень просто: «Субъект действий, называемых деепричастием и той глагольной формой, которую оно определяет, совпадает» (Русская грамматика. Т. I. С. 672). Исходя из этого правила, мы можем легко «вычислить» возможные отклонения; несовпадение субъектов, отсутствие одного из субъектов и, наконец, ложные субъекты. И, хотя нарушения мы «предсказали» чисто умозрительно, оказывается, именно они и характерны в практике.

Первый тип нарушений – «несовпадение субъектов» или иначе – в главном предложении и в деепричастном обороте представлены разные субъекты. Эпиграф данной статьи являет собой классический образец подобного нарушения. То же и в приведенных мной примерах (1) и (2).

Как видим, это очень сильное нарушение нормы, совершенно разрушительное для высказывания, именно поэтому встречается оно нечасто, а появление его обусловлено неизбежной спешкой в газетной работе. Например: (3) «Единокжды солгавши, кто тебе поверит» (Неделя. 1990. № 44). Особенно досадно, что эта фраза взята из заметки под рубрикой «Язык мой – друг мой», а ее автор – кандидат филологических наук – призывает к правильной речи.

Интересно, что подобный пример я нашел у Ф. М. Достоевского, но, во-первых, не в столь обнаженном виде, а во-вторых, фраза дана как цитата, якобы «из книжки екатерининских времен». А главное, контекст насыщен столь откровенной язвительной иронией, что у меня сомнений нет – Достоевский нарушает норму намеренно. Полагаю, что исследователи творчества великого писателя подтвердят мое мнение. Вот это предложение: «Однажды, присутствуя при пробуждении принца де Конде, сей последний сказал ему: „Отстранитесь, кавалер де Роган, ибо от вас весьма дурно пахнет“» (Ф. М. Достоевский. Зимние заметки о летних впечатлениях).

Еще один пример: «...в чем легко убедиться, обнародовав „секретный доклад Н. Хрущева“» (Ф. Бурлацкий. Какой социализм народу нужен // Лит. газета. 1988. 20 апреля). Понятно, что «убедиться» могут читатели, а «обнародуют» доклад совсем другие люди.

Второй тип нарушений. Отсутствие субъекта в предложении или деепричастном обороте. Строго говоря, с точки зрения здравого смысла у деепричастных оборотов субъект должен быть непременно, потому что деепричастие по природе своей «субъектно». Практика показывает, что это бывает не всегда. Например, весьма экстравагантно выглядят деепричастия «случаясь/случившись», «взрываясь/взорвись», «маринуясь», «командируясь». В этом легко убедиться: попытайтесь придумать такие правиль-

ые предложения, в которых можно было бы использовать данные деепричастия. Далее будут приведены примеры и с такими деепричастиями, но ко второму типу следует отнести преимущественно те предложения, в которых полноценного субъекта нет именно в главной части.

Типичные примеры предложений с отсутствующим или «слабыми» субъектами: «Не по себе становилось, читая эту книгу» (В. К. Молчанов в телепередаче «До и после полуночи» 28–29 июля. 1990); «Мне стало очень грустно, посмотрев этот сюжет» (то же, 25–26 марта. 1989); «Работая в США, в Техасском университете, довелось познакомиться с архивом А. Керенского» (Советская Россия. 1988. 21 мая). Явная аномальность предложений показывает, между прочим, что в безличных предложениях (типа «Мне не спится») «мне» – если и субъект, то весьма «слабый». В предложении же «Что случилось в междуречье Тигра и Евфрата, превратив Вавилон в руины?» (Век XX и мир. 1988. № 10) субъекта нет: ведь глагол «случается» как раз и употребляется именно тогда, когда «виновник» действия («субъект») неизвестен, а событие мы воспринимаем как произошедшее «само по себе».

Прежде чем перейти к последнему типу, приведем еще один пример, который к тому же свидетельствует об отсутствии резкой границы между вторым и третьим типами нарушений: «И актовый зал, и общежитие за последние годы не раз реставрировались, превратившись в современные постройки» (Известия. 1986. 2 окт.).

Третий тип нарушений. Основное его отличие заключается в том, что, если в предложениях второго типа отсутствовало «субъектное» подлежащее, то теперь перед нами предложения, у которых нет полноценного субъекта в деепричастных оборотах, потому что действие, называемое деепричастием, происходит «бессубъектно», стихийно. Сюда же я включил предложения, в которых деепричастия употребляются в сочетании с неактивными (в том числе и пассивными) конструкциями, а также предложения, где обнаружены оба названных здесь дефекта.

Примеры: «Интересно отметить, что один из вариантов проекта был опубликован во Франции, неведомо как попав туда» (Огонек. 1988. № 50); «Осмелившись выступить с критикой в адрес отдельных лженаучных исследований, ... молодой ученый был уволен» (Комс. правда. 1989. 23 марта); «А избраны (минуя пост кандидата в члены ЦК) чекисты В. А. Балицкий и Е. П. Евдокимов» (Р. Медведев. О Сталине и сталинщине // Знамя. 1989. № 2); «Это было время, когда, укрепляя монополию православной церкви, ересь и сектанство искоренялись более усердно, чем при Победоносцеве» (Л. Разгон. Непридуманное // Юность. 1989. № 2); «Разрушаясь, административная система, как подпорками, поддерживается ею же порожденными директивными литературой и искусством» (Известия. 1988. 9 янв.); «Не претендуя на большое теоретическое обобщение, книга ценна своим материалом» (Русская речь. 1975. № 2); «Появившись лишь мельком на страницах книги, они (герои) охарактеризованы со всей определенностью» (Огонек. 1990. № 44); «Картина создавалась в муках,

тигостно, преодолевая какое-то роковое сопротивление...» (Огонек. 1990, № 36); «Да, они бесконечно лгали, годами маринуясь в атмосфере тотального вранья...» (Комс. правда. 1990. 14 ноября).

Мы видим, сравнивая примеры всех трех представленных групп, что самые сильные отступления от литературной нормы, доходящие до нелепостей, содержатся в первой группе. При демонстрации их коллегам по работе и знакомым реакция была вполне адекватной: нарушения воспринимались как грубые.

Вторая группа примеров при предъявлении в разных аудиториях получала иные оценки: «ничего страшного», «вполне допустимо». Основной же довод — «не совсем хорошо сказано, но все понятно, смысл не нарушен».

Третья группа примеров тоже выявила некоторые отличия при оценке: часть «экспертов» не замечала аномалий, другие впадали в сомнение, третьи утверждали, что предложения «вполне нормальны» или «немного корявы». Замечу также, что и в моей небольшой коллекции примеры третьей группы преобладают; меньше всего нарушений первого типа (самых грубых).

Из всего сказанного можно сделать определенные обобщающие выводы и даже высказать прогноз.

Широкое использование деепричастных оборотов приняло массовый характер. Причины: повышение общего образовательного уровня обусловило появление массы людей, для которых работа с книгой стала повседневным делом. Особенности книжной речи стали интенсивнее проникать в устную бытовую речь. Люди, имеющие небольшие навыки работы со словом, интуитивно ощущают этот процесс, и, невольно, подстраиваясь к нему, практически осваивают «модные» слова, обороты, конструкции. Главная же причина популярности и «всемирного признания» деепричастных оборотов — их большая краткость по сравнению с придаточными предложениями.

Многочратно возросшее количество деепричастий с неизбежностью влечет рост нарушений в их употреблении (по закону больших чисел)

Перспективы и прогноз.

Они естественно вытекают из наблюдений. Нет оснований надеяться, что завтра вдруг минует «мода» на деепричастия. Следовательно, число ошибок возрастет, а тиражирование их через прессу, радио и телевидение усилит расшатывание прежней языковой нормы. Процесс расшатывания пойдет лавинообразно, и со временем некоторые типы, воспринимаемые сейчас как аномальные, станут литературной нормой. В обстановке разразившегося информационного взрыва для этого понадобится не более 10 лет. Сначала будут признаны конструкции 3-го типа, затем 2-го, а потом, видимо, и некоторые разновидности 1-го, вероятнее всего, те из них, где в качестве основного компонента выступает не глагол, а инфинитив или отглагольное существительное — там аномалии менее заметны.

Видел ли Карамзин гробницу графа д'Аркура?

А. С. Елизаров

«Письма русского путешественника» Николая Михайловича Карамзина — произведение во многих отношениях загадочное, и загадки начинаются уже с самого названия. В самом деле, зачем было Карамзину, мистифицируя читателей, уверять их в том, что «Письма русского путешественника» — это собрание реальных писем? С подсказки Карамзина назывался и «адресат» этих писем — семейство Плещеевых. И долгое время читатели были уверены в искренности заверений автора. Голько в конце XIX века профессор В. В. Синовский доказал, что никаких писем Плещеевым не существовало, а свое произведение Карамзин создавал в Москве уже после возвращения из путешествия. В. В. Синовский установил и целый ряд источников (путеводителей, описаний), которыми пользовался Карамзин, создавая текст «Писем».

Далее. Для чего понадобилось Карамзину указывать в письмах вымышленные даты? В то время как реальный путешественник — Николай Михайлович Карамзин — уже находился в Петербурге, литературный Путешественник осматривал достопримечательности Лондона. Почему Карамзин в своих «Письмах» описывает порой то, чего он не видел, и, наоборот, ни слова не говорит о том, свидетелем чего он, безусловно, был? Разгадать эти загадки сложно. И определить, что из описанного Карамзином в самом деле видел, было бы практически невозможно, если бы не... ошибки.

Исследователи текста «Писем русского путешественника» обратили внимание на несколько вызывающих недоумение эпизодов. Например, отрывок из письма, озаглавленного «Дувр»: «Я сел отдыхать на вершине горы, и великолепный вид представился глазам моим. С одной стороны вся Кентская провинция с городами и деревнями, рощами и полями; а с другой бесконечное море, в которое погружалось солнце, и где пестрели разноцветные флаги; где белелись парусы и миллионы пенистых валов» (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 328; курсив мой. — А. Е.). Ю. М. Лотман, комментируя этот эпизод, пишет: «Характерный пример литературного пейзажа, выдаваемого за личное впечатление: со скал Дувра Карамзин не мог видеть закат солнца, погружающегося в море, так как Ла-Манш простирается на восток от Дувра, а на запад от него расположена зеленая равнина юго-восточной Англии, а не море» (Карамзин Н. М. Письма... С. 669).

Другой пример. Описывая виденный им в Виндзорском дворце портрет Петра I, Карамзин замечает: «это Марс в Преображенском мундире». Но на этом портрете, написанном Готфридом Кнеллером, Петр изображен не в преображенском мундире, а в рыцарских латах. Принять латы за преображенский мундир отставной поручик лейб-гвардии Преображенского полка Николай Михайлович Карамзин мог только в том случае, если портрета не видел.

Но на страницах «Писем русского путешественника» встречаются и неточности иного рода. Они не бросаются в глаза, но заставляют о многом задуматься.

Вот описание гробницы графа д'Аркура работы скульптора Пигалы. «Ангел, — пишет Н. М. Карамзин, — одною рукою снимает камень с могилы д'Аркура, а другою держит светильник, чтобы снова воспламенить в нем искру жизни. Супруг, оживленный благотворною теплою, хочет встать, и слабую руку простирает к милой супруге, которая бросается в его объятия. Но смерть неумолима стоит за д'Аркуром, указывает на свой песок, и дает знать, что время жизни прошло! Ангел гасит светильник...» (Карамзин Н. М. Письма... С. 281). Описание гробницы графа д'Аркура Карамзин, как это установил В. В. Синовский (См.: Синовский В. В. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899. С. 304), заимствовал из книги Дюлора «Nouvel description des curiosités de Paris» (Paris, 1785). Причем описание Карамзина — это практически дословный перевод соответствующего места из книги Дюлора, хотя Карамзин усиливает поэтичность описания и с этой целью, например, вводит в текст перифразу «воспламенить... искру жизни».

Но, пожалуй, более интересны заключительная часть описания (то место, где Карамзин говорит о смерти, стоящей за д'Аркуром) и фраза, следующая непосредственно за описанием, где Путешественник выражает свое восхищение работой скульптора: «...никогда резец Пигалев не действовал на мое чувство так сильно, как в сем трогательном, меланхолическом представлении. Я уверен, что сердце его участвовало в работе»

(Карамзин Н. М. Письма... С. 281). Нетрудно заметить, что, выражая свое восхищение работой Пигалья, Карамзин как бы выступает в роли очевидца события, стремится создать у читателей иллюзию, что и они испытали бы те же чувства, доведись им увидеть гробницу графа д'Аркура. Между тем есть основание считать все это литературной мистификацией.

Дело в том, что, заимствуя из книги Дюлора описание гробницы графа д'Аркура и внося некоторые изменения в текст описания, Карамзин при переводе французского текста допустил одну существенную неточность. У Карамзина читаем: «Но смерть неумолима стоит за д'Аркуром, указывает на свой *песок*, и дает знать, что время жизни прошло! Ангел гасит свечильник...» Не совсем понятно, что имел в виду Карамзин, написав «указывает на свой *песок*»? Обратимся к тексту Дюлора. У него также присутствует слово «песок» («sable»). Однако в то время слово *sable* имело еще и значение «песочные часы». Во всяком случае, это значение зафиксировано в четвертом (1762) и в пятом (1798) изданиях Словаря Французской Академии. Дюлор, по всей вероятности, употребляя слово *sable*, имел в виду именно *песочные часы*. В этом нас убеждает и фотография гробницы графа д'Аркура, помещенная в краткой художественной энциклопедии «Искусство стран и народов мира» (М., 1981. Т. 5. С. 108). Здесь ясно видно, что смерть держит в правой руке *песочные часы*.

Кроме того, если верить фотографическому изображению, граф д'Аркур «слабую руку к милой супруге» не простирает (вопреки тому, что утверждает Дюлор, а вслед за ним и Карамзин). Любопытно, что это не единственная и не самая серьезная ошибка автора путеводителя. Именно Дюлор приписал Людовику XIV фразу «Государство – это я!», заявив при этом, что король произнес это на заседании парламента в 1655 году. Впоследствии, когда был опубликован протокол упомянутого заседания, выяснилось, что Людовик XIV этой фразы не произносил.

Можно, конечно, допустить, что в данном случае мы имеем дело с попыткой Карамзина мистифицировать читателей – описать то, чего он, скорее всего, никогда не видел. Но, возможно, однако, и другое объяснение.

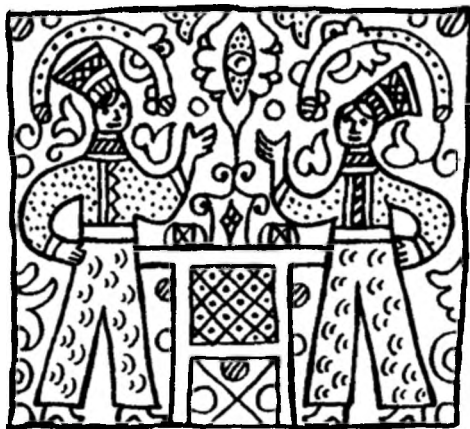
Говоря об этой неточности, следует иметь в виду, что текст «Писем» создавался на протяжении 10 лет. Карамзин начал публиковать свое произведение в 1791 году в «Московском журнале», а полностью «Письма» читатели смогли получить лишь в 1801 году (при этом текст парижской части был, вероятно, сильно переработан). Но Карамзин не прекращал работы над «Письмами» практически до конца своей жизни. Готовя их к каждому новому изданию (а последнее прижизненное издание сочинений Карамзина вышло в свет в 1820 году), Карамзин вносил изменения в текст своего произведения.

Говоря о неточностях и ошибках, едва ли следует связывать их с невнимательностью или рассеянностью автора. С другой стороны, необходимо учитывать и то обстоятельство, что почти все ошибки встречаются в парижских письмах и письмах из Англии. Именно парижская часть

«Писем» подверглась, по всей вероятности, самой серьезной переработке. Первоначальный текст этой части до нас не дошел. Но о его содержании мы можем судить по изложению «Писем русского путешественника», которое было включено в статью Карамзина «Письмо в „Зритель“ о русской литературе» (опубликована в 1797 году в № 10 выходявшего в Гамбурге на французском языке журнала «Северный зритель») (См.: Карамзин Н. М. Письма... С. 449–456).

Второй вариант парижской части создавался, вероятно, уже после 1797 года. Полагаем, что Карамзин, работая над новым вариантом текста, вынужден был отказаться от значительной части написанного и заменить ее чем-то иным. Но к тому времени личные впечатления от увиденного во время путешествия в значительной степени стерлись. Освежить их можно было лишь одним способом (если, конечно, исключить возможность нового путешествия) – обратиться к путеводителям. Что Карамзин и сделал. Но плохо помня детали описываемой скульптурной композиции (попробуйте вспомнить детали того, что видели 7 с лишним лет назад!), Карамзин переводит слово «sable» словом «песок» (поскольку это его основное значение) и не замечает ошибки, допущенной Дюлором при описании гробницы.

«Риторическое искусство» в Древней Руси

В. И. Аннушкин,

кандидат филологических наук

С введением христианской религии на Русь пришла и новая этика, новая нравственная философия. Христианство вводило принципиально новые отношения между людьми, а поскольку человек более всего проявляется в его речи, то анализ речевых правил необходимо не только соотнести с этикой, но этику положить в основу разработки учения о правилах речи. Из анализа религиозных текстов Древней Руси выводится перечень правил религиозной этики речи. При этом обнаружатся запреты на определенные действия, эмоции, внутренние качества человека, речевые проявления. К ним относятся ложь, осуждение, укоризна, самовозвеличивание, словесная смута, гнев, зависть, гордость, высмеивание чужих пороков при бесчисленных своих...

Положительные наставления, переплетенные с запретами на отрицательные качества и поступки (включая правила речевой этики), встречались очень часто в сочинениях Древней Руси. Вот пример из беседы о смиреномудрии Василия Великого: «Да не будет у тебя софистических прикрас в слове... речей горделивых и решительных, но во всем отсекай величавость. Будь добр к другу, кроток со слугою, не памятозлобив на держках, человеколюбив к смиренным, утешай злосчастных, посещай больных и злующих, совершенно никого не презирай, приветствуй с приятностью, отвечай со светлым лицом, ко всем будь благосклонен, доступен, не чувствуйся в похвалы самому себе, не вынуждай и других говорить о тебе, прикрывай, сколько можно, свои преимущества, а в грехах сам себя об-

винный и не жди обличения от других. Не будь тяжел в выговорах, обличай не скоро и не со страстным движением, ибо это — признак высокомерия; не осуждай за маловажное, как будто сам ты строгий праведник...» (Творения Василия Великого. М., 1846. Т. 8. Ч. 4. С. 61).

Это, как сказали бы мы сегодня, программа речевого поведения и одновременно речевого воспитания, ибо рекомендуемые действия имеют отношение или прямо к речи («утешай», «приветствуй», «отвечай», «не пускайся в похвалы» и т. д.), или к созданию образа говорящего, поскольку называют качества человека (будь «добр», «кроток», «не памятозлюбив», «человеколюбив») и предполагают определенный характер речи.

Вне всякого сомнения, отголоски этих поучений мы находим во многих произведениях Древней Руси, причем создатели последних подражали «образцовым» текстам (Священное Писание, творения отцов церкви) не только в мыслях, но и в словах, стиле своих сочинений. Столь популярный на Руси «Домострой», написанный в середине XVI века Сильвестром, духовником Ивана Грозного, дает сходные наставления в главе «Наказ мужу, и жене, и работникам, и детям, как подобает им жить»: «... не лгать, не клеветать, не завидовать, не обижать, не наушничать... не осуждать... не высмеивать, не помнить зла, ни на кого не гневаться, к старшим быть послушным и покорным, к средним — дружесколюбным, к младшим и убогим — приветливым и милостивым, всякое дело править без волокиты и особенно не обижать в оплате работника, всякую же обиду с благодарностью претерпеть ради бога» и т. д.

До XVII века мы не имеем сведений о существовании в Руси учебников риторики. Впрочем, их отсутствие еще не говорит о незнании самой науки — скорее, напротив, начиная с самых ранних рукописных сборников встречаются слова «ритор», «ритория», «ветий» (оратор), «ветийство», «глаголание» и проч. Риторические знания входили на Русь вместе с сочинениями христианско-византийской учености. В Изборнике 1073 года в «начале притчам» Василия Великого осуждаются те, кто, «презрев слова божественного учения, ветийское и хитрое изобретение упраздни» (Изборник 1073 г. СПб., 1880. Л. 203). «Изобретение» — основной термин риторики, означающий создание замысла и содержания речи, а «хитрое» — «относящееся к искусству, мудрости, творчеству».

В том же Изборнике 1073 года имеется статья византийского грамматика Георгия Хировоска «О образех» с перечнем основных тропов и фигур речи. В ней объясняются аллюгория («инословие»), метафора («превод»), катакреза («нанотребие», «неправильное» употребление метафор типа «громкие слезы»), металенсия («приятие» — замена предшествующего последующим, например, вместо слова «смерть» — «гроб») и т. д. Это в сущности единственное теоретическое сочинение по риторике, а точнее, лишь отрывок из одной ее части — стилистики.

Т. В. Буланина утверждает, что перевод трактата «О образех» не привлек внимания древнерусских и южнославянских писателей, поскольку не удалось обнаружить его влияния на оригинальные памятники

Древней Руси (Булангина Т. В. Риторика в Древней Руси. Сведения о теории красноречия в русской письменности XI–XVI веков. Л., 1985. С. 13) Такой единичный фрагмент и не мог сформировать целостного представления о риторике как науке. Тем не менее известность риторики, или «ветийства», как науки не вызывает сомнения прежде всего потому, что слова «ритор», «ритория», «ветий» (оратор), «ветийство», «глаголанье» встречаются во многих древнерусских сочинениях с XI по XVI век. Существует множество свидетельств, оценивающих силу ораторской речи: о Григории Богослове (также один из отцов церкви) в том же Изборнике сказано: «Кто ветийством таков, будто огнем душил»; в «Житии Даниила Пермского» XVI века утверждается дидактическая польза «ветийства»: «ветийствуя, разуму навывше». Древнерусский святой, согласно житийному канону, должен был изучить риторику как одну из «внешних мудростей» (это общее место в биографии святого, к сожалению, не подтверждено историческими свидетельствами об организации такого обучения). Но даже при отсутствии «теоретической» риторики авторитет этой науки освящался указанием на почитаемых святых: в «Житии Феодора, игумена Студийского» (XIII в.) сказано о прохождении им «риторики»; в «Житии Стефана Пермского» (после 1396 года) указано: «Еллином же достая грамотикия и риторикия».

Можно было бы привести еще множество примеров в подтверждение знания риторики в Древней Руси, но сейчас важно отметить, что та двойственность отношения к риторике (с одной стороны - «краснобайство» и пустословие, с другой - искусство убедительно и красиво говорить), которую можно обнаружить и у античных философов, и в современном газетном тексте, вполне свойственна и книжникам Древней Руси. Вспомним хотя бы протопопа Аввакума, который «виршами философскими не обык речь красить» и «не брежет о красноречии», но очевидно, что у «неистового протопопа» своя риторика или представление о том, как строить убедительную речь: не украшением и извитием словес, а смешением стилей возвышенного (цитаты из Священного Писания) и просторечно-ругательного, разговорным синтаксисом, в яркости же риторических эмоций («основания красноречия суть страсти») протопопу Аввакуму просто нет равных в XVII веке.

Аввакума вполне можно уподобить иному современному ученому лингвисту или политическому оратору, которые будут утверждать, что «никакой риторики нет и быть не может», не задумываясь над тем, что любое доказательство или убеждение строится только на риторическом основании.

Обращу внимание на то, что возможность использования науки или искусства убеждать во зло вполне осознавалась теоретиками позднейшего красноречия. Так, в «Старообрядческой риторике» конца XVII века риторика сравнивается с «мечом», который может и «служить к несправедливому убиению», и быть «искусным художеством» (цит. по рукописи: ГБЛ, Ф. 17, № 314, л. 1. об.). Еще ранее в «Пчеле» риторика и восхва-

ляется (Аристид: «риторию учу, а не золото люблю»; Демосфен, изучая риторику, «склочил масла более вина»), и допускается ее осуждение (Диоген: «риторы учатся законной речи глаголаты, сами же при судиши скривляют поборением»; см.: Семенов В. С. Древняя русская пчела по пергаментному списку. СПб., 1893. С. 135, 154).

Риторика в Древней Руси рассматривалась как «высшая» наука, привержие ученые греки восхвалялись за знание не только грамматического, но и «риторического художества». Обучение риторическим правилам происходило на основе знания классических образцов красноречия, путем подражания, которое понималось, конечно, не как слепое копирование, а творческое заимствование предшествующего литературного опыта. Ораггорская практика Древней Руси показывает прекрасную риторическую подготовку, сведения о которой пока крайне скудны. Один из способов сбора этих сведений – реконструкция риторико-педагогической теории из риторической практики произнесения речей и писания сочинений. Эта практика позволяет восстановить, каковы были требования, скажем, к христианскому проповеднику в произнесении «слов»-проповедей.

Очевидно, что эти требования предполагали определенное образование ритора, его умонастроение, состоящее в следовании христианским канонам, знании Священного Писания, сочинений отцов церкви – «образцовых авторов» и ферм ориентацию на эти тексты (как и на эту философию) стремление формировать собственный образ оратора.

Вот Кирилл Туровский, проповедник второй половины XII века, говорит «Слово в новую неделю по пасце» и всю речь строит на сквозном сравнении пробуждающейся и обновляющейся природы с «церковью Христовой», обновившей и преобразившей мир. Сравнение постоянно усиливается и разнообразится апафорой «ныне» или «днесь», начинающей каждый период речи: «ныне солнце красуясь к высоте восходит и радуясь землю огревает», подобно «праведному солнцу Христу»; «весна» – «вера Христова», «новорождаемая агньцы и пастыри» – «кроткие язычници и учителя Христова стада»; язычници уюодобляются «древам дубравным», прежде не имевшим плода, а ныне «как цветы, добродетели пуцающим». Замечательна метафора об учительных функциях проповедника, действующего и воспитывающего словом: «Ныне ратаи слова, словесны уньца (ягнята) к духовному ярму приводище, и крестное рало (плуг) в мысленных браздах погружающе, и бразду покаяния прочертающе, семя духовное всыпающе, надежами будущих благ веселятся» (Древняя русская литература. Хрестоматия. Сост. Н. И. Прокофьев. М., 1980. С. 72–73).

Поучения Сераниона Владимирского, напротив, созданы в трагическую минуту русской истории – середине XIII века. Они обращены к самому сердцу слушателей, картина татарского нашествия и разорения русской земли предстает как наказание за грехи и раздор, от которых не хотит «отвратиться» его «чада»: «если кто из вас разбойник, разбой не оставит; если кто крадет, татьбы не оставит; если кто ненависть на

друга имеет, враждую не почивает; если кто обидит и всхватает, грабы не насытятся... (и далее вновь — о «злых» пороках, касающихся, если читатель заметит, прежде всего этики речевых отношений) зависть умножилась, злоба превозмогла нас, величание вознесло ум наш, ненависть на других вселилась в сердца наши» (Древняя русская литература. С. 124).

Да не покажется современному читателю чрезмерно сложной метафорика и «плетение» словесных фигур — в этом как раз и состояло искусство ораторской речи. Воспитание же оратора (как в прошлом, так и в настоящем) состояло и состоит в анализе «образцовых» текстов и «подражании авторам, в красноречии славным» (Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Полн. собр. соч. М.— Л., 1952. С. 94).

Чтобы ответить на вопрос, «каков был образ речи (да и образ человека) в Древней Руси?» — пришлось бы обратиться ко множеству сочинений, поэтому воспользуемся лишь фрагментом реконструкции правил речевого поведения и отношения к слову древних русичей. Сборники «Пчела» содержали множество изречений о житейской мудрости и добродетели — почти половина из них может быть отнесена к правилам практической риторики, то есть нормам речевого поведения, записанным в афоризмах и сентенциях античных и христианских авторов. Вот лишь часть этих правил:

- предпочти говорение слушанию («Апостол рече: будь всяк человек скор на послушание, а ленив на глаголение»);
- умей выбрать правильную аудиторию или собеседника, понимай, что кому можно сказать («Соломон рече: во уши безумного ничто же не глаголи, егда похулит мудрые твои словеса»);
- не празднословь, запрети себе говорить «пустые» речи («Пифагор: удобнее камень всуе пустити, нежели слово праздно»);
- воспитывай не столько словом, сколько личностью и «делами», примером «доброго жития» («Уча учи нравом, а не словом; кто словом мудр, а дела его несовершенны, тот хром есть»; «учитель нравом да покорит ученика, а не словом»);
- человек выявляется и просвечивается его речью («Фотий: слово подобно зеркалу, как тем образ телесный и личный является, также и беседою душевный образ выражается...»);
- правильная жизнь в слове делает человека благополучным («Слово как благим житьем одевает душу образом... ласточки тишину проповедают весеннюю, а мудрые слова — беспечалие»);
- в правильном действии словом — оружие и защита человека («То его знаменье, то же его град, то же его сила, то же и стена»).

Описанные правила составляют фрагмент общей риторики Древней Руси или общих правил речевого поведения. Фрагменты частной риторики или описания правил для отдельных видов речей надо искать в конкретных сочинениях. Так, цитированный выше «Домострой» регламентировал правила речевого поведения в быту. Современный читатель имеет воз-

возможность сравнить их с советами наших научно-популярных книг о вежливости, речевом этикете и пр. Вот каковы «домостроевские» советы же нам относительно их «речевого поведения»:

«...А в гости ходить и к себе звать, общаться (разрядка моя. В. А.), с кем велит муж (выбор собеседников) ... А с гостями беседовать о рукоделии и домашнем строении; как порядок навести и какое рукоделие как делать (регламентируется тема речи). Или у себя во дворе, у какой гостьи, услышав добрую пословицу: как добрые жены живут, и как порядок наводят, и как дома свои устраивают, и как детей и слуг учат, и как мужей своих слушают, и как с ними советуются, и как повинуются им во всем – всему тому прилежно внимать; а чего хорошего не знают, о том спрашивать вежливо. С такими-то добрыми женами прилежно сходиться: не ради еды и питья, а для доброй ради беседы и для науки; да внимать впрок себе, а не пересмеиваться и ни о ком не переговаривать; а спросят, о чем, про кого и когда и начнут ум испытывать, то отвечать: «Не ведаю я ничего того, и не слыхала, и не знаю; и сама о ненадобном не спрашиваю, ни о княжнах, ни о боярынях, ни о соседях не пересужаю» (Домострой // Пламенное слово. М., 1978. С. 229–230).

Какой риторический урок можно извлечь из этих «старых» советов? Норма бытовой риторики, речевого этикета Древней Руси многими своими сторонами проявляется и сегодня. Мы не копируем (это было бы смешно) эти правила, но сравниваем, сопоставляем, чувствуем, что современный диалог содержательнее и богаче – в то же время как раз подобных «простых» правил и рекомендаций подчас не хватает современному человеку.

Очевидно и то, что продолжение и развитие культурно-речевых традиций можно основать лишь на знании «старых» правил и текстов, в изучении которых мы черпаем вдохновение для нового творчества.

О моде, поясе и солнце

Л. Г. Коротенко

Как изменчива и своеправна мода! Желая быть элегантными, современными, мы торопимся найти свой образ, неповторимый, модный, изящный; мы примериваем классический костюм со строгими прямыми линиями, романтические легкие платья с рюшами, юбки, блузки, шляпки *ретро*, одежду в народном стиле. А вот в старину женщина не задавалась вопросом, надевать или нет головной убор; не спрашивала, как украсить свой наряд, какого цвета надеть платье на свадьбу или праздник. Народные представления предписывали для каждого конкретного случая свой определенный тип одежды. По костюму можно было узнать, просватана девушка или нет, замужем ли женщина, есть ли у нее дети, молода она или стара. Переход в жизни женщины от одного состояния к другому: от детства к совершеннолетию, от девичества к замужеству, к материнству, а затем и старость — все это влекло за собой обязательную перемену в костюме, и не просто переодевание, а строгое соблюдение целого обряда.

Так, в бывших великорусских губерниях молодые девушки ходили в одних только длинных рубахах, опоясанных красным пояском. Когда же им исполнялось 15—16 лет, в день именин или же в день «сватования» совершался обряд надевания *повевы* — так называлась старинная юбка. Мать девушки держала попеву, приговаривая: «Вскочи, дитятко, вскочи, милое!». Девушка, расхаживая по лавке, утверждая свою самостоятельность, отвечала: «Хочу — вскочу, хочу — нет». Если она, прыгнув с лавки, «вскакивала» в попеву, это означало, что она теперь — невеста и жених могут за нее свататься. Если же она промахивалась, сватовство откладывалось до следующего года. Не отсюда ли пошло хорошо известное нам выражение «выскочить замуж»?

Молодые девушки ходили с непокрытой головой, но украшали себя лентами, цветами. В бывшей Владимирской губернии только совершеннолетние девушки вставляли ленту в косу, девичьи же, не достигшие совершеннолетия, носили *костик* — своеобразную кисточку из бисера с завязками. В бывших губерниях Русского Севера просватанные девушки долж

ны были уже прятать волосы под специальный головной убор — «колпак», «честный колпак», или добавлять к своему девичьему головному убору («повязке», «перевязке», «кружку») специальную деталь — «темицк», «на темицк» (носят на темени), сообщающую каждому встречному о скорой свадьбе.

На свадьбе же совершался обряд переодевания невесты-девушки в женский свадебный костюм. Невеста прощалась со своими родителями, плакала и причитала, размахивая по полу и вокруг головы длинными рукавами (до 100 см каждый) свадебной рубахи — «плакальни», «махан ки» (в Архангельской и Олонецкой губерниях), на голове у горько причитавшей невесты был платок — «ревуи», «плачя».

Особой торжественностью и значительностью отличался свадебный обряд «завивания», «повиванья», «покрывания», или «окручения» невесты: девичью прическу меняли на женскую (обычно две косы на одну) и убирали волосы под сложный головной убор, предварительно «завив», «накрутив» их на какую-либо твердую основу. С этого момента невеста отдавна, возврата к прежней ступени жизни, к прежней возрастной группе нет, она «окручена», дело сделано. С этим старинным обрядом, вероятно, и связан фразеологизм «окрутить кого-либо», то есть поставить в безвыходное положение, обмануть. Теперь до конца жизни волосы женщины должны быть спрятаны. Это связано с поверьем, что «открытые волосы замужней женщины ведут к бедствию», привлекают нечистую силу. Показаться людям с открытыми волосами — значит опозориться, «опростоволоситься».

Интересно, что женские головные уборы восточных славян, в зависимости от территории бытования, могли делаться из разных материалов, состоять из многих разнообразных деталей, иметь различные названия («кокошник», «кичка», «сорока», «повойник», «закрутка» и др.), но все они должны были быть рогатыми, имитировать форму рогов. Это, как думали, оберегало мать (и ребенка) от нечистой силы и злого глаза, способствовало благополучию и плодовитости. Так, древнейший вид кокошника имел два рога, соединенных сверху горизонтально лежащим «князьком», что образовывало собой своеобразный гребень — как у петуха или курицы. И само слово «кокошник» — производное от русского «кокошь» — курица, петух.

Следующий важный этап в жизни женщины — рождение ребенка «Материнский» костюм был оригинален и не повторялся в других возрастных группах. Так, кокошник сменялся повоишником; в Рязанской губернии сарафан меняли на поневу. В Калужской, Тверской, Рязанской губерниях, пока женщина не становилась тещей или свекровью, на праздниках она носила поневу «с хвостом» — прямоугольным полотном, прикрепившимся сзади к поневе, а в некоторых селах Тульской губернии — поневу с бубенцами.

Старушечья одежда имела меньше украшений, была синего и черного (местами — белого) цвета. Так, в Воронежской губернии взрослые девушки и молодые женщины носили рубаху с красными «пелюками» (своеобразная

кокетка), а девочки и старухи надевали белые «пельки». О состарившейся женщине говорили: «Она перестала красные пельки носить». Женскую *рогатую* кичку сменяла старушечья *безрогая*. В отличие от женского головного убора *очелье* старушечьей *сороки* оставалось белым, не вышитым.

Цвет одежды имел свое особенное значение. Красные сарафаны (север России) или поневы (юг России) надевали на свадьбу или носили только молодые женщины по праздникам. Красный цвет — символ силы, молодости, красоты. Пожилые женщины надевали синюю или черную одежду. Вишневую ленту носили в некоторых местах Полесья просватанные девушки.

Особым цветом, очень сдержанной вышивкой отмечались печальные, траурные одежды. «Печальные», «горемычные», «вдовьи» головные уборы (они так и назывались) были обычно белого цвета. Поясная и плечевая печальная одежда — синего. «Повалите меня в синяке» — значит «похороните меня в сарафане синего цвета».

Интересно, что белый цвет в древних представлениях часто связывался с обозначением нечистой силы. Белый цвет осмыслялся как цвет потусторонних существ. Так, в деревнях Полесья, например, и сейчас рассказывают о нечистой силе *белого* цвета: русалках в *белых* домотканых одеждах с распущенными *белыми* волосами, *беленьком* козлике в *белом* колпачке, *белой* копе, которая «наезжает» на людей, *белом* домовике, *беленьком* котике, для нейтрализации вредных действий которого в хату пускали черного кота.

Белый цвет — основной для старинной холщовой *рубахи туникообразного* покроя, надеваемой во время обрядов *опахивания* (то есть запашки вокруг) села при падеже скота и других бедствиях, первого засеивания поля, первого покоса, дожинок, свадьбы, похорон, при *ряжениях*. Женщины наряжались в украшенные *рубахи*, которые так и назывались — «*покосница*», «*пожнивная*». Рубаха, в которой ходили каждый день, называлась «*тожалою*», в праздники — «*посвяток*», «*добрая*»; в «*последней*», «*печальной*», «*горемычной*» рубахе клали в гроб.

Возраст женщины можно было определить и по способу *украшения* подола рубахи. Девушки носили рубахи с вышивкой по всему подолу, ибо сорочка у девушек ничем не прикрывалась. Женские рубахи украшались по подолу лишь спереди — там, где они были видны между полотнищами распашных понев. В одежде старых женщин подола вообще не украшались.

Итак, мы видим, что для каждого возраста, каждого торжественного случая, праздников, будней предназначался особый костюм, который имел свой строго определенный смысл, позволяющий человеку органично войти в окружающий мир, гармонизировать с ним. Ведь все, к чему прикасались наши предки, к чему они прилагали свое творчество, умение, с чем сталкивались в повседневном быту: устройство дома, изготовление утвари, сельскохозяйственных орудий, сев, жатва, охота, изготовление одежды, печение хлеба и так далее — все являлось непрерывным отражением пред-

ставлений людей о мире: небе и земле, черном и белом, жизни и смерти, о добрых и злых существах, живущих рядом с человеком в доме, хлеву, в колоде и на огороде, в болоте и в лесу.

Так, народное сознание донесло до нас свое, особое представление и об одежде. Одежные наших предков – это не просто специальным образом скроенный кусок материи, а костюм, который должен оберегать человека от порчи, сглаза, козней ведьм, домовых и прочей нечистой силы. Все эти существа ирреального мира, известные нам по страшным завораживающим сказкам для доброго и мудрого нашего предка были реальными, живущими с ним бок о бок врагами или друзьями, шалунами и проказниками.

Так, чтобы не подвергаться действию вредного глаза соседки или плохого настроения домовика, человек носил одежду, подпоясанную красным *поясом-оберегом*: уж очень не любит нечистая сила круг (ведь пояс *кругом* человека опоясывает), да еще красного цвета. А случись, корова захворает, так и ей от порчи пояс на рога повесят. «Спасательный пояс» ткали сами из красной нитки и очень им дорожили. В некоторых местах был обычай ткать этот пояс молча, в течение одного вечера. Существовало поверье, что пояс надо постоянно носить на голом теле и не снимать его даже в бане. А, может быть, и тем более в бане, поскольку издавна считалась она прибежищем нечистой силы.

О парализующем действии пояса на нечистую силу можно прочитать в древнерусском сказании «Чудо Георгия о Змие»: очередная жертва кровожадного Змея, царевна Елисава, по совету Георгия, сняла с себя пояс и обвязала его вокруг шеи чудовища, и заклятый Змей покорно пошел за царевной в город, где и был поражен Георгием. После этого чуда горожане обратились в христианство.

Обыкновенный пояс, свившийся гибкой змейкой на полке нашего гардероба, имеет магическую силу солярного круга: это символ Солнца, Неба, Огня – всего, что рождает Жизнь, охраняет и оберегает человека. Символика круга – очень древняя. Она возникла в эпоху космического мировоззрения, когда человек и природа были слиты воедино: человек ощущал себя частью вселенной, космоса, и космос был в человеке. Люди поклонялись всемогущему, дарящему жизнь Богу Солнца – Хорсу, испокон веков искали у него защиты от своих врагов.

Вспомните знакомую с детства ситуацию, когда сказочный герой спасается от своих преследователей: «Но тут пропели зорьку первые петухи...» Петухи возвещают о рождении нового дня, о скором появлении Солнца, и нечистая сила спешит убраться восвояси. А как не вспомнить знаменитого гоголевского «Вия». Летит сквозь лихую лунную ночь безобразная ведьма-старуха верхом на несчастном философе Хоме Бруте. Чем ближе заря, тем больше слабеет старуха, и, наконец, теряет силы и ведьмарский облик: «Ох, не могу больше!» произнесла она в изнеможении и упала на землю. Он стал на ноги и посмотрел ей в очи: рассвет зарделся, и блестящие золотые главы вдали Киевских церквей. Перед ним ле-

жала красавица, с растрепанною роскошною косою, с длинными, как стрелы, ресницами». Итак, первые лучи Солнца лишили ведьму ее колдовской силы.

А помните, как спасается Хома Брут от уже умершей ведьмы-паночки, когда ночью в церкви читает отходную и молитвы по усопшей? «Она идет прямо к нему. В страхе очертил он около себя круг. С усилением начал читать молитвы и произносить заклинания, которым научил его один монах, видевший всю жизнь свою ведьм и нечистых духов. Она стала почти на самой черте; но видно было, что не имела сил переступить ее, и вся посинела, как человек, уже несколько дней умерший (...)

Наконец гроб вдруг сорвался с своего места и со свистом начал летать по всей церкви, крестя во всех направлениях воздух. Философ видел его почти над головою, но вместе с тем видел, что он не мог зацепить круга, им очерченного, и усилил свои заклинания. Гроб грянулся на середине церкви и остался недвижимым. Труп опять поднялся из него, синий, позеленевший. Но в то время послышался отдаленный крик петуха. Труп опустился в гроб и захлопнулся гробовою крышкою». И далее: «Он только крестился да читал как попало молитвы. И в то же время слышал, как нечистая сила металась вокруг его, чуть не зацепляя его концами крыл и отвратительных хвостов (...) Все глядели на него, искали и не могли увидеть его, окруженного таинственным кругом».

Итак, «таинственный круг» – символ Солнца – охраняет человека от чар нечистой силы. Так и пояс, обвиваясь вокруг человека, образует тот же магический круг-оберег.

А бывало и наоборот: человек на некоторое время заключает сделку с нечистой силой. Тогда он снимает нательный крестик, развязывает пояс и призывает темные силы помочь ему в каком-то нечистом деле. Снятие пояса означало отход от нормы, от должного поведения и готовность к антиповедению. Здесь, вероятно, кроется объяснение возникновения переносного значения глагола «распоясаться». Возможно, история слова сохранила древнее представление славян о поясе-обереге. На святках девушки также снимали пояс: гадания о будущей судьбе, о суженом, замужестве предполагали колдовскую помощь нечистой силы. В зимние святочные «страшные» вечера (они так и назывались), в темной бане перед зеркалом с двумя свечами, закрывая от ужаса глаза, но так, чтобы сквозь щелку можно было разглядеть отражение суженого, загадывали девушки о своей судьбе.

В пушкинском «Евгении Онегине» находим мы чудесное описание «преданий простонародной старины», святочных гаданий, шуток, забав. И в этой «энциклопедии русской жизни» можно найти указание на снятие пояса перед гаданием. Перед тем, как заснуть и увидеть во сне своего суженого, Татьяна снимает пояс и кладет под подушку зеркало:

Татьяна поясок шелковый
Сняла, разделась и в постель

Легла. Над нею вьется Лель,
 А под подушкою пуховой
 Девичье зеркало лежит.
 Утихло все, Татьяна спит

«Указание на то, что „Татьяна поясок шелковый сняла“, - не простое описание раздевания девушки, готовящейся ко сну, а магический акт, равнозначный снятию креста», - отметил Ю. М. Лотман.

К счастью, язык сберег до нашего времени некоторые уникальные доказательства связи народных представлений с живым словом. Вот, например, замечательное слово *«махры»*, или *«подмахорники»*, - название поясных украшений в виде непарных подвесок в Воронежской области. Такие украшения надевали женщины во время совершения старинных свадебных обрядов, рожин или крестин. Тайну этого слова раскрыла этнограф И. П. Гринкова. Оказывается, одна часть слова (*ма-*) восходит к значению «высокий, высший», а другая (*-хор-*) - идет к древнерусскому *Хор-с*, имени Солнечного божества. Значит, в данном случае охранительная сила самого пояса-оберега подкреплена еще и магией слова, в которое как бы инкрустировано имя того, перед кем бессильны любые проявления тьмы.

Итак, в народном сознании одежда была связана с отражением картины «мира Божьего», она являлась как бы посредницей между людьми и внешними силами природы. И замечательно, что мы можем приоткрыть для себя эту прекрасную древнюю картину, сохраняя бережное отношение к нашему культурно-историческому наследию и пыльное внимание к вечному таинственному Слову.

*Православные традиции: праздники, обычаи,
обряды*

**ВЪЯНЕНИЕ
СИМВОЛА ВЕРЫ,
МОЛИТВЪ И ЗАПОВЕДЕЙ** *

Песнопения

**во славу важнейших событий земной жизни
Господа Иисуса Христа и Божией Матери.**

В праздник Рождества Пресвятой Богородицы.

*Рождество Твое, Богородице Дѣво, радость возвѣстїи всей вселеннѣи:
изъ Тебе бо возсія Солнце правды, Христосъ Богъ нашъ, и, разрушивъ
клятву, дадеъ благословеніе и, упразднївъ смерть, дароваъ намъ животоъ
вѣчный*

возвѣстїи = возвестило; бо = потому что; клятву = проклятіе; дадеъ = дал;
упразднївъ = уничтожив; дароваъ намъ животоъ вѣчный = дал нам жизнь
вечную.

В праздник Введения Пресвятой Богородицы во храм.

*Днесь благоволенїа Божїа предображенїе и человеквоъ спасенїа про-
повѣданїе: въ храмѣ Божїи ясно Дѣва является и Христа всѣмъ пред-
возвѣщаетъ. Той и мы велегласно возопїимъ: радуйся смотрѣнїа Зиждїте-
лева исполненїе!*

* Начало см.: Русская речь. 1991. №№ 2-6; 1992. № 1.

Днесь—сегодня; **предображѣніе**—предвестие; **человѣковъ спасенія проповѣданіе**—проповедь о спасении людей; **ясно**—торжественно; **Той и мы велгласно возопіимъ**—Ей и мы громко возгласим; **смотрѣнія Зиждїтелева исполненіе**—исполнение промышления о нас Создателя.

В праздник Благовещенія Пресвятой Богородицы.

Днесь спасенія нашего главїзна и еже отъ вѣка таинства явленіе: Сынъ Божїй сынъ Дѣвы бываетъ, и Гавріиль благодать благовѣстуетъ. Тѣмже и мы съ нимъ Богородицѣ возопіимъ: радуйся, благодатная, Господь съ Тобою!

днесь—сегодня; **главїзна**—начало; **еже отъ вѣка таинства явленіе**—обнаружение тайны, предопределенной от вечности; **Тѣмже**—поэтому.

В праздник Рождества Христова.

Христось раждается,— слѣвите; Христось съ небесъ,— срящите; Христось на земли,— возносїтсѣя. Пойте Господеву вся земля, и веселїемъ воспойте людїе, яко прославїся.

Срящите—встречайте. Слова: «**Христось на земли,— возносїтсѣя**» означают, что Христос теперь на земле, а мы своею душою должны молитвенно возноситься к небу, чтобы благодарить и прославлять за это Господа. **Пойте Господеву**—пойте Господу (хвалебную и благодарственную песнь); **вся земля**—все живущие на земле; и **веселїемъ**—и с веселием; **яко прославїся**—потому что Он прославился.

Рождество Твое, Христе Боже нашъ, возсія миро, и свѣтъ разума: въ немъ бо звѣздамъ служащїи звѣздою учѣхуся Тебѣ клѣнїтсѣя. Солнцу правды, и Тебе вѣдѣти съ высоты Востока; Господи, слава Тебѣ!

Возсія мірови свѣтъ разума—открыло миру свет истины; **бо**—потому что.—Под **служащими звѣздамъ** разумеются здесь волхвы, которые поклонялись звездам, как богам.—**Звѣздою учѣхуся**—звездой были научены. **Тебе вѣдѣти**—Тебя знать.—**Солнцемъ правды и Востокомъ съ высоты** называется Иисус Христос, просветивший людей Своим учением.

Дваа днесь Пресущественнаго раждаетъ и земля вертепъ Неприступному приноситъ; ангели съ пастырьми славословятъ, волсвї же со звѣздою путешествуютъ; насъ бо ради родїся Отрочї младо, превѣчный Богъ.

днесь = сегодня; **Пресущественнаго** = Того, Кто превыше всего существующего и созданного; **вертень** = пещеру; **съ пастырьми** = с пастухами славят Бога; **насъ бо ради родися** = потому что для нас родился; **Отроча** = младенец; **превѣчный Богъ** = Младенец, Который вместе с тем есть вечный Бог.

В праздник Сретения Господня.

Родися, благодатная Богородице Дѣво, изъ Тебе бо возсія Солнце правды, Христосъ Богъ нашъ, просвѣщяй сущія во тмѣ; аседеши и ты, старче праведный, пріемый во объятія Свободителя душъ нашихъ, дарующаго намъ воскресеніе

изъ Тебе бо возсія = потому что из Тебя воссияло; **просвѣщяй сущія во тмѣ** = просвещающий находящихся во тьме (неведения и нечестия); **пріемый во объятія** = взявший на руки

В праздник Крещения Господня.

Во Иорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи, Тройческое явися поклоненіе. Родителей бо гласъ свидѣльствоваше Тебѣ, возлюбленнаго Тя Сына именуя, и Духъ въ видѣ голубинѣ извѣствоваше словесѣ утверждене: явлейся Христе Боже и мѣръ просвѣщій, слава Тебѣ!

Во Иорданѣ крещающуся Тебѣ = когда Ты крестился в Иордане; **Тройческое явися поклоненіе** = явилось, то есть началось с того времени, поклонение Пресвятой Троице; **Родителей бо гласъ** = потому что голос Отца; **свидѣльствоваше Тебѣ** = свидетельствовал о Тебе; **возлюбленнаго Тя Сына именуя** = называя Тебя возлюбленным Сыном; **Духъ въ видѣ голубинѣ** = Дух в виде голубя; **извѣствоваше словесѣ утверждене** = подтверждал истинность этого слова; **явлейся** = явившийся; **мѣръ просвѣщій** = мир просветивший.

Явился еси днесь вселеннѣй, и свѣтъ Твой, Господи, знаменася на насъ, въ разумѣ поющихъ Тя: пришелъ еси и явился еси, Свѣтъ неприступный.

В день Своего крещения Иисус Христос явился миру не как только человек, а как вместе и Сын Божий.

Знаменася на насъ = положил на нас знак, то есть отличил (это значит, что Господь просветил нас светом истинной веры и тем отличил от неверующих); **въ разумѣ** = с разумением, или с пониманием

В праздник Преображения Господня.

Преобразился еси на горѣ, Христе Боже, показавый ученикомъ Твоимъ славу Твою, якоже можаху. Да возсияетъ и намъ, грѣшнымъ, свѣтъ Твой присносущный молитвами Богородицы; Свѣтодавче, слава Тебѣ!

якоже можаху = насколько они могли видеть (Божественную славу Христа); **присносущный** = вечный; **молитвами Богородицы** = по молитвам Богородицы; **Свѣтодавче** = Податель света.

В праздник Входа Господня в Иерусалим, или Вербного Воскресенья.

Общее воскресение прежде Твоея страсти увѣряя, изъ мертвыхъ воздвигль еси Лазаря, Христе Боже. Тѣмже и мы, яко отроцы, побѣды знаменія носяще, Тебѣ, Побѣдителю смерти, вопіемъ: осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне!

Общее воскресение увѣряя = удостоверяя, что будет всеобщее воскресение; **прежде Твоея страсти** = пред Своими страданиями; **воздвигль еси** = Ты воскресил. **Тѣмже** = поэтому; **яко отроцы** = подобно детям. При торжественном входе Иисуса Христа в Иерусалим, дети, наравне с взрослыми, встречали Его с древесными ветвями и прославляли **Побѣды знаменія носяще** =нося знаки победы. Здесь под знаменіями, или знаками, победы Иисуса Христа над смертью разумеются вербы, с которыми мы стоим в церкви во время Вербного Воскресенья. **Вопіемъ** = восклицаем; **благословенъ грядый** = достоин прославления идущий

В Пасху, или Светлое Христово Воскресенье.

Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертью смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животь даровавъ.

Воскресе = воскрес, ожил; **поправъ** = победив; **сущимъ во гробѣхъ** = находящимся в гробах, то есть умершим людям; **животь даровавъ** = жизнь дав.

Ангель вопіише благодатный: чистая Дѣво, радуйся! и пакы реку: ра дуйся! Твой Сынъ воскресъ тридневенъ отъ гроба, и мертвыя воздвигнувый. Людіе веселитесь!

Свѣтися, свѣтися, новый Иерусалиме! слава бо Господня на тебѣ возсія; ликуй нынѣ и веселися Сионе! Ты же чистая красуйся, Богородице, о востаніи рождества Твоего

Вопіяше = воззвал, воскликнул; **и паки реку** = и опять говорю; **вокрѣсе триднѣвень отъ гроба** = восстал из гроба на третий день после смерти; **мертвыя воздвигнувый** = воскресивший мертвыхъ.

Свѣтися = прославляйся. Под **новымъ Иерусалимомъ** и под **Сиономъ**, разумеется в этой песни Церковь христианская, то есть общество всех православныхъ христиан. **Слава бо Господня на тебѣ возсія** = потому что над тобою воссияла, то есть явилась, слава Господня, или иначе сказать: потому что Господь тебя прославил. Он прославил Церковь Своимъ воскресением, из которого видно, что Он не человек только, но вместе и Бог, и что, следовательно, основанная Им Церковь спасительна для нас: **ликуй** = торжествуй; **красуйся** = радуйся; **о востаніи рождества Твоего** = о воскресении Того, Кто родился от Тебя.

В праздник Вознесения Господня.

Вознесася еси во славу, Христе Боже нашъ, радость сотворивый ученикомъ обѣтованіемъ Святаго Духа, избѣщеннымъ имъ бывшимъ благословеніемъ, яко Ты еси Сынъ Божій, избѣвитель міра.

радость сотворивый ученикомъ = обрадовавший учеников; **обѣтованіемъ** = обещаніем; **избѣщеннымъ имъ бывшимъ благословеніемъ** = когда они чрезъ благословение (Твое) утвердились в верѣ; **яко** = что.

В праздник Пятидесятницы, или Троицын день.

Благословенъ еси, Христе Боже нашъ, Иже премудры ловцы явилей, низпославъ имъ Духа Святаго, и тѣми уловлей вселенную. Человѣколюбче, слава Тебѣ!

Благословенъ = достоинъ прославления; **Иже премудры ловцы явилей** = Который рыбаей, то есть апостолов, сделалъ премудрыми; **тѣми уловлей вселенную** = чрезъ нихъ уловивший, то есть привлекший к верѣ, вселенную.

В праздник Успения Пресвятой Богородицы.

Въ рождествѣ дѣвство сохранила еси, во успеніи міра не оставила еси, Богородице; преставила еси къ животу, Мати сущи Живота, и молитвами Твоими избавляеши отъ смерти души наша.

Въ рождествѣ—при рождении (Иисуса Христа); **во успеніи**—во время смерти, несмотря на смерть; **преставилася еси къ животу**—перешла к жизни (вечной); **Мати сущи Живота**—будучи Матерью Жизни (то есть Иисуса Христа)

III

О доброй и богоугодной жизни.

Вопр. Кроме веры и молитвы, что еще нужно каждому человеку для того, чтобы угодить Богу и получить вечное спасение?

Отв. Нужно проводить такую жизнь, которая была бы угодна Богу, то есть вести себя и во всем поступать согласно с Его учением и заповедями.

Вопр. Откуда мы можем научиться так жить и так вести себя?

Отв. Из десяти заповедей Закона Божия и учения Иисуса Христа о блаженствах.

Десять заповедей Закона Божия.

1. *Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бѣзи инии, развѣ Мене*

2. *Не сотвори себѣ кумира, и всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на землѣ нѣзу, и елика въ водахъ подѣ землемъ: да не поклонишися имъ, ни послужиши имъ.*

3. *Не приеми имени Господа Бога твоего всуе.*

4. *Помни день субботный, еже святити его: шесть дней дѣлай, и сотвориши въ низъ вся дѣла твоя, въ день же седьмый, суббота, Господу Богу твоему.*

5. *Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ, и да долголѣтнѣ будещи на землѣ.*

6. *Не убій.*

7. *Не прелюбы сотвори.*

8. *Не укради.*

9. *Не послушестя чуждѣ на друга твоего свидѣтельства ложна.*

10. *Не пожелай жены искреннаго твоего, не пожелай дѣлу ближняго твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни ослиа его, ни всякаго скота его, ни всего, елика суть ближняго твоего*

Вопр. Кто дал людям эти заповеди?

Отв. Эти заповеди дал людям Сам Бог

Вопр. Когда и каким образом?

Отв. Еще задолго до Рождества Христова (за 1600 лет), в то время, как евреи под начальством пророка Моисея были выведены Богом из Египта

га в землю обетованную и остановились для отдыха при горе Синае, Бог вслух всего народа изрек эти заповеди, а потом эти заповеди были написаны на двух скрижалях, или досках каменных, и чрез пророка Божию Моисея даны Богом всем людям для всегдашнего напоминания и руководства в жизни.

Вопр. А разве прежде этого времени люди совсем не знали того, о чем говорится в заповедях, и не могли поступать согласно с ними?

Отв. И до этого времени люди могли знать все то, о чем говорится в заповедях, и жить согласно с ними, потому что Бог часто являлся многим благочестивым мужам и учил их, как следует жить, чтобы угодить Богу и получить спасение. Эти благочестивые мужи потом передавали другим людям о том, что слышали от Самого Бога. Кроме того, собственный разум и совесть должны были заставлять людей жить и во всем поступать согласно с тем, о чем говорится в заповедях.

Вопр. Зачем же, после того, даны были людям эти заповеди и даже написаны на скрижалях?

Отв. Люди, живя порочно, часто или забывали, или не верили тому, что доходило до их слуха (по преданию) от благочестивых мужей, наученных Самим Богом; сверх того, своею порочною жизнью они все более и более заглушали в себе голос разума и совести и поступали против них, почему и нужно было не только напомнить им опять о том, чему их прежде учил Бог чрез благочестивых мужей, а также чрез разум и совесть, но и написать это на скрижалях, или досках каменных, для всегдашнего руководства в жизни, чтобы все люди и во все времена знали волю Божию и никогда не могли отговариваться своим незнанием или забвением.

Вопр. Почему заповеди были написаны на двух скрижалях?

Отв. Заповеди написаны на двух скрижалях потому, что в них предписываются два рода любви: в первых четырех заповедях предписывается любовь к Богу, а в остальных шести — любовь к ближнему.

Вопр. Можно ли угодить Богу и получить спасение без исполнения этих заповедей?

Отв. Без исполнения этих заповедей нельзя угодить Богу и получить спасение.

Вопр. Учил ли Иисус Христос поступать по десяти заповедям?

Отв. Господь Иисус Христос повелел для получения жизни вечной исполнять эти заповеди; вместе с тем Он учил понимать и исполнять их лучше, нежели как до Него их понимали и исполняли.

Вопр. Что значит слово *заповедь*?

Отв. Слово *заповедь* значит: *повеление*, или *требование*.

Объяснение первой заповеди.

Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бѣзи инии, развѣ Меня

Я — Господь Бог твой, и у тебя не должны быть другие боги, кроме Меня.

Азъ = Я; да не будутъ тебѣ = у тебя не должны быть; бози = боги; инии - иные, другие; развѣ Мене = кроме Меня.

В этой заповеди Бог как бы указывает на Самого Себя и говорит, что Он есть Господь Бог наш и что, кроме Его, у нас не должно быть других каких-нибудь богов. Значит, этою заповедью Он повелевает нам признавать истинным Богом только Его одного и только Ему одному воздавать Божескую честь и славу.

Против этой заповеди грешит тот, кто не верует в истинного Бога, кто не изучает закона Божия и веры христианской, кто не любит Бога, не надеется на Него более всего на свете, кто не молится Ему и не прославляет Его. Против этой заповеди грешат также те люди, которые приписывают Божескую силу чему-нибудь другому, кроме Бога, кто верит в гаданье, ворожбу и колдовство.

Объяснение второй заповеди.

Не сотвори себѣ кумира, и всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на землѣ нѣзу, и елика въ водахъ подѣ землею: да не поклонишися имъ, ни послужиши имъ.

Не делай себе кумира и какого-либо изображения того, что на небе, вверху, и что на земле, внизу, и что в воде, ниже земли: не поклоняйся им и не служи им.

Не сотвори = не делай; кумирь = идол, которого почитают вместо Бога; всякаго = какого-либо; подобіе = изображение (нарисованное или сделанное из дерева, камня, серебра, золота или из чего-нибудь еще); елика = того, что, горѣ = вверху; нѣзу = внизу; подѣ землею = ниже земли, то есть ниже земной поверхности, ниже берегов.

Этою заповедью Бог запрещает делать себе кумиры, или идолы, то есть какие либо подобия, или изображения того, что мы видим на небе (— солнца, луны, звезд), и того, что находится на земле (— растений, жи- вотных, людей), и того, что находится в водах (— рыб), чтобы потом, сделав себе эти изображения, считать их своими богами, поклоняться и служить им вместо истинного Бога, как это делают язычники. Грех против второй заповеди называется *идолопоклонством*. — Пред иконами же, или образами, не грешно молиться, потому что мы не считаем их своими богами, и если молимся пред ними, то при этом молимся не им, не краскам и дереву, а тому, кто на них изображен.

Под кумиром, или идолом, можно также разуметь все, к чему кто-либо имеет столь сильную привязанность, что из-за этого забывает Бога и Его спасительное учение. Так, например, против этой заповеди грешит тот, кто заботится только о том, чтобы удовлетворить какой-нибудь дурной своей склонности, кто имеет пристрастие к вину, картам и тому подобному

Объяснение третьей заповеди.

Не приѣмли ѡмене Господа Бога твоего всѣе.

Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно.

Не приѣмли = не употребляй, не произноси; **всѣе** = напрасно.

Этот заповедь Бог запрещает употреблять имя Его *напрасно*.

Имя Божие *напрасно* употребляет тот, кто без благоговения произносит его в обыкновенных разговорах, кто невнимательно молится Богу, кто ропщет на Бога, или жалуется на Его провидение, кто божится без нужды и особенно в неправде, кто обещается и клянется именем Божиим сделать что-нибудь или сказать правду, а потом обманывает и не исполняет этого своего обещания. Кто так поступает, тот грешит против этой заповеди.

Грешат против этой заповеди также и те, которые кощунствуют, то есть глумятся и смеются над чем-нибудь священным, например, над словом Божиим, над святыми иконами, над храмом Божиим и другими какими-нибудь священными предметами.

Объяснение четвертой заповеди.

Помни день субботный, еже святити его: шесть дней дѣлай и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя, въ день же седьмой, суббота, Господу Богу твоему.

Помни день субботный, чтобы святить его: шесть дней работай и делай в продолжение их всякие дела свои; а день седьмой, субботу, — Господу Богу твоему.

Еже = чтобы; **святити** = святить, посвящать на служение Богу, на святые и угодные Богу дела; **шесть дней дѣлай** = шесть дней трудись, работай; **и сотвориши въ нихъ** = и делай в продолжение их; **вся дѣла твоя** = всякие дела свои.

Этот заповедь Бог повелевает шесть дней работать и заниматься своим делом, а седьмой день посвящать на служение Богу, на святые и угодные Ему дела. Святыми и угодными Богу делами называются: забота о спасении своей души, молитва в храме Божиим и дома, изучение Закона Божия, просвещение ума и сердца полезными познаниями, чтение Священного Писания и других душеполезных книг, благочестивые разговоры, помощь бедным и всякие вообще добрые дела. Под седьмым, или субботным, днем, который должно посвящать Богу, мы должны разуметь все вообще праздники, а также дни, в которые постимся и говеем. До воскресения Иисуса Христа из мертвых посвящали на служение Богу субботу и другие праздники; после же Его воскресения христиане, вместо субботы, стали посвящать на служение Богу *воскресенье*, то есть тот день, в который Иисус Христос воскрес, а также другие праздники и те дни, в которые мы постимся и говеем.

Объяснение пятой заповеди.

Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ, и да долголѣтенъ будеши на земли.

Почитай отца своего и мать свою, чтобы тебе было хорошо, и чтобы ты долго прожил на земле.

Чти=почитай; да=чтобы; благо=хорошо; ти=тебе; да благо ти будетъ=чтобы тебе было хорошо; да долголѣтенъ будеши=чтобы ты долго прожил.

Этот заповедню Бог повелевает нам почитать своих родителей, то есть не только любить их, но и быть почтительными к ним, не оскорблять их своими словами и поступками, повиноваться им, помогать им в трудах, заботиться об них, когда они находятся в нужде, и особенно во время их болезни и старости, а также молиться за них Богу, как при жизни их, так и по смерти.

Кто почитает своих родителей, тому Бог обещает счастливую и долгую жизнь; а те, которые не почитают и оскорбляют их, будут строго наказаны Богом.

Под родителями в пятой заповеди должно подразумевать также всех тех, которые заступают для нас в каком-либо отношении место родителей и которых поэтому мы также должны чтить, а именно: *Государя, начальников, пастырей духовных* (и особенно *своего духовного отца*), *учителей, воспитателей, благодетелей и старших возрастом*; потому что *Государь* заботится о нас и о благе всего народа своего, как добрый отец о своих детях,— *начальники* заботятся о нашем благополучии и о нашей пользе,— *пастыри духовные*, и особенно *духовный отец*, молятся о нас Богу, заботятся о спасении нашей души и стараются сделать нас истинными христианами,— *наставники и учителя* стараются научить нас всему хорошему, доброму и полезному,— *воспитатели и благодетели* служат вместо родителей для тех, кого они призывают и о ком заботятся, и делают для них то, чего не могли или не могут сделать их родители,— *старшие возрастом* опытнее нас, больше нас знают и понимают, и потому могут дать нам добрый совет.

Объяснение шестой заповеди.

Не убий.

Не убивай.

Этот заповедью запрещается убивать, или лишать жизни как себя самого, так и других людей.

Жизнь есть величайший дар Божий, который мы должны особенно ценить и беречь и за который должны особенно благодарить Бога. Поэтому тот тяжко согрешает пред Богом, кто каким бы то ни было образом лишает жизни себя самого или отнимает ее у другого человека.

Если бы кто-нибудь убил другого человека нечаянно, без умысла, то в тогда убийство есть большой грех, потому что в этом случае убивший виновен в своей неосторожности. Тем более велик и тяжок грех, если убийство совершено умышленно.

Человек бывает виновен в убийстве и тогда, когда хотя сам лично не убивает, но допускает других до убийства своим приказанием, советом, пособием, согласием, или когда укрывает и оправдывает убийцу и тем подает ему случай к новым убийствам.

Убийцею может называться и тот, кто не избавляет ближнего от смерти, когда вполне мог бы это сделать.

Впрочем, бывают случаи, когда убийство не поставляется в грех. на пример, когда преступника наказывают смертью по правосудию или когда убивают неприятеля на войне за Государя и Отечество.

Против шестой заповеди грешат также и те, которые желают смерти другому человеку, не берегут здоровья своего и здоровья других людей, не оказывают бедным и больным своей помощи, не живут с другими мирно и согласно, имеют к другим гнев и ненависть, зависть и злобу, заводят с другими ссоры и драки, обижают и огорчают других делом или словом, а также те, которые соблазняют и вводят других в грех и тем самым как бы убивают их душу.

Бог заповедал любить других, как самого себя, и не делать другим того, чего себе не желаешь.

Объяснение седьмой заповеди.

Не прелюббы сотвори.

Не прелюбодействуй.

Этой заповедью Бог запрещает *прелюбодейство*, или всякую незаконную и нечистую любовь. Чтобы не грешить против этой заповеди, должно всячески беречь свою душу от нечистых мыслей и порочных желаний, и для этого избегать дурного общества людей, нескромных игр и соблазнительных зрелищ, пьянства, сквернословия, дурных песен, чтения и слушания нечистой и бесстыдных рассказов, рассматривания неприличных картин и т. под.

Объяснение восьмой заповеди.

Не укради.

Не воруй.

Этой заповедью Бог запрещает кражу, или присвоение себе чужой собственности. Следовательно, против этой заповеди грешат: 1) воры, которые тайно берут чужое; 2) грабители, которые явно и насильно отнимают что-нибудь у других; 3) обманщики, которые берут чужое обманом, или хитростью, например, обмеривают, обвешивают, берут лишние деньги за

своей товар, отпускают, вместо хорошего, дурной товар и т. под. 4) кто утаивает найденное; 5) кто не отдаст другому заработанной им платы; 6) кто подучает плату, а дела не делает, или исполняет свое дело не так, как следует.

Чтобы не грешить против этой заповеди, нужно любить другого, как самого себя, и не делать другим того, чего себе не желаешь.

Объяснение девятой заповеди.

Не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна.

Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

Не послушествуй—не произноси; **на друга твоего**—на ближнего твоего. Под *другом*, или *ближним*, здесь разумеется всякий другой человек. **Свидетельства ложна**—ложного свидетельства

Эту заповедь Бог запрещает ложно свидетельствовать на другого человека, то есть клеветать, говорить ложь про другого, несправедливо обвинять его в чем-нибудь дурном и чрез это чернить его доброе имя.

Кто не хочет грешить против этой заповеди, тот всегда должен говорить правду, которую особенно любит Бог, и взять себе за правило: любить других, как самого себя, и не делать другим того, чего себе не желаешь.

Объяснение десятой заповеди.

Не пожелай жены искренняго твоего, не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота его, ни всего, елика суть ближняго твоего.

Не желай себе жены ближнего твоего, не желай дома ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ни всего того, что у ближнего твоего.

Не пожелай—не желай себе; *искренним*, или *ближним*, называется всякий другой человек; **село**—поле, земля; **рабъ**—слуга; **рабыня**—служанка; **елика**—того, что.

Эту заповедь Бог запрещает не только делать другому что-нибудь худое, но даже желать худого и думать о худом, чтобы от худых мыслей и желаний не дойти до худых дел.

Грех против этой заповеди называется *завистью*. Чтобы уберечься от этого греха, нужно любить другого, как самого себя, желать ему всего хорошего и быть довольным тем, что имеешь, а также помнить, что Богу известны не только наши дела, но даже все наши мысли и желания, в которых, рано или поздно, мы должны будем отдать Ему отчет.

Игра

В отчества

Ю. А. Карпенко,

доктор филологических наук

Корни уходят далеко. Ерш Ершович и Михаил Потанин еще когда были!.. И позже в литературе время от времени появлялись необычные отчества людей или «обычные» отчества животных и предметов, отчествами в принципе не обладающих: «Здравствуй, Месяц Месяцович!»

Русская поэзия XX века подхватила и широчайше развернула эту фольклорную традицию игры в отчества. Самый стандартный разряд антропонимов, которые и вообще-то не могут похвастаться семантическим изобилием (если не углубляться в их этимологию), воплощение единообразия - отчества в руках мастеров слова оказались и необычайно емкими семантически, и удивительно богатыми изобразительно.

Десять совершенно невероятных и вместе с тем выполненных в вполне народном духе имен-отчеств введены Мариной Цветаевой в ее насквозь фольклорную поэму «Переулочки», написанную в 1922 году. И хотя здесь поименованы сплошь неживые предметы, эти именования их оживляют, делают и образно-зримыми, и одухотворенными.

Вись-Ястребовна,
Зызь-Радуговна,
Глызь Яхонтовна:
Лазорь!

Все «три царства», о которых Цветаева писала Б. Э. Пастернаку (письмо от 10 марта 1923 года), названы и художественно обрисованы при помощи всего-навсего трех антропонимических формул: небесная

вьсь (и в ней ястреб), водная зыбь (и над ней радуга), земная глыба (и в ней яхонт)!

А господствующий в поэме синий (лазоревый) цвет, символ «последнего соблазна», получает такие антропонимические одежды: «Зорь-Лазаревна, / Синь-Ладановна, / Лазорь-лазорь». И *Лазаревна* — отнюдь не отчество от имени *Лазарь*, а трансформация *лазори* — второй компонент этого ключевого слова поэмы выдвинут в начало именованного (Зорь), а первый начинает «отчество» (Ла-), которое продолжено с помощью наиболее приемлемого по своему звучанию антропонимического материала. Следующая далее *Синь-Ладановна* — это тоже просто *синь*, но такая исчерпывающая, что имеет даже синий запах, воспринимаемая не только зрением, но и обонянием. Затем, через несколько строк, нам встречается совсем нейтральная *Синь-Озеровна* (ср.: *синь озерная*) и, наконец, уже после трех царств: *Синь-Савановна*. Это уже, увы, начало конца героя поэмы: «Аминь, Помина. Морская Хвалынь».

Первые же три отчества в сочетании с соответствующими именами описательно, «эпитетно» характеризуют никак иначе не названную героиню-чародейку поэмы «Переулочки»: «Разрумяниста моя / Знобь-Гумановна! / Лихоманочка моя / Лихомановна!» и дальше, после применения своеобразного междометия *а-ю-рай*: «Аю-раюшки / Раевна». Отчество в последнем примере приспособлено к междометию, принадлежит междометию как его продолжение. При всей свободе поэтической игры в отчества это случай уникальный.

Поэтически он оправдан своей адресованностью героине. Впрочем, с ней каким-то образом, дополнительным ассоциативным смыслом сочетаются и все другие антропонимические фигуры поэмы. Ведь все они имеют женскую форму, среди употребленных в поэме десяти отчеств нет ни одной мужской формы!

Совсем по-другому продолжил игру в отчества Осип Мандельштам. В самом начале стихотворения 1931 года его персонаж назван обычным, нормальным именем и отчеством: «Жил Александр Герцович, / Еврейский музыкант (...)». Но в третьей и заключительной шестой строфах, где эмоциональное напряжение этого печального и прекрасного стихотворения достигает своих высших точек, отчество претерпевает удивительные метаморфозы. Сначала оно переводится с еврейского (идиш) на русский язык: «Что, Александр Герцович, / На улице темно? / Брось, Александр Сердцевич, / Чего там! Всё равно!» А затем и переделывается «в рифму», с ориентацией на профессию персонажа: «Всё, Александр Герцович, / Заверчено давно, / Брось, Александр Скерцович, / Чего там! Всё равно!» Скерцо — музыкальная пьеса веселого, оживленного характера. Таким вот неординарным и весьма лаконичным способом поэт выразил и свое доброе, чуть ироничное отношение к герою, и поддержал его в его (и своих!) тревогах и переживаниях: «Нам с музыкой-голубовою / Не страшно умереть (...)»

Игра в отчества увлекла и Леонида Мартынова. В его поэтическом сборнике «Людские имена» (М., 1969), в стихотворении «Черт Багряныч» встречаем построения чисто цветаевские: «За ночь / Черт Багряныч / Обагрил листву»; «И Буран Бураныч мчится с Вайгача». Но есть и нечто совсем новое – осмысление полуграмотной бабкой незнакомого ей именованья Леонардо да Винчи как отчества *Леонардович* (в стихотворении, которое так и называется – «Леонардович»). А дальше от этого «отчества» потянулась цепочка ассоциаций. «Всекие Леонардовичи, Леонардовичи...» Бабкины ассоциации продолжены внучкой: «Прячутся в рощи окрестные какие-то Неизвестные (...) От Леонардовича, от Леонард Леонардовича, от Леонард Леонардовича». Конечно, в рощи окрестные более пристало бы прятаться от Леонардовича не Неизвестному и названным там же Капдинскому и Малевичу, а совсем другим, вполне благополучным, но далеким от искусства художникам. Но какой с внучки спрос! Да еще внучки тех времен, когда слово *абстракционист* было ругательством! А политическую находку Мартынова, его *Леонардовича – Леонардовича*, нельзя не признать удачной.

Разнообразными находками в мире отчеств изобилует творчество Андрея Вознесенского, который призвал на поэтическую службу, по-видимому, все мыслимые и немыслимые речевые средства. В стихотворении «Имена» (1979) поэт великолепно выразил свою влюбленность «в родословный рифмовник отчеств после имен»: «Словно вздох миллионный / повенчал имена: / Марья Илларионовна, / Злата Юрьевна». И далее: «Словно горе с надеждой / позовет из окна, / колокольно-нездешпе: / Ольга Игоревна». Известный ленинградский языковед Ольга Игоревна Фоянкова с гордостью говорит: «Использовал мое имя и отчество!»

Но Вознесенский не был бы Вознесенским, если бы только восхитился существующим «рифмовником отчеств». В стихотворении «Портрет Хуциева» (1988) отчество стало, можно сказать, главным изобразительным средством. Вот его начало: «Марлен Мартыныч, Марлен Монтирович, / Арестованыч Картиныч». Реальное имя и отчество героя сразу же претерпевает трансформацию отчества «по профессии» (вспомним Осипа Манделштама: *Александр Скерцович*), а затем в «отчества» преобразуется и атрибутивное словосочетание «арестованная картина», что резко повышает горечь его смысла и адресует этот смысл кинофильмам Марлена Хуциева.

Далее у героя появляются все новые отчества-характеристики. И Марлен Мотивыч, и даже «Мерлин (фонетическая и одновременно смысловая ассоциация: *Марлен – Мерлин*; Мерлин – легендарный кельтский волшебник, сподвижник знаменитого короля Артура – *Ю. К.*) Мартинивич, Поли техничевя, / Нечечевичевя». Последнее «отчество» вообрало в себя уже не лексему, – как два предыдущих: *мартини* (вино), *Политехнический* (музей), – а целый фразеологизм о чечевичной похлебке, за которую кто-то продает свое первородство (как, по Библии, Исаи продал его Иакову), а кто-то, в том числе и герой стихотворения, нет. «Отчество» это любо

пытно не только своим смыслом и происхождением, но и фонетической структурой, как бы сплошь состоящей из суффиксов отчества.

И это еще далеко не все. По моделям отчества в стихотворении оформляются самые обычные слова — существительные (*ботинки*: «Гоптал ботинка асфальт Державы») и прилагательные (*осенний*: «как лист осеннич»). Подобного рода окказионализмы, во-первых, поддерживают общий словесный настрой стихотворения на особую роль отчества и, во-вторых, экономно выражают мысль поэта: начальный компонент слова достаточно ясно передает присущий этому слову смысл, а финальный патронимический суффикс адресует этот смысл Марлену Хуциеву. Получается так: «как лист сутулыч, / как лист осеннич, / летншь, христовыч, / на свой чердак».

Отчества остаются на первом плане и в характеристике поэтических вкусов героя: «Любил Сергеевича. Александра. Необходимыча не любил. Ничего, в общем, удивительного, что человек любит Пушкина и не любит Маяковского. Бывает и наоборот. У героя стихотворения сложилось именно так, как сложилось. Сообщая об этом факте, поэт именует Маяковского *Необходимычем*. Владимиром Необходимычем звали Владимира Владимировича Маяковского сподвижники и последователи. И это, кстати, — тоже яркий пример весьма удачной игры в отчества, в данном случае — в сопредельной с поэзией реальной жизни. Используя это именование, Андрей Вознесенский тактично, ненавязчиво информирует, что он не разделяет отношения своего героя к Маяковскому.

Приведенные факты «поэтических игр» в отчества свидетельствуют о воистину неисчерпаемых возможностях русского языка. Ведь отчества — лишь частный пример, одна из бесчисленных клеточек языка. И каждую такую клеточку — обычную, примелькавшуюся, полностью уже, казалось бы, раскрывшую свои возможности, — чудо поэзии может сделать неисчерпаемой в своих богатствах и своей выразительности.

В Москве, на Собачьей площадке...

М. В. Горбаневский,

кандидат филологических наук

Нет ее уже, нашей московской *Собачки*, одного из символов старинной Москвы, уголка и имени, присущего только первопрестольному граду и никакому более. Нет ее, и не вернуть, не воссоздать даже в сомнительной копии... Это ведь не Сухарева башня или Казанский собор у Красной площади, судьба которых – тоже трагична, но все же оставляет надежду...

В биографии Москвы и на ее карте после рокового 1917 года могли произойти еще большие потери, разрушения, утраты, если бы не подвижническая и нередко просто самоотверженная деятельность писателей, публицистов, представителей мира искусства, ученых разных профессий, краеведов, которые были свято преданы родному городу и вставали на его защиту.

В 80-е годы на фоне установок МГК КПСС на создание из столицы некоего ... «образцового коммунистического города» (что предполагало ограничение открытой критики положения дел в столице, в том числе и с сохранением культурно-исторического наследия, памятников, названий – знаю это, увь, и по собственному опыту!) резким контрастом зазвучал голос прекрасного русского прозаика Юрия Нагибина, особенно – в его публицистическом цикле «О Москве с надеждой и любовью». Не раз горьким укором всем нам звучало в очерках Юрия Марковича и забытое имя Собачьей площадки: «Меня всегда мучила мысль, что у москвичей нет того интимного ощущения своего города, которым отличаются ленинградцы. Москва необъятна, неохватна и слишком быстро меняется. Не успеваешь привыкнуть к одному облику города, а он уже стал другим. Сколько лет прошло, а я все иду Собачью площадку, поглощенную Калининским проспектом. Когда вспоминаешь, сколько московской старины съел этот неоправданно широкий, архитектурно невыразительный проспект, так и не слившийся с арбатской Москвой, то начинаешь сомневаться в его необходимости. Быть может, потому теплеет на сердце, когда вдруг обретаешь вновь и Собачью площадку, и исчезнувшие арбатские переулочки, дома вместе с дорогими тенями великих писателей, живших, творивших, гостевавших здесь». (Стародуб К. В., Емельянова В. В., Краусова И. В. Я люблю этот город визевый...: Путеводитель по литературным местам Москвы. 2-е изд., доп. и перераб. М., Моск. рабочий. 1990. С. 5)

Да, многое из утраченного в годы воинствующего нигилизма можно

сегодня все же восстановить. Слава Богу, снова есть в Москве и Мясницкая улица, и Маросейка, и Пречистенка, и Никольская...

Ну, а если ушли в небытие и сами неповторимые уголки старинной Москвы – переулки, улицы, площади? Ведь таких потерь, происшедших «в ходе реконструкции Москвы», ох как много! Новый Арбат, проспект Сахарова, бывший проспект Маркса, огромный комплекс гостиницы «Россия», многие другие «вырубки» привели к невозвратным утратам. Вряд ли, скажем, молодой москвич может представить во время своего посещения концертного зала «Россия» (в той самой огромной, чемоданного облика гостинице...) или кинотеатра «Зарядье», что здесь еще сравнительно недавно был как бы город в городе – на территории древнего московского посада, между улицей Варваркой и набережной Москвы-реки, буквально до начала 60-х годов шла жизнь **нескольких переулков**. Их старинные имена, каждое из которых – памятник истории города, России, географии, культуры, языка народа, ныне обречены практически на полное забвение. Ведь нет больше ни Зарядьевского, ни Псковского, ни Елецкого, ни Ершова, ни Максимовского, ни Кривого переулков... Нет и никогда не будет! Не суждено Москве обрести когда-нибудь и свою Собачью площадку.

Кстати, а многие ли теперь знают (или помнят), где она находилась?

Вот что говорится в энциклопедии «Москва»: «Собачья площадка, бывшая площадь в районе улиц Арбат и Б. Молчановка. Возникла, по преданию, на месте Псарного, или Собачьего, двора для царской охоты, известна с 17 в. В 1952 г. вошла в состав Композиторской улицы» (с. 568). Тут, я думаю, необходимо небольшое уточнение: в 1952 году ни какого строительства не велось, и Собачья площадка «вошла в состав» Композиторской улицы только, так сказать, на бумаге, в официальном постановлении... Кому-то из обладателей высоких кабинетов показалось неблагозвучным название Дурновского переулка. Утрудить себя исторической экспертизой «руководители» считали ниже своего достоинства. Иначе бы они узнали, что топоним историю свою ведет еще с XVIII века: переулок получил название по фамилии домовладельца майора А. И. Дурново. Вероятно, новое название родилось без особых мудрствований: в одном из особняков в Дурновском переулке располагалось правление Союза советских композиторов – «в честь» чего-то и назвали в 1952 году переулок «благозвучно», Композиторской улицей. Используя принятое решение, удалось сделать вот еще что: в Композиторскую улицу «спрятали» еще одно «неблагозвучное» наименование – *Собачья площадка*. Но законы живой русской речи, историко-культурные, духовные традиции старинного города номенклатурным постановлениям поддаются с трудом: москвичи продолжали использовать топоним *Собачья площадка* еще очень-очень долго – из речи он начал исчезать только после разрушения приарбатских переулков и строительства проспекта Калинина.

А вот какой «адрес» Собачьей площадки по отношению к современным московским городским ориентирам дает в своей книге рассказ о

прожитой жизни переводчик И. И. Левин: «Биографии даже такого скромного уголка старого Арбата, как Собачья площадка, хватило бы, чтобы увековечить это уже исчезающее с карты города место в истории отечества.

Прежде всего о самом несколько странном названии. Нет, туда не вывели собак для выгулов, название было совершенно официальное, входившее во все московские адресные справочники. Так и писали: Москва, Арбат, Собачья площадка, дом такой-то, квартира такая-то. Название очень старое и чисто московское. Оно уходит корнями в XVIII век. Географически – это место, где нынче расположен институт красоты (разрядка моя – *М.Г.*) на проспекте Калипина». (Левин И. И. Кажется, это было вчера... М., Моск. рабочий. 1990. С. 253).

Два слова о колорите названия *Собачья площадка*. Да, оно стало действительно особенным, уникальным, неповторимым. «Несовременность» этого уголка Москвы ощущалась еще до большевиков – в самом начале XX века, что подметили и передали нам авторы, составители одного из наиболее интересных московских путеводителей дореволюционного времени «По Москве»: «В стороне от шумной жизни столицы лежат две небольших площади, сохранивших старинный облик и обвеянных духом уходящей Москвы. Это Спасоесковская площадь и Собачья площадка, обе близ Арбата. ... Собачья площадка ... сильнее искажена современными строениями, но все же отмечена старинными, хоть и не стильными особняками. Против старого дома Хомяковых сыном поэта-славянофила недавно поставлен классический фонтан, вполне соответствующий духу этого тихого уголка Москвы» (По Москве: Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям. Под ред. Н. А. Гейнике и др. М., Изд. М. и С. Сабашниковых. 1917. С. 342).

Фонтан этот, внешне непритязательный, скромное украшение скверика посреди Собачьей площадки многие еще помнят. Не забыл его и я... Но он тоже канул в Лету!

А ведь биография «Собачки» действительно была богатой, насыщенной интереснейшими фактами. Некоторые из них – как это нередко случается в жизни географических названий! – стали частью так называемых «фоновых знаний» о топониме.

Достаточно вспомнить, что Собачья площадка навсегда связана с именем Александра Сергеевича Пушкина. Увы – уничтожен, как и все остальные, дом № 12 по Собачьей площадке, в котором жил один из друзей великого поэта – С. А. Соболевский. В его квартире Пушкин останавливался по приезде в первопрестольный град в 1826 году. Московеды любили рассказывать, как 20 декабря к Пушкину на Собачью площадку пришел редактор и издатель «Московского вестника» М. П. Погодин: он предлагал напечатать в своем журнале пушкинского «Бориса Годунова». «Позже Погодин всеноминал „этот знаменитый уголок, где жил Пушкин“, его письменный стол между двумя окнами, над которыми висел портрет Жуковского с надписью: „Ученику-победителю от побежденного учителя“»

(Другач В., Португалов П. Осмотр Москвы: Путеводитель. Изд. 3-е., М., Моск. рабочий, 1940. С. 268). В этом же доме друга из-под пера Александра Сергеевича вышло знаменитое «Послание в Сибирь».

Что же касается славянофилов Хомяковых, то их гостеприимный дом на Собачьей площадке посещали и Николай Гоголь, и Сергей Аксаков, многие другие известные России люди. В этом особняке, как говорили позже, царила атмосфера «высокой московской интеллигентности». Думаю, далеко не случайно, — такие совпадения диктовал все тот же таинственный дух Арбата! — что по прошествии времени в залах и комнатах дома Хомяковых зазвучали многоголосая детская речь и музыка. Стены особняка приняли в себя музыкальное училище, основанное в 1895 году сестрами Еленой, Евгенией и Марией Гнесиными — выпускницами Московской консерватории, одаренными педагогами. Да, да: биография знаменитой московской «Гнесинки» началась на Собачьей площадке!

Наверное, настала все же пора объяснить необычное для современной географической карты Москвы слово «площадка».

Загадки никакой тут нет. Просто так — *площадками* — издревле называли на Москве городские площади, большие и малые. Между прочим, Собачья площадка в качестве примера уменьшительного к слову «*площадь*» (...«в городах, незастроенный простор, шире улиц, майдан») попала и в знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. Иначе только, что Даль выбрал поверхностное объяснение смысла этого интересного словосочетания: «*Собачья площадка*, в Москве, где торговали собаками» (т. 3, СПб.— М., 1882. С. 130). Впрочем, толкование в словаре географического названия является редкостью: для Даля такие слова — топонимы — имели всегда не главное значение. Хотя сам его словарь для специалистов, исследующих истоки названий, их основу и родство, — просто бесценен.

Если для современного москвича, особенно — молодого, слово «*площадка*» ассоциируется с такими привычными и устойчивыми словосочетаниями как, например, «*спортивная площадка*», «*волейбольная площадка*», «*детская площадка*» и др., то для жителя старинной Москвы оно было синонимом слова «*площадь*», а иногда — и «*торг*», «*торговище*», «*рынок*». Об этом свидетельствуют архивные материалы, в том числе — планы и схемы старой Москвы. О том, что *площадок-площадей* предки наши, москвичи, знали не в пример больше нас, можно прочитать и в трудах москвоведов прошлого: «Говоря о полях и лугах, коснемся здесь *площадей*, или *полых мест* в Москве, к коим приурочивались церкви и другие здания. На этих ровных, полых, незастроенных местах бывали торг, сходбище народа, объявление через бирочей Царских указов и торговые казни; по сему их значение в городской жизни было торговое и юридическое. В Кремле известны *Ивановская* и *Царская*, *Боярская площадка*, в Китай городе: *Троицкая*, *Васильевская* у ц. Василия блаженного, *Большое торговище* или *Ильинская*, *Красная*, или *Лобный рынок* с Лобным местом, где до XVIII в. стояло 15 церквей с кладбищами, *Каруинская* против Биржи,

у стены городской *Старая* и *Новая*; в Белом городе: *Старая конская площадка* у Спаса на Глинницах, *Варварская* за Варварскими воротами, *Лубянская большая* и *малая*, *Житная площадка* при церкви св. Анастасии, бывшей там до 1793 г., *Озотная*, *Мозговая*, далее *Моисеевская*, на Тверской...» (Снегирев И. М., Москва: Подробное историческое и археологическое описание города. Т. I. М., Изд. А. Мартынова. 1865. С. 99).

Историческая мотивировка топонима *Собачья площадка* связана с устойчивым преданием, согласно которому здесь находился «царский двор», на котором содержались своры собак для царской охоты. Известный знаток истории и топонимии Москвы П. В. Сытин к такому толкованию названия приарбатской площади в одной из своих книг добавлял также, что сама Собачья площадка-площадь образовалась только в конце XVIII века, а кроме нее одно время существовал еще и Собачий переулок (Сытин П. В. Прошлое Москвы в названиях улиц. Изд. 2-е. М., Мос. рабочий. 1948. С. 55). Некоторые историки считали, что двор, на котором держали собак, существовал здесь в XVI–XVII веках.

На первый взгляд может показаться: не слишком ли необычна подобная мотивировка для названия старомосковской площади? Собаки... Царский двор... Царская охота...

Оказывается, ничего необычного или исключительного (и посему неправдоподобного) в таких исторических причинах, обстоятельствах возникновения топонима вовсе нет. Более того: наименование *Собачья площадка* не только органично вписывается в многозвучие московской топонимии уникального и богатого собрания реальных свидетельств о жизни, занятиях, промыслах, традициях, географии, речи старинной Москвы, но и имеет совершенно конкретных «собратьев» по мотивировке, по тематической подгруппе. Так, при царском дворе была и птичья, и зверовая охота: ее обеспечивала целая «армия» егерей, сокольников (и их помощников), псарей. Память об этом в топонимии Москвы сохранилась не в одном, а в нескольких названиях. Есть в современной столице Егерская улица неподалеку от станции метро «Сокольники». Существует и Охотничья улица – там же, в Сокольниках. Разумеется, и сам топоним *Сокольники* во всех его вариантах.

Если без особого труда можно догадаться, что несколько улиц Соколиной Горы в московском Измайлове тоже имеют прямое отношение к охоте (что верно: в XVII веке здесь, на потешном Соколином дворе, содержались охотничьи соколы и кречеты), то вот названия улицы Ширяев Поле и двух Ширяевских улиц, Большой и Малой, без специального экскурса в историю тайну своего рождения не откроют. Оказывается, эти топонимы тоже свидетели охотничьей страсти венценосных правителей России. Ширяевым Полем в окрестностях старой Москвы была названа целая местность: здесь во время одного из выездов на охоту царя Алексея Михайловича насмерть разбился его любимый сокол по кличке *Ширяй*... Так повествует предание.

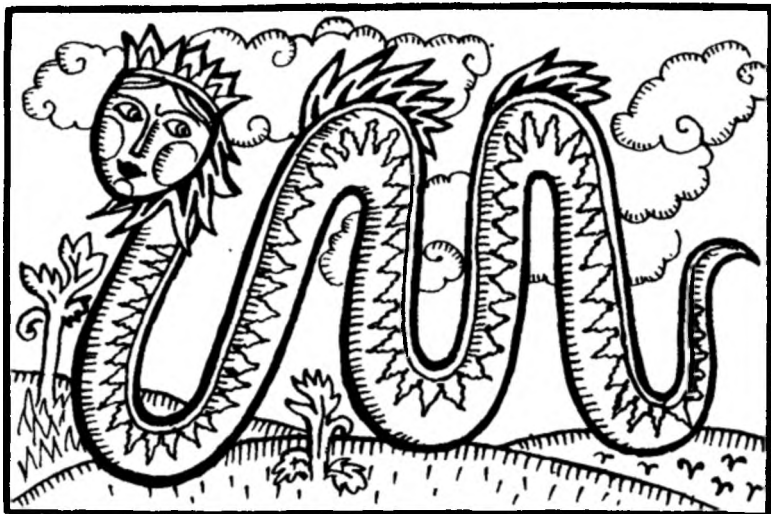
Примеры можно продолжать – вспомнить и некоторые переименованные улицы или же те, имена которых исторически связаны с понятием *огата*, но не напрямую, а косвенно. В число их входит, например, известная, уникальный и чисто московский топоним *Охотный Ряд*. Как хорошо, что наконец удалось его восстановить (произошло это в первых числах ноября 1990 года...) – теперь вместо срединной части медноголосого в лице чужого проспекта Маркса в центре нашей Москвы вновь существует улица Охотный Ряд!

Но Собачьей площадке вернуться не суждено...

Так получилось, что мои раздумья о судьбе этого уголка Москвы и его имени неоправданно затянулись. Но только ли об их судьбе мы вместе с вами размышляли?!

Густой, пахучий веинный клей
Московских смольных тополей
Я обоняю в снах разлуки
И слышу ласковые звуки
Давно умолкших окрест слов,
Старинный звон колоколов.
Но на родное пепелище
Любить и плакать не приду:
Могил я милых не найду
На перепаханном кладбище.

В этих великолепных строках Вячеслава Иванова сказано очень многое, что мне, разумеется, никогда не будет под силу выразить. Московская Собачья площадка – давно умолкло и твое имя.

Что мы знаем о *ехидне*?

О. В. Белова

Давайте спросим друг друга, уважаемые читатели: «Что значит слово *ехидна*, какое существо носит это имя?» Вероятно, некоторые вспомнят о необычных сумчатых животных – австралийских ехиднах. Знатоки древнегреческой мифологии назовут Ехидну, полудеву-полузмею, родоначальницу других чудовищ – пса Кербера, лернейской гидры, химеры. Но многие все же отметят, что для них слово *ехидна* означает в разговорной речи прежде всего злобного, коварного человека. Именно с этим значением (отмеченным большинством словарей как «переносное») связаны такие родственные слова, как *ехидничать*, *ехидствовать* – «зло насмеяться над кем-нибудь», *ехидный* – «язвительный коварный», *ехидство* – «злоба, язвительность, коварство».

Если обратиться к истории русского языка, то можно убедиться, что и для наших предков слово *ехидна* было совсем не однозначным. С этим именем соотносились представления о самых разнообразных существах. Оно вводило человека в круг многочисленных ассоциаций, связанных как с библейскими текстами, так и с народными верованиями. Попробуем же разобраться с этим многозначным наименованием и с теми зооморфными персонажами, к которым это наименование прилагалось. Слово *ехидно* в русском языке является заимствованием из греческого и означает ядовитую

змею. Именно это значение закреплено в оригинальных древнерусских памятниках XIV–XV вв. Так, «Речь тонкословия греческого» (словарь-разговорник XIII–XIV вв., составленный русским автором) в разделе «о зверех» определяет *ехидну* как змею: «змия пестрая, ехидна» (Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1896. Вып. 114. С. 12).

Подобное определение находим и в статье «От Шестоденца избрано о животех», по списку XIV в.: «Ехидна змия. лютьшии в гадѣхъ. зоветь свистомъ морскую муруну. и сплѣтаетьс(я) с нею» («Древности». Труды Славянской Комиссии Имп. Московского Археологического Общества. М., 1902. Вып. 3. С. 52–53). Представление о *ехидне-змее* укрепилось в русском языке и под влиянием Священного Писания (см. Евангелие от Матфея, III, 7; XXIII, 33; от Луки, III, 7). Не случайно составители древнерусских энциклопедических словарей-азбучников постоянно включали в толкование слова *ехидна* (змея) отсылки к тексту Евангелия от Луки: «ищет(ся) в толковании святаго евангелия еж(е) от лук(и) ... гла(голюще) Иоан приходящим пародом. изчадия ехиднина кто сказа вам бежа(ти) от будуща(го) гнѣва» (азбучовник XVII в., ГБЛ, собрания Д. В. Пискарева № 198, л. 55об. – 56). Иногда слово *ехидна* могло толковаться как «ящерица». Такое определение дает Памва Берында в своем «Лексиконе славеноросском» 1627 г. (с. 403).

Однако в азбучовниках *ехидна* – это уже не только змея, но некое зооморфное существо, наполювину человек, наполювину крокодил, со змеиным хвостом: «Ехидна змия велии велика, от главы до пояса яко ж есть львица. от пояса ж коркодилов образ имат. имат хобот велии змиев» (азбучовник Д. В. Писарева, № 198, л. 55 об.). Такое описание *ехидны* азбучовники могли заимствовать из текста древнерусского «Физиолога», где о *ехидне* говорится: «Фисилогъ рече о ехиднѣ. яко мужеско лице иматъ мужъ. а жена женъска. до чрьсь имуть человеческъ образъ а ошибъ же иматъ до конца коркодилову» (Карнеев А. Материалы и заметки по литературной истории «Физиолога». СПб., 1896. С. 217).

Образ *ехидны* в «Физиологе», вероятно, восходит к греческой мифологии, к уже упомянутой деве-змее, породившей чудовищ. «Физиолог» рассказывает о злонаравии ехидны: жена убивает мужа, а дети, рождаясь, прогрызают чрево матери. Один из ранних (XV в.) русских списков «Физиолога», дававший свойствам описываемых животных символические толкования, сравнивает ехидну с фарисеями (там же. С. 217–218). Толкование основано на тексте Евангелия от Матфея, III, 7. Впоследствии представление о злобности и коварстве ехидны стало соотноситься не только с библейским текстом, но было перенесено и в область человеческих взаимоотношений. В «Слове о рассечении человеческого естества» (XVII в.) *ехидна* – это образ человека, воздающего злом на зло, дающего волю злым делам и помыслам. («Древности», с. 71).

Что же касается объяснения самого названия *ехидна* в «Слове», то из него читатель неожиданно узнаёт, что «ехидна словенскимъ языкомъ зваголется черепаха», и что «ищут о лютомъ зрънии сице»: «зрящи, яко

ехидна изъ черепины». Не здесь ли истоки всем известного выражения «ехидный взгляд»?

Далее «Слово о рассечении человеческого естества» излагает не менее любопытные сведения о ехидне-черепахе: «Сия черепаха такова есть: егда кто у нея дѣти повредитъ, она же его далеко изыщеть и сдом со своимъ уморяеть, а еще кто дѣти ея отычетъ колюемъ, она же принесеть корень, и все колне выпрядаеть вонъ» (там же. С. 71). Иными словами, ехидна черепаха настигает разорителя своего гнезда и «отравляет» его, а также знает некий корень, с помощью которого можно разрушить любые ограды.

Н. Н. Дурново, исследовавший «Слово о рассечении человеческого естества», отметил, что источники этого сюжета о ехидне ему не известны («Древности», с. 99), но указал, что мотив «открывания» гнезда черепахой встречается еще в одном древнерусском памятнике — статье «От Шестоденца избраво о животех» (XIV в.). В этой статье читаем: «Жлы (церковно-слав. черепаха - *О. Б.*)... гнѣздо свое затворено отверзаеть» (там же. С. 51). Источником статьи «От Шестоденца...» является Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, составленный на основе греческого Шестоднева Василия Великого. Но в нем (как и в греческом тексте) ничего не сообщается о способности черепахи *жлы* отворять гнездо! Вероятно, указанное свойство черепахи (*ехидны*) — это вставка, сделанная под влиянием народных представлений о животных.

У славян широко бытует поверье о том, что некоторые звери и птицы (дятел, еж, черепаха) умеют находить «разрыв-траву», с помощью которой они разрушают ограду, поставленную человеком вокруг их гнезда. Человек, завладевший «разрыв-травой», получает возможность отмыкать и разбивать замки. Легенды о том, что именно черепаха приносит «разрыв-траву» для освобождения своих детей, распространены в южной России, на Украине, в восточной Сербии и в западной Болгарии.

Как же попала народная легенда в древнерусские литературные памятники — в статью «От Шестоденца...» и впоследствии в «Слово о рассечении...»? Однозначного ответа на этот вопрос пока нет. Но обращает на себя внимание тот факт, что древнейший из известных списков статьи «От Шестоденца...» (XIV в.) принадлежал Троице-Сергиеву монастырю. А ведь именно эта обитель, в период так называемого «второго южнославянского влияния» (конец XIV в.) поддерживала оживленные связи с Афоном и Константинополем, а то время центрами южнославянской книжности (см. Сперанский М. Н. Русские памятники письменности в югославянских литературах XIV-XVI вв. // Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1969. С. 57). Наличие легенды о черепахе и разрыв-траве в древнерусском тексте может объясняться присутствием среди русских книжников выходцев из южных областей славянского мира.

Вернемся к ехидне-черепахе. Свойство отравлять разоряющих ее жилище может быть, конечно, соотносено с представлением о ядовитой ехидне-змее. Но интересно отметить, что украинцы, например, считали

черепахи настолько ядовитой, что от ее укуса не помогал даже заговор: «Од черепахи нема шентухы» (Ермолов А. С. Животный мир в воззрениях народа. СПб., 1905. С. 406). В украинской присказке о споре ящерицы, гадюки и черепахи последняя доказывает силу своего яда тем, что говорит: «А я як укушу, то буда заступ, да лонаточка, да новая каточка», т. е. смерть, могила (Заглада Н. Побут селянської дитини. Київ, 1929. С. 141).

И по сей день в украинском Полесье бытует поверье о том, что черепаха — это превращенная змея. Панцирь дан ей в наказание за то, что она вредила людям: «Чоропаха — то была змаїа. Она летала да людей йела. Го на йе казали так: то йесли ты йела людей, то на тобѣ черепа» (Полесский архив Института славяноведения и балканистики АН СССР; с. Возвнчи Овручского р-на Житомирской обл., 1981 г., запись М. Павловой).

Итак, *ехидна змея*, *ехидна-ящерица*, *ехидна черепаха* и *ехидна-чудолице* обозначали совершенно разных существ с причудливыми, порой фантастическими свойствами. Многозначность на лексическом уровне доподлинно была символическими значениями слова, основанными на метафорическом, «приточном» употреблении слова *ехидна* в древнерусских текстах. Переносное значение слова *ехидна* оказалось самым стойким, укоренилось в современном языке.

Путч, бунт и другие

Л. П. Крысин,

доктор филологических наук

Не приведи Бог видеть русский бунт - бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные переороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка - по лущка, да и своя шейка копейка.

А. С. Пушкин

Слово *путч* заимствовано русским языком из немецкого (нем. Putsch) сравнительно недавно - по-видимому, в 10-20-е годы XX века. Оно упоминается среди заимствований, вошедших в русский язык на рубеже нынешнего и прошлого веков в книге «Лексика русского литературного языка XIX - начала XX вв.» (М., 1981). Однако в приведенной здесь цитате из «Справочной книги социалиста» (1906) это слово дано только в оригинальном написании Putsch без его русской транскрипции - такая транскрипция осуществилась позднее. Заслуживает внимания дата, которую помечено время заимствования слова французским языком: 1925 год, - в словаре Робера (Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue Française, par P. Robert. Paris, 1973).

Слово *путч* долгое время употреблялось главным образом применительно к зарубежной действительности. В толковых словарях оно имеет следующие определения: «попытка государственного переворота, организованного группой заговорщиков, а также сам такой переворот» (Словарь русского языка С. И. Ожегова, изд. 24-е); «авантюристическая попытка группы заговорщиков произвести государственный переворот» (Малый Академический Словарь, изд. 2-е).

Во втором из этих двух толкований важный смысловой компонент: «авантюристическая», дающий негативную оценку действию, обозначаемому этим словом. Если расшифровать этот смысловой компонент, то получится: *путч* - это нечто, осуществляемое в нарушение принципов права и морали, рискованное, рассчитанное на случайный успех (сравните с толкованием слова *авантюра* в том же академическом словаре: «беспринципное рискованное предприятие, дело, начатое без учета реальных сил и условий, в расчете на случайный успех»).

Этот компонент значения отличает слово *путч* от других слов, входящих в ту же тематическую группу. *бунт, мятеж, переворот, восстание, революция*. Последнее - *революция* - «антипод» слова *путч* с точки зрения заключенной в его смысле оценки: это оценка со знаком «плюс». Вот как толкует слово *революция* Словарь С. И. Ожегова: «коренной переворот в жизни общества, который приводит к ликвидации отжившего обще-

ственного и политического строя и передаче власти в руки передового класса» (выделено мной. — Л. К.). Впрочем, отжившим разрушаемый строй может казаться лишь людям, совершающим революцию, а реально он становится таким только в результате революционного переворота.

Слово *восстание* также связывается в сознании носителей русского языка скорее с положительными эмоциями: восстают угнетаемые против угнетателей. Сравните: «**Восстание** — массовое вооруженное выступление против существующей власти. *В. племен. Вооруженное в. пролетариата*» (С. И. Ожегов); «**Восстание** — массовое вооруженное выступление для защиты своих классовых или национальных интересов. *Крестьянские восстания*» (Малый Академический Словарь). Заметим, что второе толкование несколько суживает смысл слова, не учитывая такие контексты, как *восстание пленных в концлагере, восстание в тюрьме* и т. п.

Обратите внимание: восстание отличается от путча массовостью участвующих в нем людей (сравните «массовое вооруженное выступление» и «попытка группы заговорщиков» — в приведенных толкованиях слов *восстание* и *путч*); это не единственное, но важное различие двух этих слов.

Наиболее нейтральным в приведенном выше ряду является слово *переворот*. Недаром оно используется в качестве элемента толкований других слов этого ряда (*путч, революция*). Согласно Малому Академическому Словарю, *переворот* в этом значении — это «коренное изменение существующей общественно-политической системы». Ближе к толкованию слова *революция*, не правда ли? Однако *революция* осознаётся, скорее всего, в «положительном» смысле (если мы не одобряем этого действия, то не употребим и слова *революция*, подыскав другое), а переворот может оцениваться по-разному: если он незаконный, антиконституционный, то это — *путч*, если поддерживаемый прогрессивными силами общества, большинством народа, то, возможно, — *революция*.

Нелишне, однако, подчеркнуть тот факт, что до недавнего времени мало кто из наших историков и политических деятелей отваживался называть Октябрьскую революцию *переворотом*: это слово как бы припечтало эпохальное событие, ограничивало его масштабы (между тем, в действительности совершённая относительно небольшой группой заговорщиков, Октябрьская революция весьма близка к тому, что соответствует значению слова *путч*, и уж во всяком случае не противоречит смысловому содержанию слова *переворот*).

Слова *бунт* и *мятеж* среди перечисленных выше слов, пожалуй, семантически самые своеобразные.

В современных словарях эти два слова приравнены в своих значениях, то есть даются как синонимы. Так, в Малом Академическом Словаре: «**Бунт** — стихийное восстание, мятеж»; «**Мятеж** — стихийное восстание, а также вооруженное выступление в результате заговора против государственной власти; бунт»; в Словаре С. И. Ожегова: «**Бунт** — стихийно возникшее восстание, мятеж»; «**Мятеж** — стихийное восстание, вооруженное выступление против власти».

Однако вспомним точное и верное наблюдение Р. Бернса, мастерски переданное на русский язык С. Я. Маршакom:

Мятеж не может кончиться удачей:
Когда он победит, его зовут иначе...

как же? Например, *революция* или *переворот*. Даже путч может быть успешным: именно таким был он, например, в Чили в 1973 году.

По всей видимости, при толковании слова *мятеж* должен быть учтен еще один смысловой компонент: «обреченное на неудачу вооруженное выступление против власти».

Кажется, что и слово *бунт* осознается говорящими по-русски так же как стихийное восстание, протест, заранее обреченные на неудачу (вспомним образное выражение *бунт на коленях* - робкие попытки борьбы, обреченные на неудачу). Кстати, слово *бунт* в русский язык пришло из польского, где *bunt* - результат заимствования немецкого *Bund* «союз, объединение» (значение «стихийное восстание» возникло из сочетаний типа *einen Bund machen wider* «объединиться против...» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. I).

Однако, как представляется, между словами *бунт* и *мятеж* есть по крайней мере одно смысловое различие. Бунт поднимают всегда в ответ на притеснения, гнет, на несправедливое обращение и т. п., то есть это как бы реакция «низов» на невыносимые условия, которые созданы для них «верхами». При этом речь может идти не обязательно о протесте в государственном масштабе: бунт может подниматься и против правительства, и против местного начальства. Протест - вот основное содержание бунта, конечные же «положительные» цели его не ясны (или не вполне ясны) бунтующим. Недаром характерные признаки бунтов - это разные виды разрушительной деятельности: поджоги, грабежи, убийства и т. п.: «По всему уезду и губернии начались бунты и у какого-то барина спалили все поместье» (Ф. Гладков).

В значении слова *мятеж* смысловые акценты расставлены несколько иначе: хотя это, как и бунт, стихийное восстание и, стало быть, протест против существующей власти, действие это целенаправленно - участники мятежа стремятся к свержению власти. При этом употребление слова *мятеж* уместно в условиях протеста против государственной власти.

Таким образом, каждый член лексического ряда, приведенного в начале заметки, имеет свои смысловые особенности и оттеняет различные свойства деятельности, направленной против государственной или какой-либо иной власти.

Что называют «русским» русские и иностранцы?

С. Л. Сахно

Слово *русский* встречается во многих словосочетаниях, обозначающих типичные для русского народа предметы быта, одежду, блюда: *русская печь, русские сапоги, русский сарафан, русский квас*. Пожалуй, каждый из нас знает, что *русской рубашкой* называют верхнюю мужскую рубашку навыпуск с застегивающимся сбоку воротом, то есть косоворотку. Но менее известно, что в старину так называлась и женская рубашка без ворота.

А что такое *русский сарафан*? Этот вопрос кажется на первый взгляд очень легким. Достаточно посмотреть на любое изображение русского женского костюма. На самом же деле на Руси не любой сарафан называли *русским*, а только обложенный спереди в два ряда гарусной тесьмой, с пуговицами посередине. Были еще такие виды сарафанов, как *московский, круглый, клинчатый, закрытый*, отличавшиеся от *русского* сарафана кроем и украшениями.

А что же у других народов, в других языках может называться *русским*? Здесь мы находим немало удивительного. Оказывается, они нередко называют этим словом то, что мы никогда не обозначаем таким образом. Так, для говорящих по-английски *русские сапоги* (Russian boots) — это прежде всего сапоги с широкими, свободно облегающими ногу голенищами (разной длины). А для русских *русские сапоги* — это сапоги с голенищами до колен.

Очень удивляют наши соотечественники, приезжая во Францию, когда слышат французское словосочетание *salade russe* — буквально *русский салат* — и пробуют обозначаемое им блюдо. Оказывается, что французы называют *русским* заправленный майонезом салат из вареных овощей — примерно то, что мы называем красивым иностранным словом *оливье*. Иногда под *русским* салатом скрывается хорошо нам известный *винегрет*, заправленный растительным маслом. Такие же блюда называются Russian salad и в англоязычных странах.

Не менее будут удивлены французы, услышав, как мы называем соответствующее блюдо словом *винегрет*. Ведь *винегрет* — заимствование из французского *vinaigrette*, которое происходит от *vinaigre* «уксус» — это ран салатная приправа из растительного масла, уксуса, перца, а само слово *vinaigre* образовано из *vin* — «вино» и *igre* — «кислый» (из пересвистшего вина получали винный уксус).

Русским чаем (Russian tea) в Англии называют чай с лимоном. Во Франции *русским чаем* или *чаем по-русски* называют обыкновенный чай без всяких добавок. Существует *чай по-английски*, подаваемый с молоком или сливками. Но почему именно *русский чай*? Ведь и на Востоке чай предпочитают пить без молока. Дело в том, что в «кофейной» по преимуществу Европе четко выделяются две «чайные» страны, находящиеся на противоположных «окраинах» континента — Англия и Россия. Поэтому в культурно-языковом сознании французов *русский чай* оказался противопоставлен *английскому*.

Мы говорили о неизвестном у русских *русском салате*. Точно так же французы не называют *французским* то, что мы обозначаем этим словом. Люди старшего поколения помнят, что когда-то в наших булочных продавались *французские булки* — потом они были переименованы в *городские*. Конечно, сами французы у себя дома никогда не называли и не называют подобный хлеб *французским*.

Кстати, название *французский хлеб* в России было связано, как отмечает В. И. Даль, с хлебом из «крупчатой» муки (то есть белой мукой самого тонкого помола), который покупали в булочной. Такой хлеб (его называли также *немецким*) отличался от распространенного в то время хлеба домашней выпечки из муки грубого помола.

А вот еще очень характерный пример. Мы говорим *уйти по-английски* в значении «уйти, не попрощавшись», но не все знают, что это выражение пришло к нам из французского языка и что сами англичане в таких случаях произносят нечто прямо противоположное — *уйти по-французски*. Французы и англичане издавна вели войны между собой, испытывая взаимную неприязнь, принимая друг друга невежливостью.

Чужой язык часто оценивается отрицательно. Так, во Франции говорят о чем-либо трудном и непонятном: *это прямо немецкий язык*, а русские говорят обычно в таком значении *китайская грамота*.

Особый интерес представляют «чужие» для нас предметы и явления, которые свойственны культуре и традициям другого народа. Парадоксально, что некоторые «чужие» слова оказываются «своими» для нас с точки зрения их происхождения. Например, слыша слово *бистро*, мы понимаем, что речь идет о типичном французском кафе. Существует предположение, что во французский язык слово *bistro* пошло из русского примерно в 1815 году, когда русские войска были в Париже (рассказывают, что русские казаки заходили в кафе и требовали обслужить их побыстрее, говоря: «Быстро, быстро», — во французском произношении это слово стало звучать как *бистро*). Кстати, теперь под таким названием появились кафе у нас.

Язык — это живой организм. Как все живое, он постоянно находится в движении и во взаимодействии с другими языками. Слова и выражения, переходя из одного языка в другой, незаметно становятся «своими среди чужих и чужими среди своих».

«Меня очень интересует, почему мы с близкими знакомыми разговариваем на „ты“, а с незнакомыми – на „Вы“?»

П. М. Рыбак, Даугавпилс

Личное местоимение 2-го лица *вы*, являясь формой множественного числа местоимения *ты*, издавна употребляется также как вежливая форма по отношению к уважаемому человеку. Явление это типологическое, т. е. присущее многим языкам, в частности таким древним, как латынь и греческий. Дипломатический придворный этикет требовал, чтобы официальные лица обращались друг к другу на *вы*, называя себя при этом *мы*, т. е. тоже формой множественного числа, но на сей раз личного местоимения 1-го лица.

Славянские языки, и в их числе древнерусский, усвоили данную традицию, вероятно, через византийское посредничество. Уже в памятниках XIV в. в актах великокняжеской переписки встречаются подобные устойчивые обороты: «*Мы* Юрьи Святославичъ, князь великий Смоленский... поведати *вамъ*, *нашему* брату, абы то ведали *вы*...» (Договорная грамота 1386 г.)

Говори о себе *мы*, правитель выступал как представитель некоей общины, выразитель интересов рода – т. е. за его *мы* стоит воля его народа.

Но этой же логике обращение князя к равному себе, к правителю другого княжества, требовало использования местоимения *вы*. Позже, так же в официальном стиле, местоимение *вы* закрепилось в качестве вежливого обращения к собеседнику независимо от его «величия». Тогда же, вероятно, *Вы* стали писать с прописной буквы – графическое выражение почтения (ср. Бог, Ваше Величество и т. п.) и различать *вы* как форму множественного числа и *Вы* как знак вежливости в функции единственного числа.

Но наиболее интересной с точки зрения истории языка, да и истории культуры, является проблема взаимоотношений высокой, официальной традиции, пришедшей из Византии, и народной языковой стихии. А суть проблемы заключается в том, что в народном сознании *я* и *ты* всегда связывались с идеей единичности, *мы* и *вы* – с идеей множественности.

Заямствованный из византийского придворного этикета манера величания сановных персон соответственно *мы* и *вы*, видимо, наиболее явно проявлявшаяся в период Киевских и удельных князей, была чужда народному языку. В рамках собственно русской языковой традиции более естественным было использование местоимения *ты* даже и в обращении к князю: «Тебе, княже, кланяемся, не ходи к нам» (Псковская летопись I, 1228 г.). В период Московского царства данная традиция была упрочена.

Возобновление использования местоимений *мы* (в меньшей степени) и *вы* при обращении к одному лицу следует отнести, вероятно, к петровской и в особенности, послепетровской эпохе, когда наметился резкий поворот общества к Западу и к западной же куртуазности (где данная традиция не прерывалась со времен античности).

Искусственность обращения на *вы* к одному человеку с точки зрения «простого» народа хорошо видна в речи персонажа комедии Фонвизина «Недоросль» Стародума: «Служил он Петру Великому. Тогда один человек назывался ты, а не вы. Тогда не знали еще заражать людей столько, чтобы всякий считал себя за многих». Примечательно, что даже такой выдающийся филолог, как В. И. Даль, форму вежливого обращения *мы* трактует через идею множественности: «Употребляется и говоря с одним лицом, из вежливости, как бы относясь к человеку, который один стоит многих». Такое «раздвоенное» восприятие местоимения *вы* наблюдается и до сих пор.

Использование местоимения *ты* при обращении к незнакомому или малознакомому человеку сейчас воспринимается как недостаток культуры, ср. комментарий, помещенный в Словаре современного русского литературного языка в 17 тт.: «Ты употребляется при обращении к близкому человеку или к какому-либо лицу при грубом, фамильярном обращении» (Т. 15, 1185). В любом случае официальный стиль требует использования местоимения *Вы* (ед. ч.) и *вы* (мн. ч.).

Е. С. Павлова,
сотрудник Института русского языка
РАН

ЧЛЕНИМОСТЬ И ПРОИЗВОДНОСТЬ СЛОВА

А. Н. Тихонов,

доктор филологических наук

С точки зрения морфемного строения все слова русского языка делятся на нечленимые и членимые. К нечленимым относится неизменяемые непроизводные слова. Они состоят только из корня. Таковы наречия типа *сюда, туда, везде, там, вчера, теперь* и т. п.; безлично предикативные слова: *можно, нельзя, жаль, надо, basta, каюк, канут* и т. п.; несклоняемые существительные: *бра, кенгуру, авеню, атташе, пианино* и т. п.; несклоняемые прилагательные: *хаки, беж, коми* и т. п.; междометия: *цыц!, ай!, уф!, ау!, вои!, тьфу!, ого!, ура!, увы!, ах!* и т. п.; звукоподражания: *мяу, кукареку, хрю* и т. п.; служебные слова: 1) предлоги: *над, для, мимо, вдоль, при* и т. п.; 2) частицы: *даже, ведь, вот, разве, почти, именно* и т. п.; 3) союзы: *ибо, едва, чтобы, а, но, да, или, если* и т. п.; некоторые формы изменяемых слов: исходные формы местоимений: *кто, что, я, мы, ты, вы, этот, тот...*; инфинитивы на *-чь*: *петь, teach, лечь, влечь* и т. п.

К членимым относятся все изменяемые непроизводные слова: *рек-а, дерев-о, жук-о* (ср.: *жук-а, жук-у*; *о* — нулевое окончание); *смел-ый, боя-ый; тер-е-ть* (ср.: *гр у, тр-ешь*), *леж-а-ть* (ср.: *леж у, леж ишь*), *себ-я* (ср.: *соб ой, себ е*); *дв а* (ср.: *дв ух, дв ум*), *тр и* (ср.: *гр ел, гр ем*). Кроме корня, в них вычленяется окончание.

Членимыми являются все производные слова: *кис-ля-ть* (ср.: *кис/нуть*), *кис-ленький, кис-я оват-ый, кис-л-от-а, кис-л-от-и-ый, кис-л-от-и-ость-о, окис-я и-тель-о, с кис-о-ть-ся; кле и-ть, кле и-ль-щик-о, кле-й-к оват-ость-о, в-кле-ива-ть-ся, за-кле-ива-ть-ся, с-кле-ива-ль-щик-а; лед-оч-ек-о, лед-ов-ый, лед-ен-ист-ый, за-лед-ен-е-лость-о, аяги-об-лед-ен-и-тель-о, об-лед-ен-е-вать* и т. п.

К производным относятся слова, которые образованы от других слов: *вод-и-ца* (образовано от *вод а*); *при-внук* (от *внук*), *под-вод-и-щи* (от *вод а*), *пере-вяза-ть* (от *вяза-ть*) и т. д. Значит, основная особенность производных слов — это наличие у них производящих слов.

Производящее и производное образуют словообразовательную пару: *вяза-ть — при-вяза-ть, вяза-ть раз-вяза-ть, вяза-ть от-вяза-ть, вяза-ть) вяза-ка; вяза-ть) вяза-льщик; связа-ть) связа-лка*.

Производные слова противопоставлены непроизводным. К ним относятся: *дом, лес, ручей, один, рыжий, всякий, читать, сидеть, петь* У них нет производящих слов.

В русском языке преобладают производные слова. По нашим подсчетам, в нем на 145 000 лексем приходится более 126 000 производных слов.

Однако не вся лексика легко распределяется между непроизводными и производными словами. В современном русском языке значительный пласт составляют слова, которые обладают как признаками непроизводных, так и производных слов. Это прежде всего слова с так называемыми связанными корнями. Связанными являются корни, которые употребляются только в сочетании со словообразующими аффиксами — суффиксами и префиксами. В зависимости от того, с какими аффиксами связаны такие корни, они делятся на три типа:

1) корни, связанные с суффиксами: *тур-изм, тур-ист; эго-изм, эго-ист; жр-ец, жр-ица; говяд-ин-а, говяж-ий;*

2) корни, связанные с префиксами: *об-у-ть, раз-у-ть; в-прячь, вы-прячь, за-прячь, от-прячь, пере-прячь, при-прячь, под-прячь, рас-прячь;*

3) корни, связанные с префиксами и суффиксами: *вы-стег-ну-ть, за-стег-ну-ть, от-стег-ну-ть, пере-стег-ну-ть, под-стег-ну-ть, при-стег-ну-ть; в-ключ-и-ть, вы-ключ-и-ть, от-ключ-и-ть, пере-ключ-и-ть, под-ключ-и-ть, при-ключ-и-ть.*

Аффиксы, сочетающиеся со связанными корнями, обладают теми же словообразовательными значениями, какие они выражают, присоединяясь к свободным корням. Ср.: *говяд-ин-а* и *свин-ин-а, баран-ин-а, осетр-ин-а, фазан-ин-а; говяж-ий* и *коров-ий, баран-ий, верблюж-ий, медвеж-ий; тур-изм* и *рас-изм, символ-изм, путч-изм; тур-ист* и *рас-ист, символ-ист, путч-ист; в-ключить* и *в-крутить, в-ставить, в-ложить, в-монтировать; вы-ключить* и *вы-ставить, вы-ложить, вы-крутить* и т. п. Это сближает слова с связанным корнем и производные слова: и в тех и в других выступают полноценные словообразовательные аффиксы.

Но в отличие от производных слов у слов со связанным корнем отсутствуют производящие. Например: *свинь(я) — свин-ин-а, баран — баран-ин-а, но: говяд-ин-а* (нет производящего); *коров(а) — коров-ий, баран — баран-ий, но: говяж-ий* (нет производящего).

Слова со связанным корнем часто возникают в результате утраты своих производящих. Так, выход из употребления корневого глагола *бавить** привел к тому, что все его приставочные производные оказались глаголами с связанным корнем. Ср.: *до-бавить, на-бавить, от-бавить, при-бавить, с-бавить, у-бавить.*

В языке таких случаев немало. Постепенная изоляция корневого слова от родственных и выход его из активного употребления или полная утрата ведет обычно к ослаблению родственных связей между различными его производными. Это создает трудности в определении их формально-семантических отношений. Отсюда разное понимание и неодина-

ковая трактовка структуры ряда слов в различных морфемных и словообразовательных словарях, в учебниках и пособиях для школ, техникумов и вузов. Так, большой разницей наблюдается в определении родственных связей и отношений, в истолковании морфемного состава и словообразовательной структуры слов *счет, счеты, расчет, учет, недочет, начетчик, бессчетный, зачетный, вычет, счетчик, перерасчет, расчетный, учетный, считать, вычесть, высчитать, засчитать, рассчитать, пересчитать* или *вкус, вкусный, искусный, искусство, искутить, искуситель, закуска, закутить, кушать* и т. п.

В четырехтомном «Словаре русского языка» (М., 1980–1984. Толкование слов и далее дается по этому словарю) зафиксировано три омонима: *честь*¹ «совокупность высших морально-этических принципов личности. *Дело чести. Клясться честью*»; *честь*² «Устар. Признавать, считать. [Фуфайкин:] *Вы, стало быть, с разбором, а меня и за человека не чтеге?* Невежии. *Друзья детства*»; *честь*³ «Устар. Читать. — *У нас в деревне был солдат Африкан, так тот, бывало, как начнет псалтырь честь... ровно барабан бьет... Ловко читал!* М. Горький. *Дело с застешками*». Ни одно из этих слов не имеет отношения к первому ряду примеров (*счет, расчет* и др.), в которых вычленяется корень *-чес-/-чет-/-чит-*, восходящий к утраченному глаголу *честь** («определять количество, сумму чего-л.»), вытесненному некогда однокоренным с ним словом *считать* (*честь — счесть считать*; ср.: *вычесть — вычитать*).

Корневой глагол сохранился только в составе префиксальных производных *вычесть* (вычесть семь из десяти), *зачесть* (засчитать), *начесть* (сделать пачет), *обчесть* (обсчитать), *перечесть* (пересчитать), *причесть* (причислить, присчитать), *расчесть* (рассчитать), *счесть* (счесть деньги). Эти глаголы членимы: они состоят из приставки, корня *-чес-* и суффикса инфинитива *-ть*. Но все они непроеизводны: лишены производящего. Корень в них уже является связанным. И каждый префиксальный глагол имеет свои производные, образует свое гнездо.

На базе глагола *вычесть* созданы формы несовершенного вида *вычит-а-ть* и *вычит-ыва-ть*, существительное *вычет*.

Гнездо *зачесть* включает слова: *зачесть-ся* — *зачит-ыва-ть* 1, *зачит-ыва-ть* — *зачитывать-ся* 2, *зачет* — *зачет-н-ый*, *зачетчик*.

По составу производных все гнезда малочисленны: *начесть*: *начит-ыва-ть*, *начет*; *обчесть*: *обчесть-ся*; *перечесть* — *перечень* — *перечневый*, *перечет* — *на-перечет*; *причесть*: *причесть-ся* — *причит-а-ть* 1, *причит-а-ть* — *причитать-ся* 2; *расчесть*: *расчесть-ся*, *расчет*, *расчетчик*, *расчет-н-ый*, *расчетлив-ый*, *расчетлив-о*, *расчетлив-ость*; *счесть*: *счесть-ся*.

Самое большое гнездо образует глагол *учесть*: *учесть-ся* — *учит-ыва-ть* 1; *учит-ыва-ть* — *учитывать-ся* 2, *учитыва-ни-е* {*учитывание*}; *учет* — *учетчик* — *учет-щица*, *учет-н-ый* — *учетн-о* кредитный, *учетн-о* справочный, *учетн-о* ссудный, *учетн-о* статистический, *учетн-о* экономический, *контрольн-о* — *учетный*, *копир/учет* (ср. *копировать*), *парт/учет*; *недо* — *учесть* — *недо*

учит-ыва-ть – недоучитывать-ся, недоучет; *пере-учеть* – переучит-ыва-ть
переучитывать-ся, переучет – переучет-н-ый.

В современном русском языке исходные префиксальные глаголы уже не входят в ядро лексической системы языка. Большинство их стилистически маркировано. Употребление их ограничено определенными сферами языка: *начеть* (бухг.), *обчеть* (прост.), *перечеть* (разг.), *причеть* (у-тар.), *расчеть* (разг.). Периферийным положением в лексике объясняется пассивная роль их в современном словопроизводстве. В этих гнездах новообразования, как правило, не возникают.

По своему происхождению с корнем *-чес(ть)* связано и слово *счи-тать*, образованное от совершенного *счесть*. Однако в современном русском языке объединение слов *счесть* и *считать* в видовую пару, как это делают иногда составители словарей, вряд ли правомерно. Слабые смысловые связи и сильные стилистические расхождения привели к опроцению глагола *считать*, к почти полной утрате в нем собственно префиксального значения. В синхронной системе более естественны видовые корреляции *считать* – *сосчитать* и *считать* – *посчитать*. Несовершенный *считать* взял на себя функции первичного, исчезнувшего *честь*. В дальнейшем достаточно развитая полисемия, широкая семантическая база обеспечили ему богатые словообразовательные связи и возможности. Гнездо *считать* имеет сравнительно большой круг производных слов: *считать-ся*, *считани-е* [считание]; *счет* – *счет-ея*; *счет-ом* (нареч.); *счет-н-ый* (счетн-о-аналитический, счетн-о-вычислительный, счетн-о-пишущий, счетн-о-репающий, счетн-о-суммирующий, машин-о-счетный, электронн-о-счетный, электр-о-счетный); *бес-счет-н-ый* – *бессчетн-о*; *не-счет-н-ый* – *несчетн-о*, *несчетн-ость*; *счет-о-ведение* (ср.: *вести*), *счет-о-вод* – *счетовод-ств-о* *счетоводчesk-ий* 1, *счетоводчesk-ий* 2, *счетовод-н-ый*; *счет-ы*; *счетчик* I (человек) *счетчик-а*; *счетчик* II (прибор) – *электр-о-счетчик*; *счита-лк-а*; *считани-ый* (прич.-прил.); *вы-считать* – *высчит-ыва-ть* – *высчитывать-ся*, *высчитыва-ни-е* [высчитывание]; *до-считать* – *досчитать-ся* – *досчит-ыва-ться* 1, *досчит-ыва-ть* – *досчитывать-ся* 2, *досчитыва-ни-е* [досчитывание]; *за-считать* I (начать считать) – *за-считать* II (принимать во внимание, зачислять) – *засчит-ыва-ть* – *засчитывать-ся*, *засчитыва-ни-е* [засчитывание]; *на-считать* – *насчит-ыва-ть* – *насчитывать-ся*; *на-считать-ся*; *недо-считать* – *недосчит-ыва-ть*, *недосчита-ни-ый* (прич.-прил.); *недо-считать-ся* – *недосчит-ыва-ться*; *об-считать* – *обсчитать-ся* – *обсчит-ыва-ться* 1, *обсчит-ыва-ть* – *обсчитывать-ся* 2, *обсчитыва-ни-е* [обсчитывание], *обсчет*; *от-считать* – *отсчит-ыва-ть*, *отсчитывать-ся*, *отсчитыва-ни-е* [отсчитывание], *отсчет*; *пере-считать* – *пересчитать-ся* – *пересчит-ыва-ться* 1, *пересчит-ыва-ть* – *пересчитывать-ся* 2, *пересчитыва-ни-е* [пересчитывание], *пересчет*; *по-считать* – *посчитать-ся*, *по-счит-ыва-ть*; *под-считать* – *подсчитать-ся* – *подсчит-ыва-ться* 1, *подсчит-ыва-ть* – *подсчитывать-ся* 2, *подсчитыва-ни-е* [подсчитывание], *подсчет* – *подсчетчик*; *при-считать* – *присчит-ыва-ть* – *присчитывать-ся*, *присчет*; *про-считать* – *просчит-ыва-ть* – *просчитывать-ся* 1, *просчет* I; *про-считать-ся* – *просчит-ыва-ться* 2, *просчет* II; *рас-считать*

(ср.: *расчесть*) – *рассчитать-ся* – *рассчитыва-ть-ся* 1, *рассчитыва-ть* – *рассчитывать-ся* 2, *рассчитыва-ни-е* [рассчитывание], *расчет* – *расчет-ея*, *расчетчик* – *расчет-чиц-а*, *расчет-н-ый* (*расчетн-о*-платежный, *расчетн-о*-технический), *расчет-лив-ый* – *расчетлив-а* – *не-расчетливо* 1, *расчетлив-ость* – *не-расчетливость* 1; *безрасчетлив(ый)* – *безрасчетлив-о*, *безрасчетлив-ость*; *не-расчетлив(ый)* – *нерасчетлив-а* 2, *нерасчетлив-ость* 2; *рас-чет-ист(ый)* – *расчетист-о*; *без-расчет-н(ый)* – *безрасчетн-о*; *не-расчет*; *небез-расчет-н(ый)* – *небезрасчетн-о*; *пере-расчет*; *жиро/расчет* (ср.: *жиро*); *сам-о-расчет* (ср.: *сам*); *хоз/расчет* (ср.: *хозяйство*) – *хозрасчет-н-ый*; *рассчита-нн-ый* (*прич. прил.*) – *рассчитанн-о*, *рассчитанн-ость*, *не-рассчитанный*, *со-счита-ть* – *сосчитать-ся*, *сосчитыва-ть-ся* 1, *сосчитыва-ть* – *сосчитывать-ся* 2, *сосчитыва-ни-е* [сосчитывание]; *у-считать* – *у-считыва-ть* – *у-считывать-ся*, *у-считыва-ни-е* [у-считывание]. В гнезде 140 слов. Судя по составу производных, оно активно развивается, поодниется за счет новых слов.

Все охарактеризованной системы слов с корнем *-чес(ть)* «считать» остается *одиночное слово недочет* «недостаток чего-л., обнаруженный при подсчете». Семантически оно прямо вытекает из значения глагола *недосчитаться* «обнаружить недостаток, отсутствие кого-чего-л. при счете, подсчете». Считать же слова *недосчитаться* – *недочет* словообразовательной парой мешает отсутствие *с* в существительном.

Среди приведенных выше примеров с корнем *-чес(ть)*/*-чет*/*-чит* имеются слова, образованные от омонимичного корневого глагола *честь* «читать», который относится к устаревшей лексике. Этот глагол встречается в сочетании с приставками: *до/честь*, *за/честь*, *пере/честь*, *про/честь*. У всех них имеются более употребительные однокоренные синонимы: *до/читать*, *за/читать*, *пере/читать*, *про/читать*. Живут они в стороне от активных современных лексико-семантических и словообразовательных процессов: *дочесть* – устаревшее и просторечное слово, производных не имеет; *зачесть* и его производное *зачетчик* вышли из употребления; *перечесть* не имеет производных; на базе глагола *прочесть* образованы лишь устаревшие слова *прочесть-ся*, *прочет*.

Что же касается существительного *пачетчик* «устар. человек, много читавший, начитанный (преимущественно в богослужбных, церковных книгах; *перен.* человек, много читавший, по усвоивший прочитанное не критически, формально), то его можно рассматривать как производное от глагола *начитаться*: *пачетчик* (от него образовано *пачет-чиц-а*).

Большие трудности вызывает и анализ слов с элементом *-кус*. Мнения ученых здесь также сильно расходятся. Предложены разнообразные решения. Разбор их занял бы много места, поэтому я ограничусь изложением лишь своей точки зрения.

В современном русском языке этот элемент иногда вычлениют в слове *якус* «ощущение... качество, свойство лица, ощущаемое при еде; аппетит, удовольствие от еды; чувство красивого, изящного, способность эстетической оценки; склонность, интерес, пристрастие к чему-л.», сближая его с глаголом *якусить* (*якушать*) «*вкнжн. устар.* съесть, выпить, отведать; *перен.* *ясыок.* испытать, ощутить, что-л.; изведать». Как видим, семантика

слова *вкус* не вытекает из значения глагола, как это обычно наблюдается в отношениях «глагол - имя существительное» (ср.: *разрезать* - *разрез*, *вырезать* - *вырез*). Тем более нет каких-либо семантических оснований объединять слова *вкус*, *вкусный*, *искусный*, *искусство*, *закусить*, *кусать* и т. п. и объединять их в одном словообразовательном гнезде.

С точки зрения живых смысловых отношений слова *вкус* и *вкушать* образуют разные гнезда. В гнездо *вкус* входят: *вкус-ов-ой* - *пищ-е-вкусовой*, *вкус-н(ый)* - *вкусн-о* - *не-вкусно* 1, *вкусн-от-а*, *не-вкусн(ый)* - *невкусн-о* 2, *пре-вкусн(ый)* - *превкусн-о*, *вкус-ов/щип-а*, *бес-вкус-н(ый)* - *бесвкусн-о*, *бесвкус-щип-а*, *бесвкус-щип-е* [бесвкусие], *при-вкус*. *Вкусить* имеет свой набор производных слов: *вкуш-а-ть* - *вкушать-ся*, *вкуш-ени-е* [вкушение], *пред-вкусить* - *предвкуш-а-ть* - *предвкушать-ся*, *предвкуш-ени-е* [предвкушение], *предвкус-ш-е* [предвкусие].

В самостоятельное гнездо обособился глагол *искусить* «соблазнить, прельстить». Сюда относятся: *искус-а-ть* - *искусать-ся*, *искус-ени-е* [искусение], *искуси-тель* - *искуситель-ниц-а*, *искус-тельн-ый*. Сильно отошло от семантики исходного глагола значение существительного *искус* «серьезное испытание; длительная и трудная проверка чьих-л. качеств». Слабо связано с гнездом *искусить* семантически и прилагательное *искусный* «точно знающий свое дело, обладающий высоким мастерством в чем-л.; умелый; сделанный, выполненный с большим умением и тонкостью, мастерски»: *искусный врач*, *искусная работа*. По значению очень близки с ним производные *искусн-о* - *не-искусн-о* 1; *искусн-ость* - *не-искусность* 1, *искусн-ик* - *искусн-щип-а*; *без-ыскусный*; *не-искусн(ый)* - *неискусн-о* 2, *неискусн-ость* 2; *пре-искус-н(ый)* - *преискусн-о*; *мал-о-искусный*. В таком же положении в гнезде слова *искус-ени-ый* «прошедший какой-л. искус, на уроженный чем-л.» *не-искусенный*, *неискусенн-ость*, *мало/искусенный*.

Семантическая неоднородность гнезда *искусить* бросается в глаза. Из него выросли также гнезда *искусство*, *искусственный*. Слово *искусство*, рожденное в гнезде *искусить*, семантически отпочковавшееся от слов *искус*, *искусный*, в современном русском языке вместе с производными составляет уже отдельное гнездо: *анти-искусство*, *не-искусство*, *псевдо-искусство*, *искусствоведение*, *искусствовед*, *искусствоведческий*; *искусствознание*; *изо/искусство*; *клическусство*; *лжеискусство*; *теле/искусство*. От существительного *искусство* семантически изолировалось прилагательное *искусственный* «сделанный наподобие настоящего, природного; притворный, деланный, неискренний». Синхронно не мотивированное, оно возглавляет самостоятельное гнездо. В него входят слова: *искусственн-о*, *искусственн-ость*, *без-ыскусственн(ый)* - *безыскусственн-о*, *безыскусственн-ость*; *не-искусственн(ый)* - *неискусственн-ость*; *сверх-искусственный*.

К рассмотренным гнездам не имеет отношения производный глагол *кусать*, возглавляющий большое гнездо: *куса-ть-ся*; *куса-пу-ть*; *кус-пу-ть*; *куса-ни-е* [кусание]; *куса-к-а*; *куса-тельн-ый*; *куса-н-ый*; *вы-кусать* - *выкус-ыва-ть* 1, *выкусывать-ся*, *выкусыва-ни-е* [выкусывание], *выкус-и-ть*, *выкус-ыва-ть* 2, *выкус* и м. др. Сюда же относится префиксально суффикс-

сальный глагол *за-кус-и-ть* II «зажать зубами» — *закус-ива-ть* I, *закусыва-ть* I, *закусыва-ни-е* I [закусывание]: — *Порядки, вздохнул он всей грудью и, закусив левый ус, грустно поник головой* (М. Горький, Коновалов). Его не следует смешивать с омонимом *за-кус-и-ть* II (от *кушать*) «заесть что-л.; поесть немного, наскоро; поесть закусочку перед обедом, на чиная обед». Отсюда *закус-к-а* «то, чем закусывают, заедают что-л.»

Таким образом, элемент *-кус-* встречается в составе не только родственных, но и неродственных слов. Чтобы выявить родство слов, необходимо сначала определить их смысловые отношения. Родственные связи слов непременно предполагают семантическую общность. Словообразовательный анализ слов — это всегда анализ семантический. Он обязательно имеет дело со смысловыми элементами языка. Справедливо писал об этом Г. О. Винокур. Он подчеркивал: «Если по выделении из состава какой-нибудь основы известного звукового комплекса в остатке получится звуковой комплекс, не обладающий каким-нибудь значением, представляющий собой пустое звукосочетание, то выделение произведено неправильно, то есть не отразило реального факта языка» (Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 421—422). К сожалению, эту истину часто забывают и преподаватели, и авторы учебников, словарей, и исследователи.

НАУЧНАЯ ЭЛИТА СТРАНЫ: КТО ЕСТЬ КТО

Издательство «Наука» и журналистское агентство «Гласность» при Конфедерации союза журналистов приступили к изданию четырехтомного справочника «Научная элита страны: кто есть кто». Первый том посвящен академикам и членам-корреспондентам Российской академии наук. В него входят подробные справки о крупнейших деятелях советской науки: жизненный путь, главные направления научных исследований, основные труды, награды и почетные звания, увлечения, адреса и телефоны.

Во втором томе будут представлены отраслевые академии наук, а в третьем — республиканские, а в четвертый войдут крупнейшие научно-исследовательские учреждения страны и вузы и их ведущие кадры. Подписчик в итоге получит целую справочную библиотеку, подобно которой у нас еще никогда не было.

Первый том выйдет в первом полугодии 1992 г. Цена договорная. Желающих приобрести его просим направлять заказ по адресу:

123242, Москва, пл. Восстания, 1, а/я 371
Журналистскому агентству «Гласность»

А. Ф. Войтенко. ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Важным событием в научной и культурной жизни наших дней стал выход в свет лингвистического и исторического памятника «Лексического атласа Московской области», созданного А. Ф. Войтенко (Ивановой).

Атлас содержит 160 карт, на которых нанесены при помощи условных обозначений (круг, квадрат, треугольник и т. д.) различные диалектные наименования дома, двора и их частей, хозяйственных построек, частей крестьянской усадьбы, предметов домашней утвари, посуды, одежды, орудий труда, средств передвижения, видов птиц, а также наименования полей, лугов, земельных угодий, цветов, грибов, ягод, трав, деревьев, ландшафта (болот, оврагов и т. д.). Особый интерес представляет собой лексика быта русской деревни.

По территории Московской области проходили границы славянских (кривичи, вятичи, словене новгородские) и неславянских племен (финно-угорские — меря, мурома, мещера, балтское племя готланд). Здесь же в различные периоды истории пересекались границы Новгородского, Ростово-Суздальского, Тверского, Владимирского, Муромского, Рязанского, Смоленского, Черниговского княжеств. Границы племен, уделов, княжеств, более поздних социальных образований, таких, как «гуслияки», «шувальяки» и т. п., находят яркое отражение на картах атласа. Атлас богат иллюстрирован рисунками.

Карты легко читаются. Литературный эквивалент названия предмета является и наименованием определенной карты, помещенной под порядковым номером. На каждой карте дается и расшифровка условных знаков, обозначающих лексемы.

Карты сопровождаются обстоятельными комментариями, сопоставляющими лексику «Словаря говоров Подмоскowl» (того же автора; изд. 1969 г.) и лексического атласа и показывающими все преимущества лингвистической географии по сравнению с лексикографическим обследованием территории. Возьмем, к примеру, обряд, при котором на свадьбе одаривают молодых подарками. В «Словаре говоров Подмоскowl» даны только два названия этого живого до наших дней свадебного обряда — *к сыру!* и *на караван давать*. На карте № 156 мы прочитали и такие очень колоритные и связанные с историей русского народа названия, как *блюдечко серебрить*, *тарить караван*, *дарить невесту*, *класть на ложно*, *«к стакану!»*, *озолочение*, *платить покляжысь*, *серебрить*, *советку дарить*, *чарой обнести* и мн. др. Однако комментарии дополнили карту и такими названиями обряда, как *выкаличку выкликать*, *к рюмочке подходить*, *на серебрить тарелку*, *руку жамить*, *серебрить молодую*, *сыр дар нести* и т. д.

Кроме того, в комментариях приведены цитаты, записанные в конкретном населенном пункте, указан носитель говора, его возраст и год записи.

Идя вслед за такими образцами лингвогеографии, как «Карпатский диалектологический атлас», национальный «Атлас української мови», «Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР» И. А. Дзендзелевского, автор «Лексического атласа Московской области» вносит много нового и оригинального и в самую подачу лексического материала. Взять хотя бы пункт № 3 комментариев, где в каждой карте указаны зоны — большие, соответствующие племенным границам (например, кривичская Большая Северная зона), и локальные, соответствующие как племенным образованиям (мерянская Северо-восточная полоса, мещерский Восточный клин и т. д.), так и более поздним социальным группировкам населения (Гуслицкая зона, в частности).

Хочется поблагодарить автора за уникальный труд и пожелать ему успехов.

Г. В. Карпов. С

А. В. Суперанская. ИМЯ — ЧЕРЕЗ ВЕКА И СТРАНЫ

Новая книга — это всегда событие. На этот раз мы приглашаем читателей к книге доктора филологических наук Александры Васильевны Суперанской «Имя — через века и страны» (М., Наука, 1994). Она посвящена интереснейшим разделам языкознания — ономастике и топонимике. Что означают наши имена, как они появились, кому принадлежали, почему так, а не иначе, назван город, в котором мы живем, или река, протекающая вблизи? Автору книги удалось ответить на эти вопросы, приоткрыть завесу таинственности для любознательных, провести их в мир имен и географических названий.

Постоянному читателю «Русской речи» многое в этой книге будет знакомо, так как в прошлом году наш журнал представил отдельные ее страницы. Продолжая начатый много лет назад разговор о собственных именах, А. В. Суперанская показывает их историческую глубину, связь с фамилиями, географическими названиями, с древнейшими мифами и легендами, а также рассказывает о появлении новых типов имен. Путешествуя по нашей планете, преодолевая значительные расстояния в пространстве и во времени, переходя из одного языка в другой, многие имена изменяются, перестраиваются, иначе звучат, но относятся к одному и тому же источнику.

Прочитав книгу, можно узнать о сложившейся традиции в выборе имен у разных народов. Приведем только один пример: «...создаются тра-

диционные чередования имен в семье через поколение, например, в семье актеров Садовских были приняты имена *Михаил* и *Пров*: отец *Пров Михайлович*, сын *Михаил Прович*, а внук — снова *Пров Михайлович* (младший)».

Из этой книги мы узнаем, что истоки многих современных имен восходят к античности, средневековью, связаны с историей человечества, мифами. Так, эпитеты, которыми обладал Зевс, можно найти в значениях современных русских мужских имен: *Аристарх* (*аристос* лучший+*архо* посылать, руководить), *Василий* (*басилейос* царский, царственный), *Георгий* (*георгос* земледелец), *Макар* (*макариос* блаженный, счастливый), *Харитон* (*харис*, *харитос* красота, слава, благосклонность).

Займствование личных имен — это, по-видимому, самое массовое в истории мировой культуры проникновение слов из одного культурного центра в другие. Подтверждение этому можно найти в книге, где автор раскрывает перед читателями особенности происхождения и произношения календарных имен, пришедших к нам из Византии вместе с христианством: *Георгий* — по русскому произношению *Егор*; *Иоанн* — по русскому произношению *Иван*; *Анастасия* — *Настасья*; *Ксенофонт* — *Сенофонт*, *Селифонт*; *Мефодий* — *Нефе*; *Хрисанф* — *Кирсан*.

Большое внимание А. В. Суперанская уделила именам дохристианским: «В XIV–XVI вв., судя по письменным памятникам, имело место равновесие древнерусских и византийских имен: *Дмитрий Константинович Ноготь Суздальский* (XIV в.), *Писк Иван Дмитриевич Свищев* (XV в.)...»; «Отдельные имена характеризовали время рождения ребенка и явления природы, сопутствующие этому: *Весняк*, *Ярец* — рожденный весной, *Зима*, *Мороз*, *Метелица* (...) Некоторые имена отражали отношение родителей к появлению ребенка: *Ждан*, *Неждан*, *Нечай*». Позднее древнерусские имена перешли в прозвища, а затем и фамилии, о чем также можно узнать из этой книги.

Об интересном имятворчестве, которое происходило в 20–30-е годы XX века в нашей стране, очень подробно повествует автор: «Это было время, когда рушились все и всякие условности, и чем резче противопоставлялось новое старому, тем лучше это казалось (...) После революции появилось много новых имен, до тех пор невозможных, которые, между прочим, невозможны и в настоящее время (...) В создаваемых именах люди стремились отразить революционные события, а также идеологию, настроение и атрибутику революции: *Революция*, *Коммунар*, *Ревмира* (революция мира), *Ревдит* (революционное дитя), *Интерна*, *Искра*, *Идея*, *Май*, *Майя*, *Февральна*, *Октябринна*...»

Большое место отведено в книге географическим названиям, которые вызывают не меньший интерес читателей, чем личные имена. Автор рассказывает о существующих путях образования географических названий по физическим свойствам географических объектов и по их роли в жизни человека: «Такие наименования, как *Красная Глина*, *Пески*, *Дубравы*, *Зеленый Гай*, говорят об особенностях почвы, растительности той эпохи,

когда давалось название – сейчас *Зеленый Гай* стоит посреди чистого поля». Книга повествует и о вариантности названий одного и того же географического объекта. Так, например, река *Дунай* имеет свое название в каждой стране, где протекает: «...нередко объекты с большой протяженностью имеют несколько вариантов названия. Сравните, например, русск. *Дунай*, венг. *Дуна*, нем. *Донау*, болг. *Дунав*, рум. *Дунэря* (...) испанская река *Таго* на территории Португалии зовется *Тежу*. Так она обозначена и на картах».

Как исторические реалии сохраняются в жизни названий географических, можно также узнать, прочитав эту книгу: «...когда появились улицы, слободы пришли в упадок, изжив себя экономически, или вовсе перестали существовать, а улицы и переулки получили названия по некогда бывшим здесь слободам; *Серебрянический пер.*, *Монетчиковский переулок*, *Пушечная ул.*, *Гончарная набережная*, *Таганская ул.*».

Но больше всего, пожалуй, читателей привлечет Приложение, в котором рассказывается о происхождении и дается толкование некоторых, наиболее популярных мужских и женских личных имен: «*Илья*, исл. [церковнославянское] *Илий* из др.-евр. *элияху* бог мой Яхве»; «*Степан*, исл. *Стефан*, из греч. *Стефанос*: *стефанос* венок, венец, корона, диадема; ср. *Стефанос* диадема, атрибут Геры»; «*Марфа* из греч. *Марфа/Марта*: сирийск. *марн* хозяйка, госпожа; греч. „тета“ передана рус. „фитой“».

Т. С. Козмакина С

Вячеслав Иванов: поэт и мыслитель

Под таким названием в Крыму в Судак с 15 по 20 сентября 1991 года проходила конференция, организованная Домом-музеем М. А. Волошина. Целью конференции стала попытка сделать еще один шаг к возрождению богатых литературных и художественных традиций юго-восточного Крыма, где жили и работали «звезды» российской культуры: художники И. Айвазовский, К. Богаевский, поэты и писатели – А. Белый, М. Булгаков, О. Мандельштам, М. Волошин, А. Грин, М. Цветаева и многие другие. Здесь же после смерти своей жены – Л. Зиновьевой Аннибал на судакской даче у сестер Герцых в 1908 году гостил один из зачинателей русского символизма Вячеслав Иванов (1866-1949).

Конференция с полным правом может быть названа международной, так как в ней принимали участие филологи и литературоведы не только из России и Грузии, но и ученые Италии и Германии. На заседаниях рассматривались различные аспекты наследия Вяч. Иванова, обсуждались история публикации его произведений в России, воздействие его творчества на отечественную и мировую культуру. В. Микушевич (Москва) выступил с докладом «Вяч. Иванов и западноевропейская поэзия XX века», А. Шишкин (Италия) проанализировал соотношение формы и содержания в поэме «Человек», Р.-Д. Клуге (Германия) избрал темой своего доклада сравнение личностей Вяч. Иванова и А. Скрябина; проблемы издания произведений Л. Зиновьевой Аннибал осветила московский литературовед М. Михайлова.

Конференция еще раз подтвердила значимость теоретического и поэтического наследия Вяч. Иванова, во многом живившихся на идеях «сверхчеловечества», «мифотворчества», «дионисийства», «соборного творчества», идеях, долгое время трактовавшихся советским официозом как чуждых и далеких современному читателю.

Конечно, судакская конференция не могла охватить всего круга проблем, связанных с личностью Вяч. Иванова. Она скорее являет еще одну попытку восстановить в нашем сознании целостную картину русской культуры XX века.

Е. И. Трофимова С